

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Н.Ф. Котляр

Древняя Русь и Киев

В летописных
преданиях
и легендах

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1986

В книге на основе включенных в летописи народных преданий и легенд раскрывается яркая и поэтическая картина истории древнерусского народа: формирование и расселение восточнославянских племен, складывание первых государственных объединений, основание городов, отважные походы храбрых русичей на Константинополь, строительство и укрепление Древнерусского государства в годы правления Ольги, Святослава и Владимира.

Для широкого круга читателей.

Ответственный редактор

доктор исторических наук *П. П. Толочко*

Рецензенты

доктор филологических наук *В. Л. Микитась*,

кандидат филологических наук *Я. Е. Боровский*

Редакция научно-популярной литературы

Заведующий редакцией

А. М. Азаров

К $\frac{0505000000-096}{M221(04)-86}$ 46—86

© Издательство «Наукова думка», 1986

Народ — творец истории. Но это всеми ныне признанное положение имеет и другой смысл: народ воссоздает собственное историческое прошлое в виде фольклорных памятников: родовых и исторических преданий и легенд, дружинных песен и былин, сказок и дум. Известный дореволюционный фольклорист О. Ф. Миллер отмечал, что «народная память в продолжение долгих веков была, так сказать, единственным архивом произведений народного творчества»¹. Благодаря существованию этого архива устной народной истории первым отечественным летописцам удалось описать так называемые легендарные* времена древнерусского прошлого, вплоть до конца X — начала XI в., когда в Киеве, а затем и в других городах Русской земли началось летописание.

Сказанное относится не только к летописям. Ученые не раз отмечали, что своими высшими художественными достижениями древнерусская литература обязана фольклору, питавшему ее своими живительными соками, — начиная от сказаний древнейших летописей о расселении славян, героических преданий о борьбе народа за свою независимость, вплоть до высочайшего произведения мировой поэзии «Слова о полку Игореве».

Вступительные разделы первых отечественных летописных сводов — Древнейшего, Начального, Новгородского, «Повести временных лет» — в основном состоят из воспроизведенных и в соответствии с духом времени обработанных летописцами памятников устного народного творчества. Много их знал и ввел в «Повесть временных лет» ее наиболее вероятный автор, киевский летописец Нестор, деятельность которого приходится на вторую половину XI — начало XII в. Это, главным образом, предания и легенды V — IX вв., отображающие историю восточных славян с начала нашей эры и до возникновения государственности. На фольклорном материале в значительной мере построено также изложение в летописях событий истории начальной поры существования Киевской Руси (IX—X вв.).

Образно и метко отозвался о поэтических фольклорных памятниках восточнославянской старины известный украинский ученый,

¹ Сборник Археологического Института. Спб., 1880, кн. 3, отд. 3, с. 67.

* Не отраженные в современных им письменных источниках.

академик АН УССР А. М. Лобода в вышедшей в Киеве в конце прошлого века книге «Русский богатырский эпос»: «Под таинственным покровом поэтической передачи перед нашим взором вырисовываются очертания многих веков русской истории... В общем получается сильная, замечательная по своему богатству и разнообразию картина внутренних и внешних отношений Руси, ее идеалов, культурных общений, — неписанная история, не признающая хронологии и с своеобразными приемами изложения, но, тем не менее, полная внутренней правды».

Действительно, предания и легенды, воинские песни и былины — это в целом достоверный, хотя и своеобразный, доступный только специалистам исторический источник. Чтобы использовать его в научных целях, необходимо научиться понимать специфику фольклорных свидетельств о прошлом, отделять легендарное от действительно происходившего, уметь извлекать исторические события и явления из романтической оболочки народного сказания, что успешно выполняется совместными усилиями историков, литературоведов и фольклористов.

Фольклорные источники летописания начали серьезно изучать еще в дореволюционное время. Много сделали такие видные ученые, как Е. Ф. Аничков, Н. И. Костомаров, В. Ф. Миллер, В. А. Пархоменко, М. Г. Халанский и особенно А. А. Шахматов. Успешно разрабатывали и продолжают разрабатывать эту проблематику советские исследователи С. М. Азбелев, В. П. Адрианова-Перетц, Р. С. Липец, В. В. Мавродин, Е. А. Рыдзевская. Велики заслуги академиков Б. А. Рыбакова и Д. С. Лихачева, чьи труды являются основополагающими в нелегком изучении народных источников древнерусского летописания.

Автор подходит к отраженным в летописях фольклорным произведениям с позиций историка и ставит перед собой задачу раскрыть сохранившуюся во многих летописных сводах устную историю древнерусского народа, выявить ее закономерности, особенности и характер отражения ею исторической действительности. В книге широко использованы свидетельства отечественных и иностранных письменных источников эпохи раннего средневековья: византийских исторических сочинений, венецианских, германских и прочих западноевропейских хроник, арабских географических трудов, документов из многих архивов.

Мы стремились развернуть перед читателем многообразную и яркую картину детства и юности древнерусского народа: складывание и расселение восточнославянских племен, их борьба против вражеских вторжений, основание древнейших городов, возникновение первых государственных объединений, отважные походы храбрых русов на Константинополь, становление древнерусской дипломатии, строительство и расширение Киевского государства в IX — начале XI вв.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФОЛЬКЛОРЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Этой теме посвящена обширная научная литература, созданная в основном фольклористами. Историки, за исключением Б. А. Рыбакова, мало касались ее. В данной главе мы излагаем взгляды современной науки на специфику и познавательные возможности фольклорных произведений, служивших источником летописцам при воссоздании истории древнерусского народа.

Старая дворянская историография мало верила в фольклорные источники. Ее крупнейший представитель XVIII в. В. Н. Татищев, рассматривая проблемы исторической достоверности многих страниц «Повести временных лет», скептически заметил: «По обстоятельствам же видимо, что он (летописец Нестор. — Авт.) не со слов, но с каких-либо книг и писем из разных мест собрав и в порядок положил, например войны со греки Киа, Оскольда, Ольга, Игоря, Святослава и пр., о которых греки и римские (византийские. — Авт.) тех времен писатели утверждают; ... и потому, безсумненно, прежде Нестора и задолго писатели были»¹. В другом месте своего труда он назовет народные предания сказками, лишенными всяческого правдоподобия.

За многие минувшие с тех пор десятилетия скепсис сменился глубочайшим уважением и пристальным интересом исследователей к отраженным в летописях памятникам народного творчества. Для фольклористов летописи — почти единственные записи преданий, легенд, пословиц и прочих устных народных произведений древнерусского времени, для историков — источники чрезвычайной важности.

Советская наука установила, что древнерусская историография отнюдь не начинается с первых летописных сводов, как думали раньше. Более того, эти своды, даже Древнейший (1039), явились не начальным, а заверша-

¹ Татищев В. Н. История Российская. — М.; Л., 1962, т. 1, с. 96.

ющим этапом исторического творчества народа, которому предшествовали отдельные записи о многих событиях и фактах, а еще раньше народные предания и легенды.

Важным свойством летописания как исторического жанра всегда была его злободневность, стремление книжника доводить свой рассказ до современности. Как справедливо полагал крупнейший дореволюционный историк-историк А. А. Шахматов, «это неизбежно приводило к пользованию не только письменными источниками, но и устными рассказами (причем далеко не всегда из первых рук)». Благодаря этому в летописи систематически и широко проникали произведения восточнославянского фольклора.

Необходимо заметить, что не только летописи, а и другие памятники древнерусской литературы*, по своему жанру ближе к фольклору, чем к сугубо индивидуальному творчеству писателей позднейших времен. Видный советский литературовед Д. С. Лихачев подчеркивает, что «литература Древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством надындивидуальным.

Это было искусство, создававшееся путем накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей — в основном безымянной — письменности»². Это органически роднило древнерусскую литературу, в частности летописание, с фольклором.

Задолго до того, как началось летописание, выросшее из упорядоченных погодных записей о событиях и фактах, в устном народном творчестве жило тяготение к систематизации исторических сведений. У всех народов на определенных этапах их эволюции фольклор стремится к своеобразному «историзму». Это объясняется, наряду с прочими причинами, складыванием какого бы то ни было эпоса после того, как в истории произошло определенное событие. Поэтому-то все эпосы имеют историческую основу.

Выдающийся советский историк академик Б. Д. Греков прекрасно сказал о фольклоре (то, что он написал о былинах, в равной мере относится к народным преданиям и легендам, воинским песням и «славам»): «Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть

* Летописи равным образом являются как историческими, так и литературными произведениями.

² Лихачев Д. С. Великое наследие. — М., 1980, с. 9.

фактические ошибки, объясняемые тем, что опозитизированные предания не записывались, хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста... Но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим»³.

Устная фольклорная история Руси была предшественницей ее истории письменной. И в дальнейшем, когда в Древнерусском государстве родилось и ярко расцвело летописание, эта устная история шла бок о бок с письменной, щедро снабжая ее фактами, образами и изобразительными средствами. По мнению известного советского историка летописания А. Н. Насонова, «даже во второй половине XII в. (в народе. — Авт.) помнили о Баяне, воспевавшем времена Ярослава Мудрого и Мстислава, победившего Редю, их подвиги, знали о «песнотворцах». Летописание восприняло от дописьменной поры великие достоинства древнерусского языка: фразеологию, богатство лексики, выразительность и метафоричность. В течение едва ли не всего древнерусского времени произведения устного народного творчества оказывали большое воздействие даже на форму летописных статей, влияя тем самым на складывание летописного жанра вообще.

Древнерусские летописи (а также жития святых и проповеди) сохранили немалое количество памятников фольклора: родовых и исторических преданий и легенд, произведений дружинного эпоса, которые легли в основу их известий о событиях, не отраженных в современных им письменных источниках. Постоянно черпая из буквально неиссякаемого фольклорного фонда, первые летописцы сумели отразить в своих трудах сведения о далеком прошлом Русской земли, начиная с первых веков нашей эры. Так была заложена прочная основа для написания отечественной истории древнейшего, начального периода.

Обычно не искушенные в знании законов устного народного творчества историки стремятся «проверить» истинность сообщаемых фольклорными памятниками сведений, прибегая к более надежным, как они полагают, источникам — письменным, т. е. летописям, хроникам, древним историческим сочинениям, а также многочисленному

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. — М.; Л., 1953, с. 7.

актовому, документальному материалу (королевским и княжеским грамотам, межгосударственным договорам и др.). Но, как установили ученые-фольклористы, не следует всякий раз, обращаясь к тому или иному событию или явлению далекого прошлого, сопоставлять произведения устного народного творчества с письменными источниками. Ю. И. Смирнов отмечает: «Хотим мы того или не хотим, но в этом случае за номинал, за исторический эквивалент эпосу будут приняты ситуации из хроник и летописей. А между тем отождествлять историю народа с историей, запечатленной на страницах письменных памятников, не следует. Эпос глубже, шире и совсем в другой форме, нежели это наблюдается в письменных памятниках, отражает историю народа»⁴. Этими словами должен руководствоваться каждый, кто обращается к фольклорным источникам древнерусского прошлого.

Важная особенность памятников устного народного творчества в сравнении с летописью и другими письменными источниками — их народность. Ведь фольклор отражал в основном мысли и чаяния трудового народа, угнетенных классов. В классовом, даже раннефеодальном обществе литература тем или иным способом подвергалась светской или духовной цензуре. Никогда не существовало свободного от земных забот и общественных пристрастий монаха-летописца, которого порой изображала дореволюционная историография. Летописцы обычно выполняли социальный заказ правящих кругов, воспевали князей, при дворах которых они жили. Их сочинения отражают и междукняжескую борьбу, и симпатии и антипатии их хозяев, но замалчивают при этом народные выступления против князей и бояр-угнетателей.

Иное дело — фольклор. В силу их природы и самого способа передачи произведения устного народного творчества невозможно сколько-нибудь эффективно контролировать свыше. Поэтому фольклор гораздо полнее и объективнее, чем литература, передавал настроения и запросы народных масс.

Конечно, далеко не все фольклорные произведения вышли из трудовых слоев древнерусского общества. «Четкая классовая характеристика всего устно-поэтического наследия Древней Руси — первоочередная неотложная задача, — подчеркивала крупнейший советский литературовед В. П. Адрианова-Перетц, — чтобы в каждом отдельном

⁴ Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. — М., 1974, с. 25.

случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель (древнерусский. — *Авт.*), сохранил или изменил он самую сущность использованного устного материала»⁵.

Стало чуть ли не аксиомой полагать, будто бы письменные источники неизмеримо полнее, чем фольклорные, отражают историческую, в нашем случае — древнерусскую действительность. А между тем полнота первых ограничивалась главным образом строгим отбором и тщательным просеиванием имеющегося под рукой у летописца материала, который он вынужден был производить под давлением господствующего класса в целом или какой-либо его группировки. «Следует признать, — утверждает известный советский фольклорист С. Н. Азбелев, — что устные источники не менее (чем письменные. — *Авт.*) важны для определения историчности фактов отдаленного прошлого. Если событие настолько запечатлелось в сознании современников, что повествования о нем передаются на протяжении веков, то перед нами надежное удостоверение исторической значимости»⁶.

Фольклорный источник способен отразить важное событие, которое по соображениям цензурного или иного характера могло не попасть в летопись или в какой-либо другой письменный источник. Отсюда ясно, что оба вида источников дополняют друг друга. И задача историка состоит не столько в том, чтобы проверять достоверность одних источников путем сопоставления их сведений с информацией других, сколько в том, чтобы, творчески используя фольклорные и литературные памятники, наиболее полно, конкретно и всесторонне воссоздать картину далекого прошлого.

Письменный источник, в частности, летопись, имеет то преимущество перед устным, фольклорным, что первый в состоянии точно и подробно отражать исторические события и явления, и это отражение принадлежит, как правило, современнику. Но и такое преимущество не абсолютно, ибо летописи дошли до нас отнюдь не в первозданном виде — они многократно редактировались, перерабатывались и переписывались. Каждая переделка выполнялась не произвольно, не по настроению или прихоти редактора, а в духе политических интересов того времени. Поэтому

⁵ Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. — Л., 1974, с. 13.

⁶ Азбелев С. Н. Историзм были и специфика фольклора. — Л., 1982, с. 35.

само *истолкование* того или иного события в летописи далеко не всегда исходит от его современника. Зато памятники устного народного творчества, хотя и крайне редко сохраняют точность имен и фактов, способны в течение столетий хранить без существенных изменений народную оценку существа явлений или событий.

Едва ли не древнейшим фольклорным жанром, нашедшим отражение в летописях, были предания. «Повесть временных лет» и другие летописные своды сохранили старинные славянские предания, восходящие к началу нашей эры, что свидетельствует о существовании в те отдаленные времена в славянском обществе интереса к родной истории.

«Истоки преданий уходят в далекое прошлое, так как рассказы о прошлом принадлежат к одному из первоначальных видов словесного творчества»⁷. Поэтому затруднительно использование древнейших преданий в качестве исторического источника. Прежде всего, очень нелегко определять хронологию повествования преданий, сложившихся во времена, не отраженные в письменных памятниках. Трудности, с которыми столкнулись историки в многолетних попытках хотя бы приблизительно датировать предания об основании Киева, — один из ярких примеров сказанного.

Ученые считают, что «Повесть временных лет» и предшествующие ей летописные своды (Древнейший, Начальный) использовали в качестве источников множество народных преданий и легенд. Это вообще характерно для раннесредневековых исторических сочинений многих народов. Ф. Энгельс отмечал, что «ирландские летописи основаны, по крайней мере, частично, на рассказах современников», а в основе пред истории Ирландии «лежали старинные народные сказания, которые были... затем приведены в надлежащий хронологический порядок монахами-летописцами»⁸.

Средневековые летописцы и хронисты, рассказывая о начальных этапах истории своих народов, не только широко пользовались народными преданиями, но часто прямо ссылались на них. Автор известной «Чешской хроники», современник Нестора Козьма Пращский в предисловии к своему труду указал, что воспользовался сведениями, полученными от стариков: «Итак, свое повествование я

⁷ Соколова В. К. Русские исторические предания. — М., 1970, с. 9.

⁸ Энгельс Ф. Рукописи по истории Англии и Ирландии. — Архив Маркса и Энгельса, т. 10. М., 1948 с. 97-81.

начал от времен первых жителей Чешской земли и о том немногом, что стало мне известно из преданий и рассказов старцев». На свидетельства очевидцев сослался и германский хронист Гельмольд в «Славянской хронике», завершённой им в 1171 г. Так же и древнерусские летописцы часто отмечают: «говорят», «яко же сказуют». Иногда они даже сообщают, что то или иное предание существует в нескольких версиях (предание об основании Киева, например).

Много споров в фольклористике вызвал вопрос о различии и подобии между прозаическими эпическими рассказами — преданием и легендой. Оба термина по-разному истолковываются учеными, что в значительной мере объясняется размытостью и условностью границ между этими видами несказочной прозы, отсутствием в них ярких жанровых признаков.

Вероятнее всего, предание отличается от легенды тем, что несет в себе «установку на достоверность». В основе предания — описание реальных или вполне возможных событий и фактов по рассказам их участников или очевидцев. В противовес преданию легенда (хотя и не исключает «установки на достоверность») содержит нечто необыкновенное, а иногда и фантастическое, что определяет ее структуру, систему художественных средств и образов. Нам кажется вполне приемлемым это предложенное С. Н. Азбелевым разграничение между преданием и легендой.

В преданиях чувствуется стремление каким-либо способом подтвердить подлинность рассказа. Этому подчинены столь распространенные в них ссылки на названия местностей и прочие реалии (гора Щековица, щит Олега, могила Игоря, сани Ольги).

Вместе с тем сторонники такого размежевания между преданием и легендой признают, что и в первом могут быть элементы чудесного, но они выполняют второстепенные функции, не играют заметной роли в развитии сюжета. Ученые отмечают и возможность превращения легенды в сказку путем усвоения сугубо сказочных мотивов, постепенно занимающих главное место в сюжете. Возможно, на наш взгляд, и перерастание предания в легенду аналогичным способом.

«Итак, предание — прозаическое эпическое произведение, построенное на художественно осмысленных исторических фактах. Более, чем другие фольклорные жанры, оно заслуживает доверия историков и может быть — с определенной осторожностью и точным пониманием его

специфики — использовано в качестве источника. Но до сей поры сама природа предания, его соотношение с действительностью науке полностью не ясны.

Видный советский скандинавист М. И. Стеблин-Каменский, много лет изучая обширный фонд исландских родовых саг, пришел к выводу, что «родовая сага — это история, и притом исключительно правдивая». Подобное, как считает С. Н. Азбелев, можно сказать и о древнейших русских исторических преданиях, относящихся к тому же типу народного творчества. По его мнению, народ относился к преданиям (как и к родовой саге) с необыкновенной серьезностью и ответственностью. Это отношение сохранялось столетиями, и оно-то до поры исключало привнесение исполнителями (рассказчиками) собственных домыслов, искажавших фактическую основу повествования.

Фольклористы, в общем, сходятся на том, что вначале возникали родоплеменные, этногенетические сказания, в которых мифы о божественных и тотемных предках сочетались с реальными воспоминаниями о родоначальниках и племенных вождях, о переселении родов и создании союзов племен. Эти родовые предания восточных славян можно приблизительно датировать V — первой половиной IX в. Речь идет об отраженных в «Повести временных лет» и других древнейших летописях таких фольклорных произведений.

Затем, во второй половине IX—X в., складываются исторические предания. В процессе их создания творчески использовались, переосмысляясь и перерабатываясь применительно к условиям рождавшегося феодального строя, ранее возникшие родоплеменные предания. В новых исторических преданиях выступают уже не род и племя, а народность и государство (хотя эти термины и не употребляются сказителями и летописцами). Мифические и полупоэтические герои, пращуры, прапредки заменялись историческими персонажами, в них все шире отражались подлинные исторические события.

Подобный путь прошло родоплеменное предание о Кие, Щеке и Хориве. Как считает Д. С. Лихачев, предание о Кие и его братьях имеет культовое происхождение. Но ко времени использования его летописцем в первой трети XI в. это предание утратило уже обрядовое значение и привлекало народное внимание своим историческим смыслом. «Культовое предание о пращуре-перевозчике сменяется историческим и патриотическим преданием о по-

ходе на Царьград русского князя, получившего там от царьградского царя велику честь»⁹.

Надо сказать, что в летописи, к сожалению, вошли далеко не все бытовавшие в народе родоплеменные и исторические предания. Летописцы сознательно отказались от тех из них, которые сочли явно легендарными или устаревшими, а также от таких, образность и мотивы которых не соответствовали христианской морали книжников, преимущественно монахов.

Предания и легенды были основными, но не единственными устными источниками летописей. В них отразился еще один вид устной исторической народной памяти — дружинная поэзия. Она родилась в сравнительно узкой среде княжеских дружинников, но постепенно распространялась на все более широкие слои населения, пока не стала народной.

Литературоведы и фольклористы много спорили о том, могли ли дружинные песни и вообще поэтические произведения быть непосредственными источниками летописей. С. Н. Азбелев полагает, что сами песни не использовались летописцами в качестве источников — таковыми были лишь прозаические фольклорные жанры (предания и легенды). То же касается и былин. «Чем больше было в фольклорном произведении художественности, тем менее оно подходило для включения в документальный летописный текст»¹⁰. Ученый допускает, что дружинная песня могла отразиться в летописи, но через прозаический пересказ. И былинный эпос, по словам С. Н. Азбелева, был для летописцев «стимулом», а не прямым источником.

Другие ученые полагают, что для подобных категорических утверждений нет оснований: следы памятников устного народного творчества в летописях не позволяют точно установить, в какой именно форме их использовали древнерусские книжники. Как считают некоторые исследователи, летописцы могли с одинаковым успехом обращаться и к прозаическим преданиям, и к героическим песням.

Б. А. Рыбаков справедливо отмечает, что нет оснований сомневаться в существовании в IX — X вв. воинского эпоса, прославлявшего подвиги русского оружия, — оно документировано самими летописными сводами. Ученый

⁹ Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в. — М., 1953, с. 155—156.

¹⁰ Азбелев С. Н. Летописание и фольклор. — Рус. фольклор, 1963, т. 8, с. 20.

допускает, что в распоряжении киевских летописцев имелись какие-то записи устных эпических сказаний, оказавшихся недолговечными. Быть может, добавим мы, они пользовались их прозаическими переложениями.

Историку трудно вмешаться в этот ученый спор между фольклористами. Подчеркнем только: все специалисты сходятся на том, что воинский эпос, в частности дружинные песни, мог быть источником летописцев — непосредственно или в виде прозаических пересказов. А это главное. Именно дружинный эпос донес до нашего времени свидетельства о смелых походах русских дружин на Константинополь под водительством Аскольда, Олега и Игоря, о воинских подвигах Святослава.

Большинство фольклористов скептически относится также к прямому использованию в летописях былинного эпоса. Ведь даже сторонники мнения об обращении летописцев к былинам как источникам вынуждены признать почти полное отсутствие совпадений летописных сюжетов с былинными. В былинах мы не встретим ни Аскольда с Диром, ни Игоря с Ольгой, ни даже Святослава, казалось бы, словно нарочно созданного природой для воспевания именно в былинном эпосе.

Но это не дает еще права отказывать былинам в историзме. Пусть даже они не побывали в руках летописцев, это все же самостоятельный исторический источник, правда, крайне своеобразный. Гиперболические преувеличения, фантастичность рассказа, ирреальность персонажей и прочие черты художественного вымысла в соответствии с нормами эпической традиции не могут быть основанием для отрицания связи былин с историческими событиями, о которых повествует летопись. Конечно, былина — не исторический документ, а художественное произведение, но и она, и летопись в основе имеют поразному преломленную действительность.

Главная же особенность былин (как и других памятников устного народного творчества) состоит в отражении самого существа исторических событий и явлений так, как их понимали народные массы. В былинном эпосе в поэтически обобщенной форме закреплялась память об исторических событиях, особенно важных с позиций народной этики.

Заканчивая краткое рассмотрение памятников устного творчества как исторических источников, приведем слова С. Н. Азбелева: «Эпос вообще создавался о событиях, оставивших значительный след в жизни и сознании народа» и что поэтому следует «относиться с до-

вернем к народной памяти, усиленной убежденностью самого народа в ценности и правдивости содержания эпоса»¹¹.

«И БЫЛИ ТЕ МУЖИ
МУДРЫ И СМЫСЛЕННЫ,
И НАЗЫВАЛИСЬ ОНИ
ПОЛЯНАМИ»

Этими словами летописец Нестор заканчивает изложение древнего народного сказания об основании Киева.

Народными преданиями, легендами, песнями летописцы, естественно, стремились компенсировать отсутствие или недостаточность сведений памятников письменности. Но значение фольклорных источников очень скоро переросло эти сравнительно скромные рамки. Устное народное творчество стало тем фундаментом, на котором была воссоздана древнейшая история восточного славянства и выросло этническое самосознание, чувство единства происхождения и общности исторического пути древнерусской народности. Все это побудило народ обратиться к летописанию — чтобы понять свое место в мире, осмыслить свою родословную и историю.

Но и тогда, когда уже родилось летописание, народные предания, легенды, песни не утратили своего значения как источника. Это понимали и образованные люди древнерусских времен. Прекрасные слова о характере исторических знаний на Руси можно прочесть в сочинении писателя и философа XII в. Кирилла Туровского «Слово на собор святых отец». Этот выдающийся мыслитель восточнославянского средневековья различает два типа носителей исторической памяти: летописцев и песнетворцев, следовательно, творцов истории письменной и устной. При этом Кирилл Туровский видит у них общую цель: прославление героев, их государственных деяний и военных подвигов. Он призывает современных ему писателей следовать народному умению воспевать героев: «Яко же историци и ветиа, рекше летописцы и песнетворци, приклоняють своа слухы и бывшая между царей рати и ополченна, да украсять словесы слышащая и возвеличать крепко».

¹¹ Азбелев С. Н. Историзм были и специфика фольклора, с. 268.

о Кие, Щеке и Хориве. В. Н. Татищев вообще отказал Кие в реальности существования: «О владетелях (Киева. — *Авт.*) хотя Нестор говорит, яко бы первый был Кий, но оное более почестъ за вымысел для закытия неведения древности, которое отличается тем, что Киев был весьма давно». А в примечании к этому месту своего рассказа историк добавил: «Оное явно, что от недостатка от древности известий и от незнания имени (основателя Киева. — *Авт.*) вымышлено»¹. Как видим, в XVIII в. историки даже не подозревали о том, что летописцы могли использовать устные народные предания и, ничтоже сумняшеся, сказание «Повести временных лет» о Кие и его братьях приписали фантазии Нестора.

Но, как это ни удивительно, самое известное древнерусское предание об основании Киева и в наши дни остается мало изученным. Многие историки, пользуясь без необходимого понимания природы и структуры этого источника текстами «Повести временных лет» о возникновении Киева и последующем визите Кия в Константинополь, рассматривают их как части одного и того же сказания и тем самым считают их созданными приблизительно одновременно. На самом деле, это два разных предания, но связанных между собой тематически. И попали они в летописи в разное время.

Первым возникло родоплеменное предание о создании Киева тремя братьями. А. А. Шахматов установил, что впервые оно было помещено в Древнейшем летописном своде, составленном в Киеве в 1039 г. при Ярославе Мудром. Приводим его в реконструкции А. А. Шахматова: «Начало земли Русьсте. Быша три братия: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив; сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, къде ныне увоз Боричев, а Щек сидяше на друзей горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозъвася Хоривица. И сътвориша град и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь. Бяху мужи мудри и съмыслни, нарицахуся Поляне, от нихъже суть Поляне Кыеве и до сего дъне»². Больше никаких подробностей о трех братьях этот летописный свод не знает.

Свидетельства Древнейшего свода о Кieve обладают одной из главных черт народного предания: установкой на достоверность, которая достигается путем упоминания

¹ Татищев В. Н. История Российская, т. 1, с. 352, 438.

² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908, с. 539.

названий киевских гор (Щековица и Хоривица) и прямым указанием на то место, где жил Кий.

Древнейший свод 1039 г. был восстановлен А. А. Шахматовым по редакции, выполненной в 1073 г. печерским игуменом Никоном. Никоновский или, согласно классификации этого ученого, Первый Киево-Печерский свод перешел в Начальный свод, созданный около 1095 г. в том же Киево-Печерском монастыре. Всюду изложение истории восточных славян начиналось с процитированного нами предания о Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди. Казалось, летописцы последующих времен уже ничего не могли изменить или прибавить к этому сказанию.

Однако в первые годы XII в. Начальный свод попал в руки к летописцу Нестору. То были времена бурного развития древнерусской культуры, в частности литературы, пробуждения этнического самосознания, возрастания общественных потребностей в осмыслении исторического прошлого и настоящего. Живой интерес к прошлому, стремление связать с ним, объяснить им настоящее свидетельствовало о понимании передовыми людьми своей принадлежности к Древнерусскому государству и его народности, чем эти люди гордились.

Для составляемой им «Повести временных лет» Нестор отказался от традиционного начала — предания о Кие и его братьях. Возможно, это произошло из-за того, что он писал общерусский свод и стремился осветить историю не только полян, но и других восточнославянских племен, объединенных к тому времени в составе Киевской Руси. Наверное, поэтому летописец создал этногеографическое введение к «Повести», где поведал о происхождении и расселении славян. Вместе с тем Нестору было уже известно, что сама история полян началась не со времени основания Киева, а раньше. В связи с этим летописец перед рассказом о Кие, Щеке и Хориве поместил краткий экскурс в историю полянского союза племен, в котором прямо утверждал «И до той братии были уже поляне», т. е. что история полян берет начало из более глубокой древности.

Но Нестор не ограничился переработкой начала Древнейшего свода и его продолжений, составленных в XI в. Он поместил в своем труде новое, уже историческое предание о Кие, своеобразную политическую биографию этого князя.

Одновременно автор «Повести временных лет» вступил в полемику с новгородскими летописцами, отрицав-

Пешие древнерусские воины X в.
Реконструкция XIX в.

шими сведения Древнейшего и последующих сводов о том, что Кий был первым князем, а вокруг Киевского княжества начала формироваться древнерусская государственность. Новгородские книжники выполняли социальный заказ своего боярства, которое как раз в начале XII в. жаждало освободиться от власти киевского князя. Вскоре это нашло выражение в создании Новгородской аристократической республики (после 1136 г.). Поэтому новгородская правящая верхушка стремилась создать угодную ей схему восточнославянской истории, принижая общерусское значение Ки-

ева и возвеличивая собственный город.

По всей вероятности, во второй половине XI в. в Новгороде родилась легенда, призванная развенчать Кия, лишив его княжеского достоинства. Она гласила, что Кий был либо перевозчиком через Днепр, либо звероловом. Таким способом славного основателя Киева, которого некоторые летописцы, в частности игумен Иоанн, сравнивали с Ромулом и даже с Александром Македонским, новгородский книжник силился низвести до положения бедного лодочника, за небольшую плату перевозившего людей с одного берега на другой, а то и простого охотника.

Нестор не просто отверг выдумку новгородского летописца, но при помощи стройной системы доказательств обосновал мнение о княжеском происхождении Кия: «Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем, Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, — не знаем только, к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как

говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место и срубил небольшой город и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близжнущие. Так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь тут же скончались»³.

Современные ученые пришли к мнению, что вписанное Нестором в «Повесть временных лет» народное историческое предание о Кне зиждется на действительном фактическом основании. Заложив в конце V — начале VI в. Кнев, полянский князь посетил Константинополь и встретился с императором Анастасием (491—518) или Юстинианом I (527—565).

Впрочем, нас интересует в цитированном тексте совсем иное: откуда Нестор получил сведения о царьградской поездке Кня? Б. А. Рыбаков думает, что устным источником Нестора были поляне, жившие в его время в Киеве. Сам Нестор однажды точно указал один из источников своих известий. Под 1106 г. читаем в его «Повести»: В тот же год скончался Янь, старец добрый, прожив девяносто лет... От него и я много рассказов слышал, которые и записал в летописание этом». Глубоко изучивший «Повесть временных лет» Д. С. Лихачев пришел к выводу, что множество записей в этом источнике сделано «на основании рассказов двух лиц: Вышаты и его сына Яня Вышатича, участии которого в летописании прямо отмечено под 1106 годом». Надо думать, что подобные рассказчики были не единичными, и Нестор и другие летописцы выслушивали предания о прошлом Русской земли от многих людей.

Таким образом, «Повесть временных лет» впитала некоторые родовые и исторические предания, передававшиеся из поколения в поколение в среде киевской родовой, а затем и феодальной знати. В частности, семейство Вышатичей близко стояло к княжескому столу*, служило киевским князьям с середины X в. В летописи широко проникли и предания, созданные в демократической, народной среде.

Интересно проследить судьбу обоих преданий, связанных с именем Кня, в позднейших летописях и хроногра-

³ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод.— М.; Л., 1950, с. 209. Здесь и в дальнейшем цитаты из «Повести временных лет», с целью облегчения их восприятия даются в переводах, выполненных в этом издании Д. С. Лихачевым.

* Так древнерусские источники называют престол.

фах. В этих источниках XVI—XVII вв. помещены в основном книжные варианты отразившихся в древнейших сводах народных преданий*, их литературные обработки, выполненные составителями этих поздних сводов, стремившимися осмыслить события уже далекого прошлого. При этом часто искажалась, «плющилась» хронологическая перспектива, сближались и ставились рядом люди и события, в действительности разделенные многими десятилетиями, а то и столетиями, нарушался сам порядок событий. Именно в поздних летописях предания теряют сюжетную стойкость (характерную для них в древнейших сводах), свободно изменяется их фактическая основа, они легко объединяются друг с другом.

Даже лапидарное, с простым, не разветвленным сюжетом предание об основании Киева изменило свое содержание в поздних летописях. В одной из них встречаем пример контаминации (объединения) сюжетов предания о Кие, Щеке и Хориве и известной по «Повести временных лет» легенды о посещении мифическим апостолом Андреем киевских высот: «Кий же и Щек и Хорив создаша град во имя брата своего старейшего на горе, идеже благослови святыи апостол Андрей, и нарекоша имя граду тому Киев». Здесь сохранен характернейший признак народного предания: стремление во что бы то ни стало подтвердить его истинность, чему в данном случае послужила попытка локализовать территорию возведения Киева ссылкой на легенду об установлении креста Андреем на месте будущего стольного града. Вместе с тем перед нами литературная обработка фольклорного материала «Повести временных лет». На самом деле, Андрей (даже если верить в его существование) никогда не был в Поднепровье.

Невзирая на то, что Нестор, казалось бы, окончательно опроверг новгородскую выдумку о Кие-перевозчике (или охотнике), она жила и в последующие времена, и против нее приходилось ополчаться и позднейшим летописцам. Например, Никоновский свод (XVI в.), признав распространенность мнения относительно якобы демократического происхождения и занятий Кия, доказывал ее ошибочность следующим способом: «Не ведяще же неции рекоша: «Кий есть был перевозник; но несть тако: бе бо у Киа тогда был перевозник со оноа страны Днепра, сего ради нарицаху его перевозника» — иначе говоря,

* Есть определенные основания считать, что как живой, продуктивный жанр летописные предания прекращают свое существование где-то в середине XIII в.

имя князя будто бы перешло на его лодочника, вследствие чего и возникла путаница.

В одной из поздних летописей существует и другое опровержение мифа о Кие-лодочнике: «У Киева был перевоз со страны Днепрской, того ради и глаголют, яко бы град Киев зделан на перевозе. Но несть се истина». Подобное объяснение выглядит правдоподобным. В связи с существованием с незапамятных времен переправы через Днепр на месте будущего Киева впоследствии могло возникнуть предание о том, что сам Кий был перевозчиком (вспомним присущую едва ли не каждому преданию установку на достоверность!).

В одной из русских летописей XVII в. поддерживается мнение Нестора о происхождении Кия и при этом вносится важное уточнение в рассказ о пребывании этого князя на Дунае: «Гды хотел (Кий) там от Киева наднепрскаго до дунайскаго Киева перенести свою столицу». Некоторые ученые считали, что в этом позднем источнике составитель просто приписал Кию известное намерение Святослава Игоревича сделать своим стольным градом также дунайский город Переяславец. Однако нам кажется вовсе не механическим это перенесение государственных планов Святослава на его далекого предшественника. Ведь Кий также стремился утвердиться на Дунае.

В литературе отмечалось, что названия нескольких дунайских городов, известных по списку русских городов конца XIV в. (помещенному в Воскресенской и нескольких других летописях), могли происходить от одноименных им антских, т. е. ранних восточнославянских, городов Поднепровья. Речь идет о Переяславе русском вблизи Днепра, Преславе на юг от Дуная и Переяславце на самом Дунае, Кieve на Днепре и Киевце на Дунае. В Никоновской летописи имеются указания на военный характер экспедиции Кия в Константинополь, что согласуется с его намерением обосноваться на дунайском рубеже Византии.

Память об основании Кием города на Дунае долго хранилась в народе. Один из летописцев XVII в. говорит о заложении этим князем города Киева и еще «града малого Киевца». Воспоминание об этом древнем (не позже 30-х годов VI в.) событии отразилось в былине о Чуриле Пленковиче:

Чурило живет не в Кieve,
А живет он пониже Малого Киевца.

В одной из оставшихся в рукописи летописей XVII в. читаем: «Прииде же Олег в Киев и убив трех братьев,

Киевских начальников: Кия, Щека и Хорива, и нача княжити в Киеве и великом Новеграде». Эта откровенно книжная версия построена, как мы думаем, на желании литератора заполнить пробел в рассказе древнейших летописей, образовавшийся после смерти трех братьев и их сестры Лыбеди. Характерно, что автор приведенного рассказа даже не вспомнил об Аскольде и Дире — следующих после Кия с братьями киевских князьях, названных в «Повести временных лет» и предшествующих ей сводах. Впрочем, возможно, составитель этой поздней летописи даже не подозревал о существовании Аскольда и Дира...

Процитированный только что литературный вариант предания об основании Киева, автор которого стремился сделать современниками разделенных четырьмя столетиями Кия и Олега, — вовсе не единственный в поздних летописях. В другом памятнике этого рода встречаем забавную историю, выдуманную, скорее всего, в Новгороде: «Быша в великом Нове граде нецыи мужие воины, сии речь разбойницы люти зело, три брата: первый брат Кий, второй брат Щек, третий же брат Хорив, да у них же сестра Лыбедь такоже была храбра и велми красна. И много те мужие и сестра их зла творяху новгородцем, разбойчияху во граде и по селом. Новгородцы же гражане мужей Кия и братью его и сестру их Лыбедь поимев и посадиша их в поруб (темницу. — Авт.), и жены и дети их и всех их числом до тридесяти душ, вси были храбры и силны велми. И седяху те мужие много лет в темнице. Новгородцы же их повелеша обесити» (повесить. — Авт.).

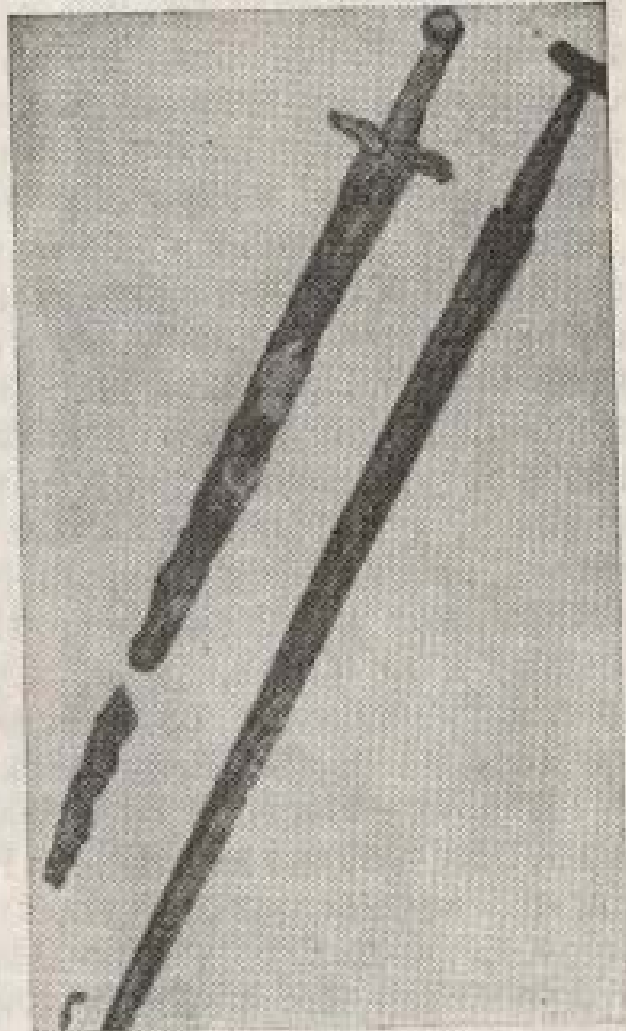
Кажется, в этой причудливой истории вовсе утрачена фактическая основа древнерусского предания. Ан нет: братья с сестрой все же основывают Киев! Они умолили новгородского князя Олега помиловать их, и тот отпустил «Кия и братью его и весь род его. Они же идяху дебрием до дву месяц и доидоша реки великая, рекома до Днепра, иже течет из Руси на полдень в море теплое». Далее эта летопись повествует о строительстве Киева, но следует книжному варианту, очень неточно передающему первые летописные версии древнего предания. Кий, оказывается, жил на горе «Киевице» (!), а затем его принялись преследовать... древляне (отголосок позднейшей борьбы киевских князей, начиная с Олега, с древлянским племенным союзом).

Остается вспомнить еще одну книжную версию унаследования власти от Кия, Щека и Хорива варяжским князем Рюриком. Она также сохранилась в летописи XVII в.:

«В лето 6373 (865 г. н. э.) старейшим двум Кию и Щеку без наследия изшедшим, Корева (Хорив.— Авт.) первый единовладелец с наследием своим князем варяжским Рюриком убиен бысть... Первый убо от тех князей варяжских Рюрик, безопасна и безоружна наехав Кореvu и сотвори себе единовладельца». Подобное повествование выглядит искусственно сконструированным. Это, вне всякого сомнения, литературная обработка древнерусского предания. Неизвестный нам писатель позднего средневековья стремился таким образом обосновать достоверность легенды о призвании варяжских князей и одновременно заполнить хронологическую и фактическую пропасть между прадревней династией Кия и Рюриковичами.

Как уже отмечалось, Нестор предпослал преданию о Кие, Щеке и Хориве (с которого начинались все предшествующие «Повести временных лет» своды) лапидарный рассказ о прошлом полянского союза племен, где было сказано, что и до трех братьев «поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами». А после повествования о поездке Кия в Константинополь летописец продолжает: «И по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива) потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск».

Перед нами яркая и в то же время конкретная картина обитания славянских племен на восточноевропейской равнине накануне образования Древнерусского государства. И это не единственная и даже не первая подобная картина в этногеографическом введении «Повести временных лет».

Древнерусские мечи. Из раскопок в волынском городе Изяславле.

Несколькими страницами ранее. Нестор повествует о том, как «разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте». После описания мест поселения западных и южных славян (чехов, моравцев, ляхов, сербов, хорватов) древнерусский историк переходит к их восточным братьям: «Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая владает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, прозвались своим именем — славянами (словенами. — Авт.). И построили город и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

В труде Нестора отразилось «великое расселение славян», как назвал его Б. А. Рыбаков. Древнерусский летописец зафиксировал существование больших племенных союзов, занимавших огромные территории и послуживших той основой, на которой сложилось Древнерусское государство.

Когда в начале XII в. писалась «Повесть временных лет», племенной быт отходил уже в область преданий. Могучие и независимые некогда союзы племен один за другим были подчинены власти киевского правительства. Из летописи постепенно исчезают и сами племенные названия. Так, дулебы последний раз названы в «Повести» под 907 г., уличи — под 940 г., тиверцы — под 944 г., древляне — под 945 г., хорваты — под 992 г. Заметно выделяемые Нестором среди прочих племенных объединений поляне также исчезают со страниц его летописи в 944 г. Старые племенные названия уступают место новым, производимым, как правило, от наименований зарождавшихся городов. Например, этноним «поляне» заменяется новым — «кияне», имя «дулебы» сменилось названиями «бужане» и «волыняне», происшедшими от городов Бужска и Воляня. Таково же происхождение наименований «черниговцы», «смоляняне», «новгородцы», «псковичи» и др. А сами племенные союзы перерастают в территориальные объединения, земли.

В скупых строчках Несторова рассказа о расселении славян отразились народные предания, охватившие громадную эпоху, — VI—IX вв., около 400 лет. Но, как образно заметил известный советский историк В. В. Мавро-

дин, «рассказ летописца о расселении славянских племен на Руси — это последний акт сложного процесса формирования русских племен. В «Повести временных лет» нашли отражение лишь последние часы существования племенного быта»⁴.

В VI в. нашей эры у славян происходит разложение первобытнообщинного строя, что объясняется главным образом эволюцией производительных сил и производственных отношений. Развиваются земледелие и скотоводство, набирает силу ремесленное производство, завязываются и приобретают более-менее постоянный характер торговые отношения между племенами Восточной Европы и соседних стран, не только ближних, славянских, но и дальних, расположенных на берегах Средиземного моря и даже в глубинах Востока. Главное же — углублялось имущественное неравенство, возникали социальные противоречия, что подготавливало возникновение классов и классовых отношений, а в перспективе — феодального строя и государства.

Распад первобытнообщинных отношений привел к перемещениям, перегруппировкам тех или иных племен, а затем и к объединению их сначала в неустойчивые, а затем и в постоянные союзы. Крупные племенные объединения — полянское, древлянское, дулебское, вятичское, словенское — просуществовали несколько столетий. Внутри этих союзов складывался особый языковой диалект, формировались местные культурные и бытовые черты. Археологические раскопки и истолкование их результатов учеными при сопоставлении полученных сведений с известиями письменных источников позволили определить границы главных, примерно пятнадцати, племенных союзов.

Как полагают историки, создание больших и мощных объединений племен было принципиально важным, возможно, решающим этапом эволюции восточнославянского, пока еще родоплеменного общества на пути возникновения феодальной государственности. По всей видимости, вовсе не случайно Нестор назвал эти занимавшие громадные пространства союзы племен «княжениями». Конечно, это были еще не княжества феодального общества. Но существуют веские основания усматривать в союзах племен особую форму организации восточнославянского общества эпохи военной демократии, бывшей своеобразным мостиком от родоплеменного строя к новому, классовому строю.

⁴ Мавродин В. В. Древняя Русь. — М., 1946, с. 70.

Особое внимание среди главных союзов племен Нестор уделяет полянскому. И это вовсе не случайно: от полян летописец выводит начало государства, которое древние книжники называли Русью или Русской землей, а современные исследователи — Киевской Русью. Автор «Повести» прямо указывает на преемственность Руси от полян: «Поляне, которых теперь называют Русь».

Полянский союз племен сложился примерно в VI в. в Поднепровье. Его средоточием был Киев. Постепенно это объединение превратилось в «суперсоюз» (выражение Б. А. Рыбакова), который сплотил несколько десятков племен, входивших до этого в другие союзы. А в VIII — начале IX в. киевский князь, глава полянского «суперсоюза», начинает подчинение других племенных объединений. Этот процесс растянулся до конца X в.

Пове́ствование Нестора о расселении восточных славян, к сожалению, лапидарно и выглядит незавершенным. Это понятно, если учесть, что строилось оно на материале в основном родоплеменных преданий, сохранившихся ко времени деятельности нашего летописца, вероятно, в немногих отрывках. Следы подобных преданий в большинстве случаев не удастся выявить. Однако некоторые из них все же можно обнаружить в рассказе киевского ученого книжника. Это, прежде всего, родоплеменное предание о радимичах и вятичах, которых он выводит «от рода ляхов». «Были ведь два брата у ляхов,— объясняет свое мнение Нестор,— Радим, а другой Вятко; и пришли, и сели: «Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи».

Перед нами — типичное предание о родоначальниках, оно сродни сказанию о Кие, Щеке и Хориве. Нестор верил этому преданию и, повествуя о подавлении Владимиром Святославичем попытки радимичей освободиться от центральной власти (984), вспомнил о нем, приведя другое, уже историческое предание, заканчивавшееся словами: «Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси».

В поздних летописях встречается книжный вариант древнего предания о Радиме и Вятко, где у них появляется... третий брат: «Третий князь был Дулеб, который владел над рекою Бугом, по нем звались Дулебяны, а ныне тот народ зовется Лучане». В этом литературном осмыслении древнего родоплеменного предания третий брат появляется не случайно: цифра три принадлежит к магическим

числам фольклора, и не только восточнославянского. Автору процитированной версии было известно о существовании некогда племенного союза дулебов, которые, согласно «Повести временных лет» и предшествовавшим ей летописным сводам, действительно «живяху по Бугу».

Загадочно свидетельство этого позднего источника о том, что дулебы со временем стали называться лучанами. Такого племенного объединения не знают древние летописные своды. Правда, о лучанах упоминает польский ученый XV в. Длугош в «Историй Польши». Возможно, в старину так называли какую-то часть громадного племенного союза волинян, живших по соседству с дулебами. Название лучан, вероятно, выведено от города Луцка.

Известие Нестора о «ляшском», т. е. польском происхождении радимичей и вятичей, вызвало жаркие споры в ученой среде историков, археологов, этнологов и лингвистов. Возникла даже особая научная гипотеза, обосновывавшая родство обоих союзов племен с поляками. Ее сторонником был А. А. Шахматов, опиравшийся на особенности произношения белорусов, потомков радимичей. Другой видный лингвист дореволюционного времени А. И. Соболевский предложил иное решение загадки: считать, что летописец (или позднейший переписчик летописи) сделал опisku, написав «у ляхов» — по-древнерусски «в лясех» — вместо «в лесах», «в лесех». Но это предположение маловероятно.

Остроумное и убедительное объяснение слов Нестора о «ляшском» происхождении радимичей и вятичей предложил недавно Б. А. Рыбаков. Он думает, что предание летописи отразило смутные воспоминания о славянской колонизации равнин Восточной Европы, берущей начало в первых веках нашей эры. Ее главным направлением было северо-восточное, в бассейн Средней Десны, откуда праславы точно так же могли проникать и на радимичский Сож, и на вятическую Оку. «Загадочные «ляхи», — продолжает ученый, — могли появиться в связи с тем, что колонизационный поток шел из Среднего Поднепровья, из земли Полян, а у польских племен был значительный союз, называвшийся также Полянами (в бассейне Варты). Петронимическую легенду мог сочинить один из летописцев, хорошо знавших весь славянский мир».

Еще одна интерпретация предания о Радиме и Вятко принадлежит Д. С. Лихачеву. Согласно его мнению, летописец вовсе не считал, что радимичи и вятичи ведут свое начало от ляхов. По мысли Нестора, названия этих племен произошли от польских выходцев, передавших свои

Шейная гривна. Из раскопок
М. К. Каргера в Изяславле.

имена подчинившимся и восточнославянским племенам. Подобное объяснение выглядит правдоподобным.

«Повесть временных лет» сохранила исключительно яркое историческое предание о восточнославянском племенном объединении дулебов: «В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие жонам дулеб

ским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жон и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгнули как обры» — их же нет ни племени, ни потомства».

Племенной союз дулебов, ввиду крайне лаконичного указания «Повести временных лет» на его местонахождение («Дулебы жили по Бугу»), трудно локализовать. Знарок древнерусской исторической географии Н. П. Барсов считал, что дулебы занимали территорию в верховьях Западного и Южного Буга, достигая на северо-востоке Припяти, на западе — Вислы, а на юго-западе — Днестра. Несколько иначе определял пределы дулебов другой дореволюционный исследователь, А. М. Андрияшев: они расселились на волынских отрогах Карпат. Исследователь допускал возможность миграции дулебов на север в процессе соприкосновения (не всегда мирного) с другими восточнославянскими племенами.

Определение мест обитания дулебов осложняется еще и тем, что, согласно авторитетному утверждению Нестора, их сменили на Буге другие племена. Он пишет: «Бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами». А вскоре после приведенно-

то нами рассказа об издевательствах обров над дулебами летописец уточняет: «Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляняне». Отсюда как будто следует, что бужане сменили дулебов на Буге, а затем первые стали называться волянянами. Поэтому в исторической литературе распространилось утверждение, будто дулебы были древнейшими западнорусскими племенами на территории позднейшей Волыни. Но его следует признать ошибочным.

Сопоставление сведений источников IX—X вв. позволяет считать, что на самом деле дулебы, бужане и воляняне существовали одновременно. Арабский географ Масуди в книге «Промывальни золота» (940-е годы) описывает крупные славянские племена и среди них — «валинана» и «дулаба», в которых нетрудно узнать волянян и дулебов. Масуди уверяет, что в прошлые времена племена валинана подчинялись другим славяне. Его сведения подтверждает арабский путешественник X в. ибн-Якуб известием о племени «валинбаба». Б. Д. Греков рассматривал волянянско-дулебский союз племен (который он датировал VI—VII вв.) как одно из «отдельных, пока еще непрочных государств, которые однако помогли дальнейшему формированию феодального строя»⁵.

Еще более ранний источник, на этот раз западноевропейский, — записки так называемого Баварского географа (созданы между 886 и 890 гг.) — содержит свидетельства одновременного существования и бужан, и «велюнзан», т. е. волянян. Все три объединения племен обитали в Побужье синхронно, по крайней мере в IX—X вв.

Археологи считают, что на севере дулебская территория была ограничена Припятью, на юге — верховьями Днестра, на востоке — Горыню, на западе — Западным Бугом и Салом. Предпринимаются, впрочем, попытки значительно расширить упомянутые рубежи дулебов. В. В. Седов полагает, что дулебы жили не только на Волыни, но и в Поднепровье, и видит в них праславянский «суперсоюз», в результате эволюции которого родились объединения волянян, древлян, дреговичей и даже полян.

С подобной гипотезой трудно согласиться, хотя бы уже потому, что племенной союз полян был никак не младше, а, может быть, и старше дулебского, что подтверждается их лидирующей ролью в развитии восточнославянского общества в целом. Кроме того, мнение В. В. Седова и некоторых других археологов, будто бы дулебское объединение распалось, не дожив до начала образования Древне-

⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 444.

русского государства, опровергается свидетельством «Повести временных лет» о том, что дулебы в 907 г. приняли участие в походе князя Олега на Византию. В. Д. Корольков небезосновательно предположил, что дулебское племенное образование существовало еще и в 80-х годах X в. и что именно против него был направлен известный поход Владимира Святославича 981 г. (на «Червенские грады»).

Преувеличение места дулебов в предыстории Древней Руси объясняется в значительной степени тем, что сам Нестор посвятил им, пожалуй, самый яркий и эмоциональный рассказ в этнографическом введении к «Повести». «Можно догадываться, — писал известный историк дореволюционного времени В. О. Ключевский, — почему киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем... Во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева, и масса восточного славянства сосредоточивалась западнее, на склонах и предгорьях Карпат»⁶. Большинство современных ученых не разделяет этого мнения.

Но вернемся к записанному Нестором историческому преданию об утеснении аварами дулебов. Упоминание в нем «царя Ираклия» позволяет датировать этот рассказ византийский император Ираклий правил с 610 по 641 г. Для понимания того, о чем повествуется в цитированном предании, необходимо углубиться в середину предыдущего, VI в.

В первые десятилетия этого столетия начинается натиск славянских племен с севера на Византию — мировую державу того времени. Тогда славянское родоплеменное общество вступило в этап военной демократии, переходный на пути к классовому строю, к феодализму. В эпоху военной демократии война открывала перед племенной верхушкой заманчивые перспективы обогащения и одновременно упрочения своей власти над соплеменниками. Это толкало ее на далекие завоевательные походы. К началу V в. славяне, вследствие их расселения из зоны прародины в Среднем Поднепровье, продвинулись на юг и стали непосредственными и небезопасными соседями Византийской империи. Вскоре славяне, по свидетельству византийских источников, овладели значительной территорией на левом берегу Дуная.

Чувствуя себя бессильной только военным путем оста-

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. — М., 1956, т. 1, с. 110.

новить славян, покушавшихся к тому времени на самую греческую столицу Константинополь, византийская правящая верхушка прибегает к другому, не раз ею испытанному средству — дипломатии. В 60-е годы на Дунае появилась неисчислимая тюркская орда авар, и константинопольские дипломаты, поднаторевшие в политике задаривания и подкупов с целью сталкивания одних народов с другими, ловко использовали пришельцев для борьбы против славян. Император Юстиниан I обязался платить аварскому хакану Баяну ежегодную дань, если авары будут защищать дунайскую границу Византии от славян. Как отмечает византийский историк Менандр, «с тех пор авары стали... разорять землю антов^{*}, не переставали грабить ее и порабощать жителей».

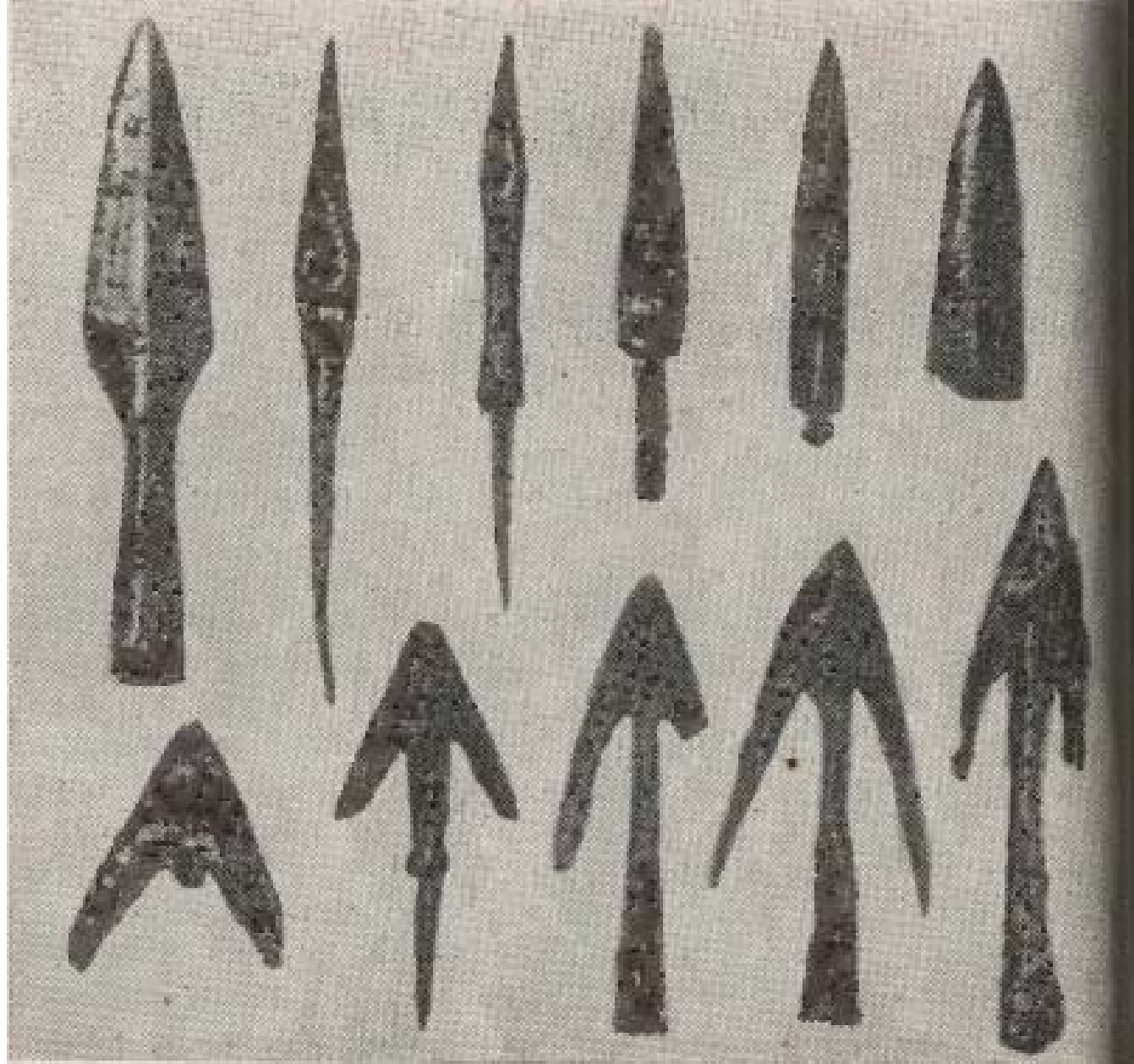
Видя, что Византия оказалась в зависимости от нее, аварская племенная верхушка нагнет, предъявляя императору все новые и новые требования: разрешить аварам селиться в пределах империи, увеличить ежегодную дань и пр. Оказалось, что византийские политики перехитрили сами себя — теперь они вынуждены не только сдерживать славянский нажим, но и защищаться от авар, которые к тому же вступают в военные союзы с врагами империи: лангобардскими и франкскими королями и князьями.

Аварский хакан и племенная знать не раз пытались поработить обитавших на Дунае и поблизости от него славян. Менандр в своей «Истории» записал южнославянское историческое предание, отразившее тщетность этих попыток авар. Он повествует, как хакан Баян прислал посольство к славянскому вождю Даврите с наглым требованием полного подчинения и уплаты дани. На это Даврита гордо ответил: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашим, а мы чужим привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи».

При императоре Ираклии, о котором упоминает сохранившееся в «Повести временных лет» предание, византийская армия была реформирована и перевооружена, что позволило империи отбросить угрожавших ей персов и занять более независимую позицию в отношении авар. Тогда персидская верхушка объединилась для совместной борьбы с Византией. Над империей нависла грозная опасность.

Летом 626 г. аварский хакан во главе огромного войска осадил Константинополь. Персы также вторглись в визан-

^{*} Так греки называли восточных и часть южных славян.

Наконечники древнерусских стрел разных типов. Из раскопок М. К. Каргера в Изяславле.

тийские владения в Малой Азии. Состоявшие на службе у авар восточные механики воздвигали осадные башни, установили метательные орудия. Хакан был настолько уверен в успехе штурма Константинополя, что отклонил предложение осажденных уплатить огромный выкуп: он потребовал, чтобы жители покинули город в чем были — в рубахах и легких плащах.

Самоуверенный хакан решил начать штурм 7 августа 626 г., не дождавшись подхода персов, — зачем ему было делиться с ними добычей? Часть войска была посажена на корабли с тем, чтобы взять Константинополь с моря. Но греческий флот разгромил аварский, а гарнизон столицы отразил штурмовавших. Аварские орды в беспорядке бежали от стен Константинополя. Узнав о неудаче союзников, персидский полководец Шахраваз поспешил увести свое войско в Сирию,

С этого времени Аварская держава начала распадаться. На западе (на территории современной Чехословакии) образовалось государство Само, в Причерноморье возникло независимое объединение протоболгар под управлением Куврата. Решающий удар аварским ордам был нанесен в конце VIII в. войсками Карла Великого. Но важную, если не основную роль в освобождении из-под аварского владычества в Восточной и Южной Европе сыграло героическое сопротивление славян и среди них дулебов.

В книжной версии предания о владычестве авар над дулебами (содержащейся в одной из поздних летописей) отразилось народное воспоминание о героической борьбе дунайских славян против захватчиков: «А инне обры были, и чинили насилie над славянами дунайскими, и погубил их (авар. — Авт.) господь».

Вновь возвращаясь к включенному в состав «Повести временных лет» преданию об аварах и дулебах, стоит заметить, что его содержание выходит за рамки одной лишь исторической информации. В нем этноним «авары» заменен термином «обры». А слово «обр» во многих славянских языках означает исполин, великан (словенское «ober», чешское «obř», словацкое «obog», древнепольское «obrzut» и т. д.). Великаны выступают героями легенд, сказок и других памятников устного народного творчества. До сих пор встречается убеждение, будто бы в старину люди были выше, крупнее и попросту сильнее (не разделяемое, впрочем, наукой).

Как отмечал один из дореволюционных фольклористов, «в этом образе погибших обров (из «Повести временных лет». — Авт.) можно видеть ни более ни менее как великанов, составляющих один их признаков многих известных нам мифологий». В фольклорных произведениях, идущих из древности, эти великаны представляются то титанами, свергнутыми богами новой формации, то земными гигантами, восставшими против богов и поверженными ими. Всегда или почти всегда великанов ждет гибель.

Отголоски предания о великанах-обрах, точнее — их гибели, сохранились в украинском фольклоре. Приводимая летописцем древняя поговорка «сгинули, как обры» слышится в украинской поговорке: «велетню не довго в світі жити». Есть основания предполагать, что образ обров — недружественных людям великанов — был приложен в предании к аварам, как и ко всяким прочим насильникам, угнетавшим народ. Едва ли не решающую роль сыграло в этом близкое звучание слов «обр» и «авар» (в греческом написании «абар», хотя у византийцев это слово читалось как

«авар»). Так или иначе, но в древнерусских летописях этноним авар был заменен названием обр, которому придали этнический смысл.

Остается ответить на вопрос: действительно ли поработорители-авары запрягали женщин в телеги вместо лошадей или быков? Вне сомнения, случаи подобного жестокого самодурства могли быть. Но вместе с тем запрягание людей в качестве рабочего скота принадлежит к наиболее распространенным в народе представлениям об издевательствах завоевателей над побежденными. Польский хронист XVI в. Мацей Стрыйковский записал народное предание о том, как волынский князь Роман запрягал пленных литовцев в плуги. А одна из поздних русских летописей прибавляет к этому: «Один литвин, что в плуге тянул, научившись русскому языку, сказал: «Романе, Романе, худым живешь Литвой орешь» (пашешь).

Вряд ли Роман пахал на побежденных «литовцах» (в действительности, он нанес поражение не литовским, а родственным им ятвяжским племенам). В этой истории важно другое: народное предание сохранило память о реальном масштабе одержанной волынским князем победы.

На Украине долгое время из уст в уста передавались рассказы о том, как польские магнаты и шляхта измывались над порабощенным народом. Среди различных издевательств упоминается и то, что «вместо коней и волов запрягали женщин и девиц, да еще погоняли их бичами свитыми из их же волос». Об этом рассказывается также во вписанном в Летопись Величко универсале казацкого гетмана Остряницы (подлинность этого документа, впрочем, вызывает сомнения), в анонимной «Истории русов» и пр.

Как отмечал буржуазно-либеральный историк и фольклорист Н. И. Костомаров (1817—1885), в польско-шляхетской Речи Посполитой могли, конечно, случаться подобные дикие господские выходки, и даже не единичные. Но вместе с тем вряд ли они происходили повсеместно, «и если народ обобщил их, — заключает ученый, — то потому, что в его воображении был уже готовым традиционный образ подобного утеснения народного. Авары в VI и VII вв. подобным образом могли неистовствовать над порабощенными дулебами и другими народами, точно так же, как и польские паны над русскими схизматиками * в XVII в.; но

* Раскольниками: так польские феодалы презрительно называли украинцев, отказывавшихся принять церковную унию, означавшую идеологическое порабощение народа.

по самому своему существу такое событие, за неимением практического значения, не могло быть... ничем другим, кроме как проявлением единичного самодурства; оно даже легко могло возникать на деле вследствие уже знакомого, прежде сложившегося образца»⁷. Такое мнение следует в общем признать справедливым.

Как отмечалось, Нестор отдавал предпочтение полянам перед другими восточнославянскими племенами. Неоднократно возвращается к ним летописец в этногеографическом введении к «Повести временных лет» — и заканчивает его народным преданием о столкновении полян с хазарами: «Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кня, Щека и Хорива. — *Авт.*), поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма* по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань захватили мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах, над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже, мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи; станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось это все... Владеют русские князья хазарами и по нынешний день».

Дореволюционная фольклористика отказывала этому преданию в какой-либо достоверности. Н. И. Костомаров категорически утверждал: «Исторической правды факта, конечно, здесь нет ни капли». Он исходил из того, что поляне никак не могли дать в качестве дани мечи, да еще от каждого хозяйства, поскольку мечи составляли «редкость и драгоценность». Ученый думал, что в основе этого предания лежала песня, сложенная *post factum*, после того как русские стали одерживать победы над хазарами.

Конечно, не следует в народном предании искать буквального соответствия фактам, тем более — адекватного совпадения реалий. А этим грешили и в наше время, доказывая, на основании приведенного выше рассказа, будто бы на Руси уже в X в. широко производились мечи.

⁷ Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи. — В кн.: Костомаров Н. И. Собрание сочинений: Исторические монографии и исследования, кн. 5, т. 13. СПб., 1904, с. 204.

* Хозяйства.

(Подобное мнение было решительно оспорено известным археологом А. В. Арциховским). Д. С. Лихачев, написавший подробный научный комментарий к «Повести временных лет», отметил, что процитированное предание «политически осмысляет события прошлого. Подобно многим другим историческим преданиям, попавшим в летопись, оно не столько стремится передать исторический факт, сколько его осмыслить, соотнести с современностью»⁸. Народная память знала о стремительном возвышении полян — скромного положения притесняемых другими племенами чужеземцами-хазарами до лидера восточнославянского мира, основателя Древнерусского государства. Им была уготовлена великая историческая судьба, и ее-то предсказали мудрые хазарские старцы.

История восточных славян в VII, VIII и первой половине IX вв. до сих пор недостаточно исследована. Еще недавно ученые называли ее «terra incognita» (неизвестная земля). И хотя археологические исследования последних двадцатилетия принесли много важного материала, раскрывающего обстоятельства экономической и общественной жизни славянства, политическая история этого времени остается малоизвестной. А именно к этому времени относятся отраженные в этом предании события. Б. А. Рыбаков отмечает, что «историческая роль Хазарского каганата VIII—IX вв. в судьбах Руси и славянства сильно преувеличена в научной литературе». Действительно, ведь не так давно известный историк А. Е. Пресняков говорил об «огромном значении Хазарского царства в ранней истории восточных славян», а В. В. Мавродин в работах 1940-х годов вообще предлагал назвать время VII—VIII вв. историческом прошлом древнерусской народности «перодом Хазарского каганата».

В действительности же Хазарский каганат был расположен на относительно скромной площади степного района между Нижним Доном, Нижней Волгой и условной линией, соединяющей Керченский пролив с дельтой Волги. Хазарская правящая верхушка реально владела Приазовьем, Крымом и частью степей между Донцом и Волгой. Нигде — ни в русских летописях, ни в хазарских документах — нет сведений о власти хазар над Русью, пусть даже временной.

Относительно же сообщения рассмотренного нами предания о выплате полянами дани хазарам, то, как полагае

⁸ Лихачев Д. С. Комментарий. — В кн.: Повесть временных лет, ч. 2, М.; Л., 1950, с. 229.

Б. А. Рыбаков, ее могли давать лишь окраинные, пристепные земли восточных славян, да и то эту дань скорее можно назвать откупом. Ведь хазарские таможенники взимали торговые пошлины и в Керченском проливе, где часто появлялись русские купцы, и в самой своей столице Итиле в низовьях Волги, куда постоянно приезжали «гости» из Руси.

Итак, новейшие научные исследования подтвердили историческую достоверность предания о посылке полянами дани хазарам мечами: этот рассказ правдиво передал самую сущность отношений между Хазарским каганатом и молодым, еще рождавшимся восточнославянским государством.

Преданием о встрече полян с хазарами завершается недатированная часть «Повести временных лет». Далее, начиная с 852 г., в ней следуют погодные записи — собственно летопись. И в ее начале помещено историческое предание большой важности, бросающее яркий свет на международные отношения Европы и части Азии в середине IX в. Это — повествование о знаменитом походе русского флота на Константинополь, составившее содержание следующей главы этой книги.

РУСЬ ИДЕТ ПОХОДОМ НА ЦАРЬГРАД

Датированная часть «Повести временных лет» начинается статьей 852 г., открывающейся словами: «Когда начал царствовать Михаил*, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим».

Летописец придавал настолько важное значение «приходу Руси на Царьград», что решил начать с этого события систематическое изложение отечественной истории. Его слова «стала прозываться Русская земля», по всей вероятности, следует понимать как указание на международное признание Киевского государства, последовавшее вслед за походом русского флота на Константинополь.

Согласно «Повести временных лет», поход Руси на греков был вторым после осуществленного Кием. В действительности же нашему первому историку остались неиз-

* Византийский император Михаил воцарился в 842 г.

Поход русского флота во главе с Аскольдом на Константинополь.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

вестными по меньшей мере два других крупных похода, о которых мы узнаем только из византийских источников.

В. В. Мавродян справедливо заметил, что «развитие военных сил Руси на грани VIII и IX ст. не могло не вылиться в целый шквал русских походов и завоеваний» — война в те времена для народов, переживавших этап разложения родоплеменного строя (период военной демократии), была главным средством решения задач внешней и внутренней политики. Первыми внешнеполитическими мероприятиями крепнувшей с каждым днем Руси были морские экспедиции, провозгласившие ее появление на необъятных пространствах всемирной истории.

Одним из первых (если не первым) выступлений Руси на мировой арене следует считать нападение русско-украинского войска на город Сурож в Крыму. Раньше полагали, что это войско пришло из Новгорода Великого. Однако в наши дни наука установила, что этого города в те времена еще не существовало. Вернее будет предположить, что эта армия была южнорусского происхождения. Памятник византийской агнографической литературы «Житие св. Стефана Сурожского» так рассказывает об этом событии, случившемся в конце VIII или начале IX в. Великая русская армия под началом князя Бравлина внезапно обрушилась на Крымское побережье. Русы «пленили» византийские владения от Херсона до Керчи и «с многою силою» * подошли

* Мы используем греческие жития святых в древнерусских переводах.

к Сурожу (современный Судак). После десятидневных ожесточенных сражений Бравлин с войском, с силой изломив железная врата, ворвался в город.

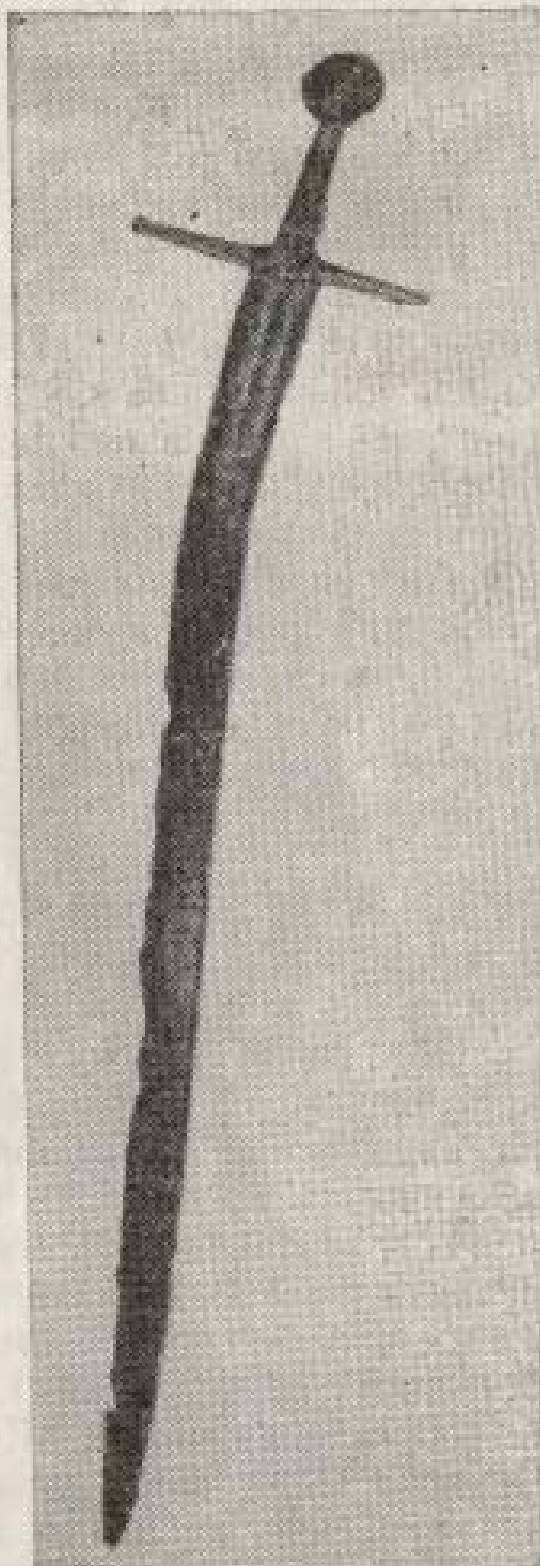
До этого места повествования нет оснований сомневаться в достоверности сообщаемых древним памятником фактов. Но дальше, как и положено житию святого, начинаются чудеса. Когда Бравлин приблизился к гробнице Стефана Сурожского, находившейся в главном храме города, Софийском, он был поражен болезнью: «обратися лице его назад». Решив, что его постигла божья кара за святотатство, Бравлин приказал воннам вернуть сурожанам отнятое у тех добро и отпустить пленных. Но этого оказалось недостаточно для исцеления, и язычнику Бравлину довелось креститься. Лишь после этого его лицо вернулось в прежнее положение.

Сквозь причудливо-фантастическую оболочку легенды о чудесах у гроба св. Стефана проглядывают вполне реальные страницы русско-византийского мирного соглашения.

По всей видимости, науке так и останутся неизвестными действительные причины, по которым Бравлину пришлось уйти из захваченного Сурожа и расстаться с добычей.

Немалый интерес вызывает свидетельство жития Стефана Сурожского о крещении Бравлина, — вероятно, достоверном факте, поскольку источник связывал его с реальным историческим лицом, сурожским архиепископом Филаретом. С этого времени христианское вероучение начало распространяться в среде правящей верхушки Руси.

Вскоре после нападения на Сурож русы предпринимают новое вторжение в византийские владения. На

Древнерусская сабля.
Из раскопок М. К. Каргера
в Изяславле.

столицу империи Константинополь они пока не осмеливаются посягать. В другом памятнике византийской историографии, «Житии св. Георгия Амастридского», создано, вероятно, между 825 и 842 гг., повествуется, как на малоазийское побережье Черного моря, на город Амастриду, расположенный возле Синопа, напала русская рать. Амастрида была центром византийской области Пафлагонии. По всей вероятности, предводители русов не случайно избрали его объектом нападения. То был богатый торговый город с гаванью, куда стекались купцы едва ли не со всего света. Советский исследователь истории древнерусской дипломатии А. Н. Сахаров отмечает, что «Житии св. Георгия Амастридского» «за флером церковных сентенций прослеживается живая историческая ткань».

Среди традиционных для византийских источников такого рода вымыслов о дикости и грубости пришельцев, их зверских нравах можно прочесть крайне важное свидетельство о том, что о Руси в Византии знают, о ней говорят и ее опасаются. Амастрида была взята русами, но затем их предводитель заключил мирное соглашение с горожанами, вернул им добро и вывел войско из города.

Оба рейда русских ратей на греческие города проходили сходным образом. Но в первом случае Бравлин напал на отдаленные крымские владения, а во втором — русы обрушились на область, близлежащую к ее столице. Нельзя не согласиться с мнением видного дореволюционного византиниста В. Г. Васильевского, согласно которому вторжение в Амастриду было как бы «рекогносцировкой перед самым большим общерусским походом на Константинополь».

Нападениями на Крым и малоазийское побережье Черного моря вовсе не исчерпывались русские рейды на византийские владения в середине IX в. Как указывает В. В. Мавродин, в «Житии преподобной Афанасии» отразилось сведение о вторжении русского отряда на греческий остров Эгину около 813 г.

По-видимому, население Сурожа и Амастриды с прилегающими к ним землями было потрясено нападением невиданного им ранее воинственного народа. Отголоски этого впечатления слышатся в обоих житиях: русы выступают в них как храбрые люди, само их появление вызывает в стане греков панику. Авторы житий вынуждены отметить выдающиеся боевые качества русских ратников.

И все же памятники официальной историографии

древнерусские летописи и византийские хроники — ни словом не упоминают о нападениях русов на Сурож и Амастриду. Историки объясняют это тем, что оба похода были все же локальными, предводители русов не угрожали столице и не могли поколебать устоев империи. Обе экспедиции, при всей их важности для воссоздания картины ранней древнерусской истории, отразились лишь в единичных памятниках агиографического характера, в которых историческая правда причудливо переплелась с вымыслом.

Иное дело — поход русского флота на Константинополь, описанный Нестором под 866 г.: «Отправились Аскольд и Дир войной на греков... Царь же (император Михайл. — Авт.) был в это время в походе на агарян* и дошел уже до Черной реки, когда епарх** прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград. И возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда***... и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и с патриархом Фотием всю ночь молился в церкви святой Богородицы во Влахерне. И вынесли они с песнями божественную ризу святой богородицы, и омочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны разметали корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой».

Источником этой записи было Продолжение византийской хроники Георгия Амартола, и это ощущается в процитированном тексте: летописец сообщает о происшедшем бесстрастно, не выражая своего отношения (а оно должно было бы быть сочувственным!) к стихийному бедствию, постигшему его единоплеменников, — скорее, его слова одобряют происшедшее.

Как видим, Нестор воспользовался греческим источником, и о народных преданиях как будто не может быть и речи. Но в греческом памятнике не упомянуты Аскольд и Дир — в нем вообще нет имен русских князей. Как отметил Д. С. Лихачев, эти имена «взяты русским переводчиком или переписчиком (продолжения Хроники Амар-

* Арабов. Восточные народы в средневековом христианском мире считались потомками легендарных библейских персонажей Измаила, сына Авраама, и его рабыни Агари. Поэтому летописцы, в соответствии с ученой традицией своего времени, и зовут их измаилтянами или агарянами. Позднее они применяют этот термин к половцам.

** Правитель города.

*** Залива Золотой Рог.

тола. — Аст.) из какого-то другого источника, по-видимому, народного предания». Отсутствует у продолжателя Амартола также и дата русского похода на греков: 866. Так что и построенное преимущественно на литературной основе повествование Нестора все же связано с фольклором.

Значительно больше «Повести временных лет» заимствовал из народного творчества в описании Аскольдовой экспедиции на Царьград другой летописный свод — Никоновский XVI в. В нем содержится несколько рассказов о киевском князе, которого он называет Осколд*.

В недатированной части Никоновского свода, в повествовании о событиях, относящихся к 858—865 гг. извещается «О пришествии Руси на Царьград». Содержание этого известия в общем отвечает тому, что поведал Нестор. Но уже в датированной части Никоновского свода под 866 г. вновь, по существу, повторяется тот же рассказ с несчастным для русских финалом: гибелью их кораблей от бури. А в статье следующего, 867 г. летописец отмечает: «Воротились Аскольд и Дир от Царьграда в малой дружине и был в Киеве великий плач». Затем помещена статья, озаглавленная «О князе русем Осколде», которая описывает еще один поход Руси на греков, но тогда войско Аскольда остановилось на полпути и киевский князь заключил мир с новым византийским императором Василием. Русь решила креститься, и Василий послал ей «архиерея»; тот благополучно крестил Аскольда и его соплеменников. Эта статья явно заимствована из фольклорного источника. Русы отнеслись скептически к приходу архиерея и потребовали от него «знамения», доказательства могущества новой веры. По их предложению грек будто бы «постави святое евангелие во огнь и пребысть много время в нем, и не прикоснуся его огнь». Недавние скептики были потрясены «чудесной силой Христовой» и «все крестились». Не приходится доказывать легендарный характер подобного рассказа.

Глубоко проанализировав известия древнерусских летописей о походах Руси на Византию и сопоставив их со сведениями византийских и итальянских хроник, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что дружины под водительством Аскольда совершили три военных экспедиции на греков: успешное в 860 г. (отразившееся в «Повести временных

* Известия Никоновской летописи об Аскольде подробно разобраны Б. А. Рыбаковым в книге: Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. — М., 1963. с. 165—173.

лет», но Нестор придал ему несчастливый конец), неудачное в 866 г., когда буря разметала русские ладьи, и в 874 г., когда дело не дошло до осады Константинополя и был подписан мирный русско-греческий договор. Однако в историографии подробно рассматривается лишь поход 860 г. О нем можно составить наиболее полное представление, поскольку только о нем упоминают греческие и западноевропейские источники.

Отважному походу русского флота во главе с Аскольдом на Константинополь 860 г. посчастливилось в научной литературе: историки обсуждают его уже более двухсот лет. Об экспедициях Аскольда писали М. В. Ломоносов и В. Н. Татищев, И. Н. Болтин и С. А. Геденов, М. Д. Приселков и Ф. И. Успенский. Особенно большой вклад в изучение этого вопроса внесли советские ученые, связавшие с военными предприятиями Аскольда выход Древнерусского государства на международную арену. Как бы солидаризуясь с летописцем Нестором, академик М. Н. Тихомиров вывел от похода 860 г. «начало Русской земли» — отныне история Руси сплелась с историей Византии и многих стран Европы. Подробно рассмотрел события русско-византийской войны 860 г. А. Н. Сахаров в книге «Дипломатия Древней Руси».

Интерес к занимающему нас событию увеличивается и потому, что не только русские летописи, но даже византийские источники расходятся в оценке результатов первого и главного похода Аскольда на греков.

Как и следовало ожидать, первыми на событие, потрясшее жителей гордой греческой столицы, откликнулись византийские современники. О вторжении русских ладей в константинопольскую бухту Золотой Рог сообщает в двух проповедях и «Окружном послании» восточным митрополитам, датированном 867 г., глава греческой церкви патриарх Фотий. Его свидетельства, при всей их явной тенденциозности, заслуживают исключительного доверия. Фотий был непосредственным участником событий. Еще один византийский современник, Никита Пафлагонский, лаконично, но вместе с тем конкретно описал нашествие русов. Оба этих автора говорят о полном успехе рати Аскольда в 860 г. Особое место среди источников о походе 860 г. занимает памятник византийской духовной литературы «Слово на положение ризы богородицы во Влахернах». Ученые думают, что «Слово» создано вскоре после 860 г. по заказу патриарха Фотия известным церковным писателем того времени Георгием.

Когда ладьи Аскольда ворвались в Золотой Рог, повествует Георгий, над храмом богородицы, расположенном в части Константинополя, называемой Влахерны, нависла опасность: этот район примыкал к самой бухте и был защищен лишь одной линией не очень надежных стен. Церковная верхушка решила спасти главную святыню Влахернского храма — ризу богородицы. Золотой и серебряный

Древнерусский
конный
войн X в.
Реконструкция
XIX в.

Фрагмент
древнерусского
шлема.
Из раскопок
М. К. Каргера
в Изяславле.

декор раки, в которой хранилась риза, разрубили топорами, ризу добыли и показали многотысячной толпе. Затем ее перенесли в главный храм империи — Софийский, расположенный в более надежном месте. Об этом упоминает во второй проповеди и Фотий. Полагаем, что это событие в «чудесном» осмыслении и было положено в основу легенды о божественном спасении Константинополя благодаря одному лишь погружению ризы влахернской богородицы в море...

Кажется, впервые версию о буре, разметавшей и потопившей русские суда благодаря вмешательству влахернской богородицы, сообщает греческий источник, уже не современный походу 860 г., а созданный в первой половине X в., — Хроника Симона Логофета. Этот автор извещает и о том количестве русских судов (200), которое указано в Продолжении Хроники Амартола и зависевшей от нее «Повести временных лет». Таким образом, можно полагать, что именно из Хроники Логофета (посредством Хроники продолжателя Амартола) в русские летописи проникла греческая церковная легенда о чудесном спасении Константинополя влахернской богородицей. Легенда эта родилась, скорее всего, после второго похода Аскольда на греков 866 г., действительно окончившегося неудачей ввиду шторма, потопившего часть русских кораблей. Два похода легенда объединила в один вследствие ее создания на некотором временном удалении от обеих экспедиций.

Важно отметить, что авторитетный западноевропейский источник не знает версии о «чуде» влахернской богородицы. В начале XI в. капеллан венецианского дожа Пьетро Орсеола (991—1008) Иоанн Диякон составил хронику, в которой описал нашествие каких-то северян на Констан-

тинополь при императоре Михаиле. Они пришли на 360 судах, повоевали окрестности города и с триумфом возвратились домой. Нет сомнения в том, что речь идет об Аскольде и его флоте.

Можно было бы упомянуть еще о других византийских источниках XI—XIII вв.: хрониках Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары, Льва Грамматика и прочих знаменитых византийских сочинениях, в которых отразилось нападение ладей Аскольда на греческую столицу. Но и приведенных свидетельств, по нашему мнению, достаточно, чтобы убедиться, что поход 860 г. «стал из ряда вон выходящим событием, может быть, столь же прогремевшем на весь тогдашний европейский и ближневосточный мир, как и предыдущие нападения на Византию персов, аваров, арабов»¹⁰.

Итак, в свете всех источников русско-византийская война 860 г. выглядит следующим образом. Весной того года Михаил III во главе 40-тысячной армии ушел из Константинополя в Малую Азию для войны с арабами («агарянами» русских летописей). Почти одновременно император направил флот к острову Криту для борьбы с пиратами, особенно досаждавшими византийским судам в Средиземном море. В столице остался лишь незначительный гарнизон под командованием адмирала Никиты Орифы. Малого количества воинов было явно недостаточно для того, чтобы противостоять вражескому войску. В случае нападения осажденным приходилось надеяться лишь на крепость гигантских стен Константинополя, но не на силу оружия малочисленных защитников.

Случайно ли русы избрали момент для вторжения в пределы империи? Думается, что нет. Ведь «Повесть временных лет» сообщает, что поход начат Аскольдом лишь после того, как Михаил пошел войной на «агарян». Неизвестный нам источник Никоновского свода прямо утверждает, что Аскольд и Дир «слышавше» о войне арабов против Византии и сообразовали свои действия с тяжелыми обстоятельствами империи. Поэтому большинство историков сходятся во мнении, что русы были прекрасно информированы о внутреннем состоянии и внешнеполитических трудностях Византии, а М. Д. Приселков даже высказал предположение (впрочем, не находящее подтверждения в источниках), что Русь вступила в военный союз

¹⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси, с. 51—52.

с арабами и стороны согласовали свои действия. Во всяком случае можно предположить о существовании каких-то русских осведомителей в Константинополе.

Патриарх Фотий в первой проповеди «На нашествие руссов» признал полную неподготовленность Константинополя к нападению: «Неожиданное нашествие варваров не дало времени молве возвестить о нем, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности». Фотий свидетельствовал о «внезапности» нападения русов, «необычайной быстроте его».

На рассвете 18 июня 860 г. столица Византийской империи была атакована с моря. Русские ладьи беспрепятственно подошли к берегу и высадили десант, немедленно приступивший к осаде. Одновременно подоспело и пешее войско. Фотий красочно и взволнованно описал грозного и дотоле невиданного врага: «Народ вышел от страны северной, ... и племена поднялись от краев земли, держа лук и копье; они жестоки и немилосердны; голос их шумит, как море». Если оставить в стороне привычные для византийской ораторской прозы трафареты о «жестокости и немилосердности» любого врага, то следует признать, что перед нами — ярко эмоциональное впечатление много повидавшего в жизни человека от могущественного войска Аскольда.

Императору пришлось, бросив войско, возвращаться в столицу. Правитель города Орифа сообщил, что русы вошли в Босфор и Мраморное море, предавая все огню и мечу. Преодолевая трудности и даже подвергаясь опасности быть схваченным, Михаил III проник в осажденный Константинополь и занялся его обороной. Положение столицы было исключительно трудным. Император с патриархом вполне в духе своего времени усердно молились в священном Влахернском храме, горожане впали в отчаяние. Как вспоминал в своей второй проповеди Фотий, «город едва... не был поднят на копье», т. е. взят штурмом.

Вдруг 25 июня русы начали отход от городских стен. Очевидцы событий ни словом не упоминают о буре — да и какое зло могла она причинить находившимся на суше осаждавшим! Нет оснований говорить и о поражении, якобы нанесенном греками русам — для этого гарнизон столицы был слишком малочисленным. Внимательно изучив свидетельства современников, ученые пришли к мнению, что стороны вступили в мирные переговоры. Аскольд и его военачальники, видимо, убедились в невозможности

преодоления гигантских стен*, а император чувствовал себя бессильным отразить вражеское войско. Переговоры велись тайно, поэтому для населения столицы оказалось столь внезапным отступление русов от ее укреплений.

В своей второй проповеди, последовавшей уже после снятия осады, Фотий упоминает о захваченных русами «несметных богатствах». По всей вероятности, войско Аскольда получило большой выкуп за то, что сняло осаду и покинуло византийскую территорию.

Вскоре после ухода русских дружин из Византии в греческую столицу прибыли послы из Киева. «Окружное послание» Фотия восточным епископам утверждает, что русы «променяли эллиническую** и безбожную веру, в которой прежде содержались, на чистое христианское учение», а далее добавляет, что «они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды».

«Повесть временных лет» умалчивает о принятии христианства феодальной верхушкой Руси при Аскольде, и Никоновская летопись знает об этом, вероятно, из византийских источников. Рассказывая о жизни и деяниях Аскольда, никоновский летописец отмечает, что византийский император Василий I (с 867 г. преемник Михаила III) «сотворил мирное устроение с преждедиченными русами, склонил их к христианству». Есть основания полагать, что после 867 г. крестилась лишь незначительная часть русов, скорее всего, ближайшее феодальное окружение и дружина князя. Позднейшие византийские хроники глухо сообщают о поднесении Василием I русам «щедрых подарков» золотом, серебром и дорогими шелковыми тканями. Подобным способом Византия платила своим соседям за обещания сохранения мира и военной помощи.

Можно допустить, что в русско-византийском договоре 60-х годов IX в. содержались статьи, обеспечивавшие благоприятные условия для торговли русских купцов в Византии. В этом случае договор восстановил нарушенную войной 860 г. русско-византийскую торговлю и регламентировал ее. Возможно, ряд пунктов торгового характера этого договора был повторен через полвека в соглашении Олега с греками 907 г.

Впервые в истории русские дружины осадили «столицу мира», Константинополь, и вынудили греков пойти на

* В те времена русские еще не умели штурмовать хорошо укрепленные крепости. Осадные машины появятся у них лишь в конце XII в.

** В значении: языческую.

переговоры, уплатив при этом громадную сумму в виде контрибуции. Если ранее русы лишь время от времени нападали на провинциальные византийские города и до-вольствовались сношениями с их правителями, то теперь они угрожают столице и вступают в переговоры с самим императором. Эти кардинальные перемены в контактах восточного славянства с Византией в своеобразной форме церковной проповеди выразил греческий патриарх. В своей второй проповеди он заявил: «Народ неименитый, ... но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, униженный и бедный*, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, — о, какое бедствие, ниспосланное нам от бога!»

Блестящий триумф войска Аскольда у стен Царьграда заложил фундамент мирных межгосударственных отношений Древней Руси и Византии. Воспоминание о смелом нападении Аскольдовой рати на Константинополь столетиями хранилось в народной памяти, со временем обрастая новыми, зачастую фантастическими подробностями. В одной из поздних версий исторического предания о походе Руси на Византию упоминаются «Оскольд и Дир, воевавшие с Греками и Генуэзцами на суше, разорившие славные Синоп и Трапезонт... Игорь, избивший коварно Оскольда и Дира и сам убитый Древлянами». Конечно, Аскольд и Дир не добывали Синопа и Трапезунда, Генуя вышла на историческую арену лишь в XI в., а Игорь был младенцем в час кончины названных киевских князей. И при всем этом процитированное предание в его поздней литературной обработке отразило народные воспоминания о победоносных походах русского войска в Византию во времена седой старины.

Кажется, пришло время остановиться на вопросе: кто такие были Аскольд и Дир. «Повесть временных лет» называет их, повествуя о призвании варягов на Русь. У старшего из якобы призванных восточными славянами на княжение братьев-варягов Рюрика, рассказывает «Повесть временных лет», «было... два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и

* Сказано для контраста с последующим, ибо откуда мог взять Фотий сведения о «незначительности», «униженности» и «бедности» русов?

Древнерусские кольца и перстень. Из раскопок М. К. Каргера в Изяславле.

платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде».

Изучавшие историю русского летописания ученые уже давно установили, что рассказ о призвании варягов на Русь — легенда, искусственно вмонтированная в текст «Повести временных лет» и ряда других сводов. По мнению Б. А. Рыбакова, эта легенда родилась в Новгороде и служила цели местного боярства доказать, что и там, а не только в Киеве, возникла государственность, что «все в этом северном городе делается по воле самих Новгородцев»: хотят — зовут варягов-разбойников, хотят — прогоняют. Из Новгородской летописи, полагает историк, варяжская тенденция попала в редакцию «Повести временных лет», осуществленную неизвестным нам редактором в 1118 г. в Киеве, при князе Мстиславе Владимировиче, уже без участия Нестора.

Не исключено, что автором «варяжской теории» был сам Нестор. Широко образованный летописец мог следовать одной из традиций средневековой историографии — выводить правящую династию от иностранного государства: «В силу исторически обусловленной ограниченности своего мышления Нестор и его предшественники представляли себе возникновение государственной власти на Руси не в результате общественного развития, а из акта «призвания»¹¹.

Не останавливаясь более подробно на рассмотрении давно опровергнутой наукой легенды о призвании варяжских князей на Русь, отметим все же, что Аскольда и Дира сделали «боярами Рюрика» летописцы-норманисты. В представлении автора Древнейшего свода 1039 г. Аскольд и Дир были потомками Кня, Щека и Хорива. Как доказал ак-

¹¹ Лихачев Д. С. Великое наследие, с. 127.

демик А. А. Шахматов, следом за рассказом об основании тремя братьями Киева, заканчивавшимся словами «от них поляне и до сегодня в Киеве», читалось: «И после этих братьев княжили в Киеве Аскольд и Дир и владели полянами».

Никоновская летопись, в основе которой был иной, отличный от «Повести временных лет», древний свод, вообще не знает о каких бы то ни было связях Аскольда и Дири с Рюриком. Поздние летописи, утратив многие детали и даже временную перспективу, все же видят в Аскольде и Дире князей из династии, основателем которой был Кий. Рассказывая о смерти двух князей-братьев, одна из них заключает: «И в то время скончася наследие свойственных князей российских киевских в Осколде и Дире», а другая даже называет их «Киевыми племянниками».

Поздняя литературная традиция, видя несоответствие между варяжским и киевским происхождением Аскольда и Дири в различных сводах, решила примирить обе версии: в одной из летописей XVII в. Аскольд и Дир названы славянами и потомками Кия, но принадлежащими к окружению Рюрика!

Знаменитый польский ученый XV в. Длугош, широко использовавший в своей «Истории Польши» древнерусские летописи (среди них были и не сохранившиеся до нашего времени), пишет: «После смерти Кия, Щека и Хорива их дети и потомки по прямой линии господствовали над Русью в течение многих лет. Наконец, наследство перешло к двум родным братьям — Аскольду и Диру». И только после этого Длугош излагает «варяжскую легенду». Затем польский историк повествует о смерти Аскольда и Дири от меча Игоря, сына Рюрика, утвердившего в Киеве варяжскую династию.

Хотя в летописях Аскольд и Дир почти всегда выступают вместе, большинство историков не считают их соправителями (возможно, они и были братьями со значительной разницей в возрасте). Два или три брата — излюбленный фольклорный мотив. Некоторые ученые (прежде всего, А. А. Шахматов) полагали, что в первоначальном варианте народного предания речь шла об одном князе: ведь соправительство двух князей было необычным для Руси того времени явлением.

Уже сам рассказ Нестора об убийстве Аскольда и Дири Олегом вызывает серьезные сомнения в возможности их совместного правления — умершие будто бы в одночасье, в одном месте, они почему-то оказались похороненными в разных пунктах Киева, на значительном отдалении

друг от друга: Аскольд — «на горе, которая называется ныне Угорской» (современный парк «Аскольдова могила»), Дир — «за церковью святой Ирины» (вблизи Софийского собора).

Литературоведы заметили, что объединение общекончиной людей, умерших в действительности в разное время, часто встречается в памятниках древнерусской письменности. Так, в «Повести о разорении Рязани Батыем» описана гибель в битве с ордынскими захватчиками князей, часть из которых умерла естественной смертью раньше или позднее.

Некоторые историки пришли к выводу, что поход 860 г. на Константинополь был предпринят одним лишь Аскольдом, который княжил в Киеве единолично до конца 60-х или начала 70-х годов IX в. Дир в этом случае был преемником Аскольда. В своих «Промывальнях золота» (созданных в 943—947 гг.) арабский писатель Масуди сообщает: «Первый из славянских царей есть царь Ди́ра, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами».

Установлено, что Масуди пользовался в основном сочинениями своих предшественников IX в. Интересно отметить, что он не знал о своих современниках Олеге и Игоре, зато написал о Дире и подвластных тому землях как о хорошо известном факте. И это не удивительно: в IX в. арабские и вообще мусульманские купцы были частыми гостями Восточной Европы. По мнению В. В. Мавродина, Дир княжил в 70-х—80-х годах IX в.

Другие исследователи, исходя из того, что летописцы отдают предпочтение Аскольду перед Диром, называя его всегда первым, считают, что именно Аскольду принадлежала сомнительная честь встречи с Олегом и гибели от его руки. Как бы там ни было, вряд ли Аскольд и Дир были соправителями — ими их сделала народная традиция. Их имена поставило рядом историческое предание.

Некоторые исследователи летописания допускают, что одним из источников сообщений Никоновской и ряда других летописей об Аскольде и Дире была дружинная поэзия, воспевавшая смелые нападения на Царьград, битвы с кочевниками и прочими врагами Русской земли. Эта поэзия сосуществовала с историческими преданиями и, возможно, питала их сюжетами и живописными подробностями. Не обошлось без воинского эпоса и в летописных сюжетах, объединенных именем новгородского военачальника, а затем киевского князя Олега.

Как известно, хронологическая сетка появляется в летописях с середины IX в., со времен княжения в Киеве Аскольда. Далее изложение событий ведется в виде конкретно датированных статей, начинающихся обычно формулой: «В год... (880)». Но, как установил А. А. Шахматов, «в Древнейшем своде рассказ о начале Русской земли, об Игоре и Олеге, о смерти Игоря и княжении Святослава не был разбит на годы»¹. Разделение на годы появляется в последующих сводах. А это еще раз свидетельствует о том, что главным, если не единственным источником Древнейшего свода были памятники устного народного творчества. Они составили также один из основных источников «Повести временных лет».

Рассмотрим цикл фольклорных произведений, связанных с именем киевского князя Олега. Они относятся к последней четверти IX — первой четверти X вв., времени объединения восточнославянских земель вокруг Киева, одному из важнейших этапов создания Древнерусского государства, и поэтому представляют огромную научную ценность. Интересен и сам образ Олега, встающий из древнерусских преданий, легенд, дружинных песен и, возможно, попавших в нашу летопись древних скандинавских саг.

Поглощенные, казалось бы, личностью Олега народные предания и легенды о нем в то же время отражают эпоху юности восточнославянского государства, являясь главными (и, по существу, единственными) отечественными источниками о событиях древнерусской истории конца IX — начала X в. Поэтому целесообразно рассмотреть их, не смущаясь группировкой этих преданий и легенд вокруг полулегендарной и малосимпатичной личности — князя Олега.

В изображении «Повести временных лет», Новгородской и некоторых других летописей Олег выглядит фигурой неоднозначной и даже противоречивой. Летописцы то любят князя, то осуждают его, то подробнейшим образом описывают военные походы и отдельные эпизоды его жизни, то вдруг теряют интерес к своему персонажу, не сохранив даже точной даты его кончины. Произошло это потому, что древнерусские книжники зависели от своих

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 108.

Вокняжение Олега в Киеве. Миниатюра Радзивилловской летописи, источников — произведений устного народного творчества, отражая не только фактическую их сторону, но и отношение этих произведений к герою рассказа.

Уже буржуазная наука второй половины XIX в. заметила эту особенность характеристики Олега в древнейших летописных сводах. Н. И. Костомаров, например, писал: «Личность Олега является в нашей первоначальной летописи вполне личностью предания, а не истории». История была прав, когда отмечал полулегендарный характер образа Олега в летописях. Ведь и наш современник Б. А. Рыбаков, глубоко изучивший фольклорные и письменные источники об Олеге, должен был признать: «В русской летописи Олег присутствует не столько в качестве исторического деятеля, сколько в виде литературного героя, образ которого искусственно слеплен из припоминаний * и варяжских саг о нем»².

Издавна фольклористы отмечали, что отраженные в летописях предания и легенды об Олеге сохраняют типические черты устных народных произведений: живописные подробности, например, да и сам ритм эпических сказаний. Иногда кажется, что со страниц летописи говорит

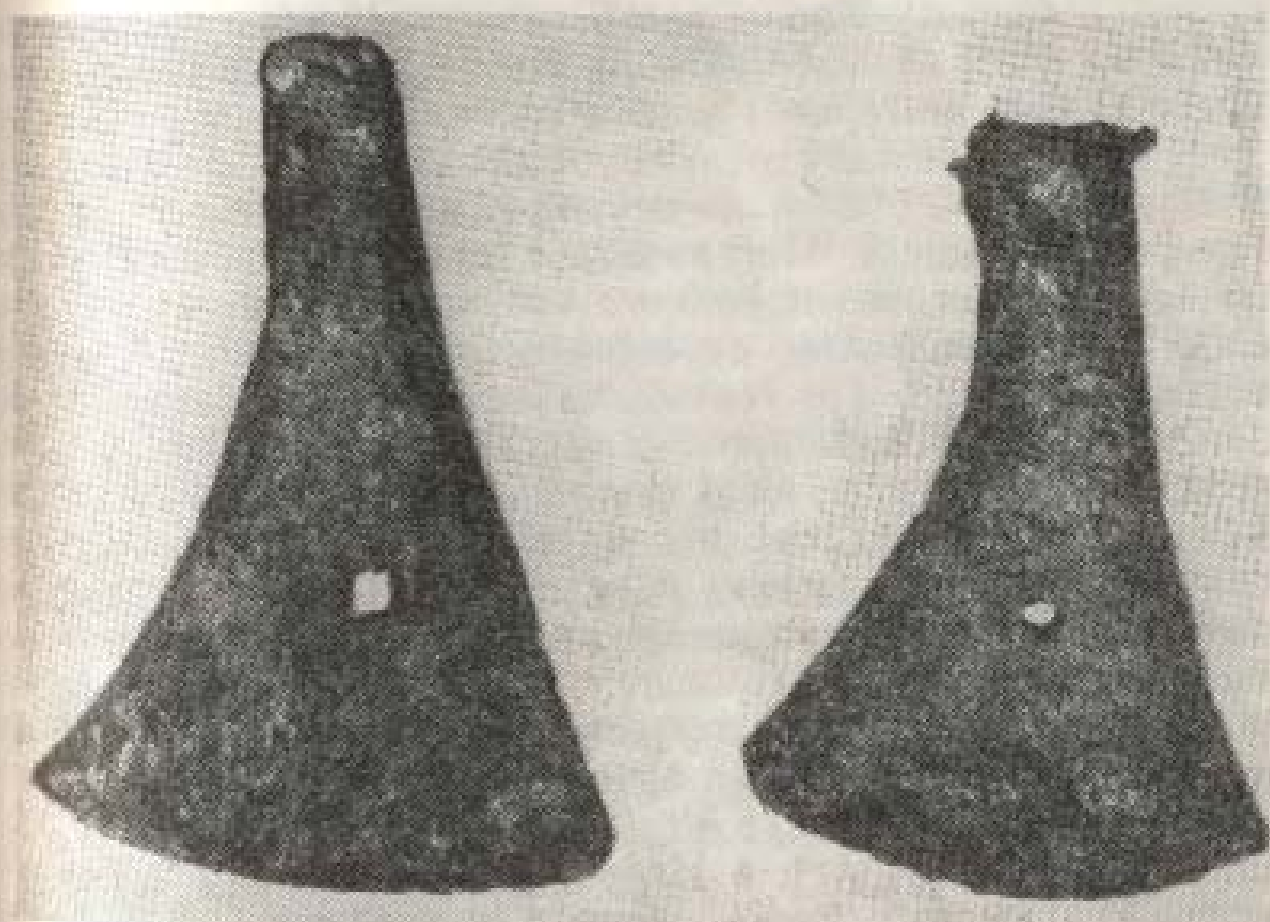
* По всей вероятности, имеются в виду предания.

² Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982, с. 311.

воинская песня, сложившаяся в кругу наиболее близких удачливому князю-завоевателю дружинников.

В научной литературе высказывалась уже мысль, что предания об Аскольде и Дире вводят читателя в круг сказаний о Вещем Олеге. И это действительно так. Рассказ о походе русского флота во главе с Аскольдом и Диром на греков помещен Нестором под 866 г., а предание о захвате Олегом Киева под 882 г., и между этими датами «Повесть временных лет» не сообщает ничего существенного: следует 12 «пустых» статей (в которых лишь проставлены годы, но нет текста), а из трех остальных лишь одна — 879 г. — содержит сведения, относящиеся к Олегу: «Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу, родичу своему, — отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в поздних летописях взятие Киева Олегом прямо связывается с неудачей похода Аскольда и Дира на греков: «И услышал Олег, что Аскольд и Дир ходили войной на Царьград и возвратились в Киев посрамленными и с малой дружиной, взял с собой Игоря Рюриковича и пошел к Киеву и убил Аскольда и Дира и погреб их на горе». Перед нами типич-

Древнерусские боевые топоры. Из раскопок М. К. Каргера в Изяславле.

ный пример литературной обработки народных сказаний книжником позднего средневековья с присущим ему стремлением «стыковать» сюжетные линии известных уже сказаний. На самом деле, нет прямой связи, и не только во времени, между неудачным походом на Константинополь и вторжением Олега в Киев.

Итак, под 882 г. Нестор помещает в «Повести временных лет» пространный рассказ о захвате Киева Олегом: «Выступил в поход Олег (из Новгорода. — *Авт.*), взяв с собою много воинов: варяг, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда направился вниз и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятал своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что, де, «Мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесла Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет (Киев) матерью городам русским».

К этому рассказу нельзя относиться как к обычному известию письменного источника или даже как к свидетельству очевидца. Историческое предание складывается по законам устного народного творчества, от него трудно ожидать зеркального отражения исторической действительности. Этого не учитывала дореволюционная наука, отыскившая в процитированном тексте немало несуразностей. Действительно, чего ради могущественные киевские князья, да еще без охраны, идут к пустынному днепровскому берегу по первому зову неизвестного им пришельца? Их должно было насторожить уже то, что этот человек навязывается им в родню. Далее. Олег в этом повествовании выдает себя за представителя Игоря, послушного исполнителя его воли, но затем самостоятельно правит в Киеве по меньшей мере 30 (а по сведениям других летописей — даже 40) лет, а Игорь становится князем только после его смерти. Даже договор с греками 907 г. Олег заключает от своего имени, не упоминая в нем Игоря, достигшего к тому времени примерно тридцатилетнего, солидного, по тогдашним понятиям, возраста. Н. И. Косто-

маров видел в этих несуразностях доказательство отсутствия фактической правды в предании.

Однако народное историческое предание о взятии Киева Олегом, изобилуя легендарными подробностями, верно отражает существо дела. Впервые в истории Южная Русь была объединена с Северной, и это событие явилось важной вехой на пути создания Древнерусского государства. Б. Д. Греков отмечал: «Гранью, и весьма существенной в истории Руси, является объединение Новгорода и Киева, т. е. Славии и Куявии, в одно большое государство»³.

Не следует, разумеется, ставить в заслугу Олегу объединение Северной и Южной Руси. Оно было подготовлено и осуществлено действием глубинных социально-экономических процессов, вышедших в восточнославянском обществе. А в чье княжение произошло это важное событие — Олега или другого правителя — не имеет особого значения.

Призывая к осторожности в отношении деталей летописного предания о столкновении Олега с Аскольдом и Диром, Б. Д. Греков в то же время отверг предположение ряда историков, будто бы более сильный Киев подчинил себе тогда Новгород. Его точку зрения разделил В. В. Мавродин, написавший: «Нам отнюдь не кажется фантастичным поход Олега из Новгорода в Киев и объединение им русских городов и земель, лежавших на пути «из варяг в греки» и некоторым его ответвлениям, в единую... державу, Киевскую Русь»⁴. По мысли этих ученых, политическое объединение было подготовлено установлением экономических связей (пока еще скромных и спорадических) между восточнославянскими Севером и Югом.

Как заметил Д. С. Лихачев, описанный в летописи путь Олега из Новгорода в Киев был естественным и проторенным давними торговыми поездками русов-северян в Константинополь. «Движение Олега из Новгорода на юг в Киев и дальше на Царьград, — продолжает ученый, — это единое движение». Византийский автор X в. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении государством» описывает путь русских ладей из Новгорода через Смоленск, Любеч и Чернигов к «Киевской крепости, называемой Самватас» — именно этим путем проследовал Олег. И последний поход Руси на Византию в 1044 г. (сына Ярослава Мудрого Владимира) был организован также из Новгорода.

³ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 453.

⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. — Л., 1945, с. 225.

Словами «Да будет матерью городам русским» Киев был официально признан в восточнославянском обществе столицей складывавшегося Древнерусского государства (приведем аналогичный греческий термин: метрополис — мать городов, столица). В качестве стольного града Киев обладал немалыми преимуществами перед другими древнерусскими городами, в том числе и его северным соперником — Новгородом. Как экономический, общественный и культурный центр Киев IX — начала X вв. заметно возвышался над прочими городами Восточной Европы. Он принадлежал к числу крупнейших городов европейского континента вообще, возникших в раннефеодальное время, был тесно связан с Византией и другими странами, расположенными на берегах Средиземного, Черного и Азовского морей. Выгодное географическое положение Киева давало возможность общерусским князьям более успешно осуществлять власть по всей территории расселения восточных славян, чем если бы они обосновались на далекой северо-западной окраине Руси, у берегов озера Ильмень.

Трудно сказать, были ли произнесены в действительности слова, объявляющие Киев стольным градом Руси, или же они относятся к области легенд. Но народное предание чутко уловило существо дела. С этого времени Киев действительно сделался первым городом державы.

Народная память долгое время хранила воспоминание о том, что с именем Олега связаны важные события в истории Руси и ее столицы. Это воспоминание причудливым образом породило цикл легенд об основании Олегом... Москвы. В нескольких поздних (XVII в.) летописях повествуется: «При княжении же своем Олг пришел на Москву реку, в нее текут Неглинна и Яуза, и поставил тут град и нарек Москвой, и посадил тут князя, сродника своего, и иные многие грады поставил в странах россійских», а в одной из них даже читаем: «И посадил (Олег) тут (в Москве) князя Юрья Володимировича, сродника своего» — имеется в виду действительный основатель Москвы владими́ро-сузда́льский князь Юрий Долгорукий (умер в 1157 г.). Один из более осведомленных в древнерусской истории позднесредневековых книжников поместил в своем труде компромиссный рассказ (зная, по-видимому, что Москва возникла около середины XII в.): Олег основывает Москву, «но не славен был тогда град и не люден, того ради помалу и разорился» (летопись новгородского происхождения). Такие причудливые побегі пустило древнее историческое предание о захвате Киева Олегом в последней четверти IX в.

Олег принадлежит к числу наиболее загадочных личностей древнерусской истории. Мы не знаем ничего ни о его социальном происхождении — князь он или знатный дружинник — ни о его отношениях (в частности, семейных) с Рюриком и сыном последнего Игорем. Новгородская первая летопись младшего извода, в которой отражен Начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет», считает, что Олег был не князем, а «воеводой» при сыне Рюрика Игоре, следовательно, не состоял с ним в кровном родстве. Нестор (или один из его источников, неизвестных науке) вынужден был сделать Игоря младенцем, чтобы объяснить, почему вдруг при прямом наследнике Рюрика всем управляет другой — Олег.

Иоакимовская летопись позднего происхождения называет Олега варягом, «князем Урманским», т. е. Норманским, шурином Рюрика, о чем узнаем из «Истории Российской» В. Н. Татищева. Другой источник Татищева, так называемая Раскольниковская летопись, именует Олега «внуком», дядей Игоря по матери. Наконец, один из летописцев XVII в. связывает появление Олега в Новгороде с легендой о призвании варягов, называя его племянником Рюрика. Все это — попытки позднейших русских книжников как-то объяснить отмеченное выше несоответствие в рассказе о взятии Олегом Киева и событиях его княжения.

Вероятнее всего, Олег не принадлежал к семейству Рюрика, а узурпировал власть при помощи преданной ему дружины, сделав Игоря игрушкой в своих руках. Он вовсе не был «княжеского рода», чем хвастался перед Аскольдом и Диром. Наоборот, последние были потомками первых киевских князей Кия, Щека и Хорива, о чем прямо говорится в Древнейшем своде 1039 г. Таким образом, удачливый кондотьер, предводитель лихой дружины (надо полагать, мало отличавшейся от разбойничьей шайки) устранил наследственных киевских князей Аскольда и Дира (точнее, одного из них) и принялся самовластно править в Киеве. Это бесспорный исторический факт. Но сам способ овладения Киевом носит легендарную окраску. Как уже знает читатель, реальное в своей основе предание могло содержать легендарные, сказочные мотивы.

Согласно «Повести временных лет», Олег захватил Киев хитростью, переодев воинов купцами и спрятав их в ладьях. В одной поздней летописи встречаем несколько отличный от имеющегося в «Повести», да еще снабженный новыми подробностями рассказ, цель которого убедить читателя в достоверности описанного. Олег прикидывается больным, ложится в ладью и посылает к Аскольду и Диру

со словами: «Я гость подугорский*», и иду в Греки от Олега князя и от Игоря княжича, и ныне в болезни есть, и имею много крупного и драгоценного бисера и всякого узорочья**, еще же имею нечто сказать вам из уст в уста. Пришедших Аскольда и Дира убивают прямо в ладье. Этот эпизод с переодеванием воинов отсутствует.

Сам мотив захвата города спрятанными в засаде и одетыми в купеческое платье воинами принадлежит к наиболее распространенным в мировом фольклоре. Он встречается в памятниках древней и средневековой египетской, греческой, римской, иранской, арабской, германской, итальянской и других западноевропейских литератур, что еще в начале нашего столетия установлено академиком А. С. Орловым.

Широко известна русская «Сказочная» повесть о взятии Азова в 1637 г. донскими казаками. В этом памятнике, использующем древнерусскую литературную традицию, повествуется: «И не доходя до Азова за день, стали (казаки) в камышники тайно и начаша думати како бы Азов взяти. И мало казаки призадумались... И повеле атаман по четыре человека в телеге летчи с оружием, и сказал им: «Как будет время, и вы будете готовы». И увяза телега, а в тридцать телег товару повеле положить, и приставил ко всякой телеге по человеку — итого сто тридцать человек. И снаряди атаман все возы и всех казаков нарядил в другое платье». С подложным письмом к азовскому паше псевдокупеческий караван благополучно миновал стражу и въехал в Азов. Ночью казаки выскочили из отведенного им гостиного двора и порубили врагов⁵.

Любопытно отметить, что предшествовавшая «Сказочной» «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. не знает романтических подробностей с переодеванием казаков купцами и обманном проникновении их в крепость. В «Исторической» повести, в соответствии с фактами, казаки устраивают подкоп под стену и закладывают туда пороховой заряд: «Тот мастер Иван по повелению атаманов и казаков в подкопе порох запалил. И по строению божию ту градную стену вырвало и многих басурманов за град с камением метало». В брешь устремились штурмующие, и Азов был взят.

Существует предание о взятии подобным же образом персидского города Фарабада Степаном Разиным. Известна олонецкая легенда о поляках Дмитрия Самозванца

* Живущий вблизи Венгрии.

** Драгоценности, ткани с узором, украшения.

⁵ Военские повести Древней Руси. — М.: Л., 1949, с. 87—90.

пробравшихся в Москву в бочках, содержавших якобы приданое Марины Мнишек.

Впрочем, все сказанное вовсе не означает, что переодетые купцами воины не могли добыть Киева. Подобное случалось в действительности. Например, Симеоновская летопись за 1446 г. рассказывает о завладении Троицким монастырем печально известным Дмитрием Шемякой и его сообщником Иваном Можайским с помощью такого приема: «Он же (Иван) повелел сани многие снарядить, словно возы с камышом, а иные с войлоком, а в них по два человека в доспехах, а третий сзади идет, как бы за возом. И как только передние (возы) уже их (стражников) миновали, тогда выскочили все из саней и схватили их» (сидевших в монастыре. — Авт.).

Яркое и подробное предание «Повести временных лет» о захвате Олегом Киева переходит в немногословный рассказ о государственной деятельности этого князя: «Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам и кривичам». Под следующим, 883 г., Нестор продолжает: «Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал с них по черной куннице». Еще через год «отправился Олег на северян и победил их, и возложил на них легкую дань и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их и вам платить незначем». Наконец, под 885 г. Нестор повествует о продолжении процесса подчинения Киеву союзов племен: «Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне»... И властвовал Олег над полянами и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами всевал».

Уже давно историки обратили внимание на необыкновенную быстроту и слишком уж буквальную хронологическую последовательность покорения центральной властью складывавшегося Дрезнерусского государства мощных восточнославянских союзов племен. В действительности, этот процесс растянулся на многие годы. По всей вероятности, не имея в руках никаких иных источников, кроме кратких исторических преданий, летописцы распределили события по годам, руководствуясь самими приблизительными соображениями.

Не случайно, как мы полагаем, летопись словно забывает об Олеге более чем на двадцать лет и возвращается к нему только под 907 г. Думается, что 886—906 годы (преобладающая часть из которых в летописи только обозначена, без какого-либо текста) как раз и были временем длительной и ожесточенной борьбы киевского центра за

включение в состав государства племенных объединений. На то, что эта борьба была длительной и кровопролитной, указывает беглое замечание Нестора: «А с уличами и тиверцами воевал» (Олег).

Описанное летописцами покорение словен, древлян, кривичей и других восточнославянских союзов племен было весьма относительным — и не только потому, что из последующих рассказов «Повести временных лет» мы узнаем о борьбе преемников Олега за подчинение некоторых присоединенных ранее этим князем объединений. Местная племенная знать надолго сохранила власть, богатства, привилегии.

Поэтому следует согласиться со словами В. В. Мавродина: «По-видимому, взаимоотношения между Олегом и покоренными племенами заключались лишь в несистематическом сборе дани и в участии их воинов в войнах и походах киевского князя». Летописи отмечают, что еще в конце IX — в первые годы X в. часть союзов племен продолжала сопротивляться стремлениям киевского центра включить их в состав государства. Так, к началу X в. тиверцы оставались вне государственных рамок, о чем свидетельствует рассказ Нестора о походе Олега на греков 907 г. В данном перечне представителей различных племенных объединений в войске киевского князя он упомянул и «тиверцев, бывших толковинами», т. е. всего лишь союзникам. Лишь в 944 г. тиверцы названы, наряду с другими восточными славянами, в составе войска Игоря, также выступившего против Византии. К этому времени, следовательно, племенной союз волинян вошел в государственное объединение восточных славян. В начале 40-х годов X в. киевским князьям удалось подчинить и племенное объединение уличей.

Как видим, Древняя Русь конца IX — начала X в. оставалась недостаточно объединенной, попытки ее консолидации наталкивались на еще сильное сопротивление знати крупных союзов племен. Тем не менее в то время был сделан решающий шаг на пути сплочения восточных славян в едином государственном организме, что, в свою очередь, создало необходимые условия для последующего развития общности экономики, территории, языка, культуры, быта интенсивно складывавшейся древнерусской народности. Вот какие сложные и длительные процессы восточнославянской истории скрываются за скупыми строками построенного на народных преданиях рассказа Нестора о подчинении Олегом восточнославянских союзов племен.

Науке мало известно о Киеве времен княжения в нем Олега. В частности, археологи до сих пор не обнаружили следов оборонительных сооружений тех лет. И все же не следует скептически относиться к отраженному, правда, в одном из поздних летописных сводах преданию, гласящему: «Олег повелел заложить великой град Киев». Ведь став столицей государства, Киев должен был обзавестись более солидными, чем раньше, укреплениями.

Развитие Древнерусского государства шло параллельно с ростом его днепровской столицы. В результате археологических исследований выявлено громадное количество памятников материальной культуры IX—X вв. на обширной территории древнего города: от Кирилловских высот на севере до Печерских на юге. Сотни языческих курганов (такого их количества не обнаружено ни в одном другом русском городе) сохранялись на Старокиевской горе, Подоле, вдоль Кирилловской возвышенности и в других местах нагорной части Киева вплоть до 60-х — 70-х годов XIX в., свидетельствуя о том, что он был крупнейшим городом восточнославянского государства.

Следует объяснить слова летописца о том, что Олег освободил северян и радимичей от уплаты дани хазарам. Нет оснований говорить о зависимости всех или даже большинства восточнославянских племенных объединений от Хазарского каганата, о чем говорилось выше. Не исключена, впрочем, уплата sporadической дани хазарам какой-то частью северянского или радимического союзов, расположенных в восточной, ближайшей к Хазарскому государству, зоне расселения славян. Возможно, таким образом северяне и радимичи обеспечивали для своих купцов торговые привилегии и безопасность на рынках самой Хазарии или на контролируемых ею коммуникациях.

Сплочение большинства восточнославянских племенных союзов вокруг Киева сделало рождавшееся Древнерусское государство могущественным в экономическом и военном отношениях, способным померяться силами с мировой державой того времени — Византийской империей. Под 907 г. Нестор описывает грандиозное по своим масштабам военное предприятие Руси: «Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, бывших толковинами... И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000».

Русские ладьи на колесах приближаются к Константинополю.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

До сих пор летописный рассказ не содержит как будто ничего необыкновенного, но это лишь на первый взгляд. Еще фольклористы XIX в. отмечали в этой части предания «черты не только рассказа, но даже песенного склада». Нестор начинает повествование с перечисления идущих в поход народов, что характерно для памятников эпической поэзии. Интересно, что в этом перечне названы и племенные союзы, не подчинившиеся еще Киеву: вятичи и хорваты (не исключено, что Олег заключил с ними военный союз против греков, обещая в случае успеха богатую добычу). Из дальнейшего рассказа летописи явствует, что на каждом из двух тысяч кораблей Олега сидело по сорок человек. Само это число в высшей степени характерно для фольклорных произведений, особенно поэтических. В былинах встречаются и сорок богатырей, и сорок калик, сорок царей, и сорок тысяч силы ратной. В украинских исторических песнях, во многом основанных на древнерусской традиции, часто численность войска определяется сорока тысячами: «Йде на тебе сорок тисяч хорошої вроди»; «зібрав війська сорок тисяч».

Таким образом, есть серьезные основания полагать, что повествование Нестора о походе огромного войска под водительством Олега на греков заимствовано из устного эпического источника. Им могла быть дружинная поэзия

(быть может, в прозаическом пересказе). И в дальнейших летописных известиях об Олеге явственно сквозит воинский эпос.

Но тем не менее приведенная часть статьи 907 г. «Повести» заслуживает, в общем, доверия. Поход русского войска на Константинополь был важным событием в жизни двух соседних государств, получившим широкую международную огласку. Причины, вызвавшие нашествие русских дружин на Царьград в 907 г., до сего времени остаются неясными — источники оставили эти причины как бы за рамками повествования.

Есть некоторые основания думать, что русско-византийские отношения начала X в. определялись договором «мира и любви», заключенным после удачного рейда флота Аскольда на Константинополь в 860 г. Вероятно, византийская администрация чинила помехи русским купцам как в столице империи, так и в остальных ее крупных городах. Но, как полагает А. Н. Сахаров, главное заключалось в том, что Византия отказалась платить дань Руси — ее многоопытные дипломаты сочли своего соперника ослабленным ввиду затяжных военных действий, направленных на покорение племенных объединений.

Уже само перечисление древнерусских племен, принявших участие в походе 907 г., свидетельствует, что Олег основательно подготовился к войне. Кроме того, киевское правительство заручилось поддержкой Болгарии, воспользовавшись антивизантийскими настроениями царя Симеона. Сухопутное войско Олега (одна часть двигалась, как сказано Не-

Древнерусский воин. Современная реконструкция П. П. Толочко.

стором, «на конях») прошло к рубежам Византийской империи территорией Болгарии, правительство которой было заинтересовано в нанесении удара своему заклятому врагу.

Общая политическая обстановка в мире также способствовала успеху русского войска. Византия завязла в борьбе с арабами и была вынуждена отвлекать на нее значительные силы. Греческое государство, кроме того, раздиралось внутренними противоречиями. В том же 907 г. полководец Андроник Дука восстал против императора. Очевидно, как и в 860 г., русское правительство было осведомлено о внутри- и внешнеполитических трудностях Византии.

Вот почему конница Олега, не встречая особого сопротивления, подошла к могучим стенам греческой столицы, а русский флот беспрепятственно приблизился к константинопольской бухте. Когда князь с войском «пришел в Царьграду», продолжает свой рассказ Нестор, «греки замкнули Суд, а город затворили». Это соответствует исторической действительности.

«Суд» — залив Золотой Рог, разграничивавший Константинополь и его предместье Галату. С древних времен в случае опасности этот залив запирался гигантской железной цепью. Читаем о ней в знаменитом путеводителе по Константинополю: «Эта цепь — часть ее можно и теперь видеть во дворе церкви св. Ирины (теперешний оружейный музей) — была протянута между Галатой и Стамбулом через Золотой Рог. Оба ее конца были прикреплены к двум башням, и тяжесть цепи, мешавшая проходу судов, поддерживалась бакенами»⁶. Остатки башен сохранились до XX в. и изучены археологами.

Одно из первых упоминаний о гигантской цепи относится к 717 г. (византийский источник). О ней пишут затем греческие историки Лев Диакон (X в.) и Георгий Кедрен (XI в.). Древнеисландская сага о зяте Ярослава Мудрого Гаральде также упоминает цепь, защищавшую Золотой Рог от вражеского флота.

По примеру византийцев водные пути начали переторгивать и другие народы. Применение подобного сооружения на скандинавском Севере засвидетельствовано древними сагами (для времен конца XI—XII вв.), и это легко понять: причудливые очертания Скандинавского полуострова со множеством островов, бесчисленными фиордами, заливами и устьями рек создавали благоприятнейшие условия для этого.

⁶ Эссад Джегал. Константинополь. — М., 1919, с. 38.

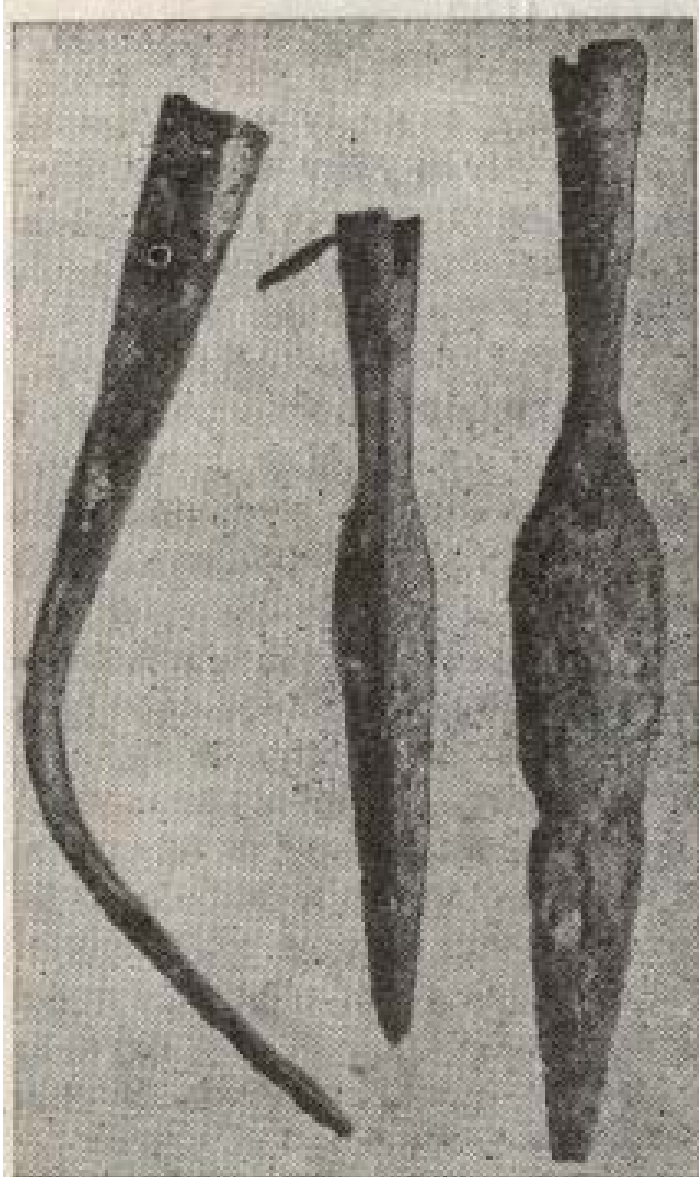
Договор Новгорода с немцами 1392 г. свидетельствует, что во владениях Дерптского (Тартусского) епископства «под епископским городом колода через реку (переброшена) за замком, а туда новгородскому купцу путь чист». В одном из русских документов середины XVII в. содержатся сведения о строительстве башен и изготовлении цепи на Березовском устье Северной Двины ввиду того, что «иноземцы... учали приходить к Архангельскому городу... на кораблях заповедным (запрещенным для них. — Авт.) Березовским устьем».

Было чрезвычайно трудно преодолеть золоторожскую цепь. Необычайно крупную, ее не сумели разрушить даже осаждавшие Константинополь в 1453 г. турецкие войны. Лишь однажды, в 1204 г., как сообщает Новгородская летопись, во время штурма Царьграда крестоносцы «пришли в Суд, замки железные разбили и подступили к граду». Позднейшая (XVI в.), так называемая Львовская, летопись объясняет, что эти замки — не что иное, как цепь.

Не смогли разрушить крепчайшую цепь и корабельщики Олега. Тогда князь, повествует Нестор, прибег к следующему хитроумному приему: «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же увидев это, испугались...»

Золоторожская цепь существовала в действительности, а вот с кораблями Олега, которые будто бы на колесах и под парусами атаквали константинопольские твердыни, дело обстоит сложнее. Вообще-то перевозка легких судов на катках практиковалась на Руси. Подобным образом преодолевались водоразделы между реками и порожистые места на самих реках. Константин Багрянородный рассказывает, как во время прохождения порогов русам приходилось облегчать свои суда, а после этого они «опять снабжают свои однодревки недостающими принадлежностями: парусами, мачтами и реями».

На водных путях того времени, даже на главной международной артерии «из варяг в греки», существовало множество «волоков», т. е. участков, на которых суда приходилось волочить на руках или катках. Новгородская первая летопись младшего извода (она ближе к Начальному своду, чем «Повесть временных лет») сначала прозаически отмечает, что Олег велел вытащить корабли на берег — явно для того, чтобы волоком перетащить их в нужное место. Впрочем, тут же новгородский летописец налагает легенду о самодвижущихся по суше под парусом ладьях.

Наконечники копий. Из раскопок
М. К. Каргера в Изяславле.

Фраидзиса и венецианца Барбаро, английский ученый-византист С. Рансимен так описывает операцию турецкого командования по преодолению цепи: «В воскресенье 22 апреля, с первыми лучами солнца, необычная процессия кораблей (турецких.— Авт.) двинулась в путь. Перед этим повозки спустили в воду, подвели под суда, которые и закрепили на них; затем на блоках вытащили повозки на сушу и в каждую впрягли упряжку быков; кроме того, при каждой повозке находилась специальная команда для помощи на подъемах и в наиболее трудных участках пути. Гребцы кораблей сидели на своих местах, работая веслами в воздухе, а офицеры ходили по палубе взад и вперед, отдавая команды. Паруса были подняты, как если бы суда находились в море. Будто в каком-то фантастическом празднестве реяли флаги, били барабаны, звучали флейты и трубы, когда корабли один за другим ползли в гору»⁷.

Перетягивание кораблей волоком, пусть даже и на катках, было чрезвычайно трудным делом, требовавшим напряжения сил всех, кто в них сидел, а то и помощи быков или коней. Паруса были не в состоянии даже сдвинуть корабль с места. И все же — паруса могли быть подняты на ладьях Олега, которые тащили по суше!

В это действие, думается, вкладывали сакральный, магический смысл. На подобную мысль наводят нас рассказы очевидцев о том, как турецкий флот обошел протянутую через Золотой Рог цепь накануне решающего штурма Константинополя войсками султана Мехмеда.

На основании свидетельств очевидцев, грека

⁷ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г.— М., 1983, с. 100.

Понятно, что турецкие военачальники приказали спустить паруса и двигать веслами прежде всего для оказания психического давления на осажденных. Но вместе с тем описанным действиям, вероятно, придавали магическое значение.

По-видимому, командование русского флота, поднимая паруса, также рассчитывало и на психологический эффект. Об этом может говорить и отразившийся в поздней летописи вариант предания о нападении войск Олега на Царьград. Русы не только поставили ладьи на колеса, но и «сотворили кони и люди бумажные, вооруженные и позлащенные, и пустили их по воздуху на град». Как заметил в начале XX в. М. Г. Халанский, со сделанными умельцами Олега бумажными конями и людьми можно сравнить Тугарина Змеевича (прообразом которого послужил знаменитый половецкий хан конца XI в. Тугоркан):

Поднялся на бумажных крыльях по под небесью летать...
Дает господь бог тучу с градом дождь,
Замочило Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.

Ученые-скандинависты отмечали параллели в исландских сагах летописному рассказу о кораблях Олега на колесах. У датского хрониста начала XIII в. Саксона Грамматика встречается эпизод с использованием подобной военной хитрости полулегендарным датским героем Рагнар Лодброком. Возможно, этот сюжет был навеян Саксону Грамматику реально существовавшим с античных времен боевыми осадными башнями на колесах. По свидетельству западноевропейских хроник, такими башнями воспользовались норманны в 886 г. при осаде Парижа. Но, скорее всего, датский хронист заимствовал образ кораблей на колесах из древнерусского источника, поскольку в скандинавском фольклоре постановка судов на катки не связывается с военной хитростью.

Успешное преодоление ладьями Олега неприступной до тех пор золоторожской цепи заставило византийское правительство просить мира. Его послы сказали киевскому князю: «Не губи града, дадим тебе дани, какой захочешь!» И остановил Олег воинов...». По всей видимости, отразившееся в «Повести временных лет» историческое предание использовало бытовавший тогда образный стереотип. Но для темы нашего рассказа важно другое: византийское правительство предложило перевести конфликт из военной области в политическую сферу.

Народное предание чутко уловило самое существо дела. Недаром в одном из поздних летописных сводов навстречу

Олегу, «честно встретив», вышли «царь греческий Михаил с патриархом и со всем священным собором и клиро-сом церковным, со мноюю честию и с великим молением». Разумеется, этого не происходило в действительности. Подобным образом повествователь подчеркивает исключительную важность момента.

Далее летописец излагает легенду неясного происхождения. Когда Олег остановил войско у ворот Константинополя, «вынесли (из города) ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». Д. С. Лихачев в «Комментариях» к этому месту «Повести временных лет» отмечает, что подразумевается Дмитрий Солунский, но отчего с ним сравнивается Олег, не понятно, ведь в многочисленных житиях Дмитрия нет мотива с угадыванием святым секрета отравленного вина. Объяснение процитированному отрывку предложил академик М. Н. Тихомиров. Он указывает, что почитание Дмитрия Солунского было распространено в южнославянском мире. «Уж эта одна черта заставляет искать в источнике летописного рассказа балканское происхождение»⁶.

Отголоски болгарского и другого южнославянского фольклора, несомненно, прослеживаются в «Повести временных лет». Связи между русским и болгарским народами были в то время дружественными, о чем свидетельствует отмеченное выше прохождение сухопутного войска Олега через Болгарию к Царьграду. Поэтому версию М. Н. Тихомирова следует признать правдоподобной.

После неудачной попытки отравления, продолжает свое повествование Нестор, грекам пришлось смиренно выслушать предложенные русским князем условия мира: «И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей... И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром *... И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на ключ **, а затем дать дань для русских городов: прежде всего, для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для прочих городов».

⁶ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией.— М., 1959, с. 109.

* Львом VI и его братом Александром.

** Уключину весла, надо думать — символ русской ладьи. Согласно Н. И. Срезневскому, «ключ» — не уключина, а руль, кормило.

Русско-греческий договор 907 г. предоставил русским послам и купцам важные льготы в Византии: «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят, а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов». Но главным в области межгосударственных отношений было восстановление заключенного вскоре после похода Аскольда на Царьград 860 г. договора «мира и любви». Византия обязалась выплачивать Руси ежегодную дань. Это была плата за ненападение и, возможно, за какие-то, неизвестные нам, союзнические услуги.

Полный текст русско-византийского мирного договора Нестор поместил в «Повести временных лет» несколько ниже, а рассказ о главных условиях мира завершил словами «Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами (греки) целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому и клялись те своим оружием и Перуном их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир».

Естественно, что язычники-русы клялись своими богами и прежде всего Перуном, которого часть историков считает киевско-полянским и к тому же дружинным богом. Интересно отметить, что воинство Олега принесло клятву на оружии. Этот обычай был широко распространен у болгар в IX—X вв. По свидетельству западноевропейских источников, болгары, когда собирались дать клятвенное обещание, клали перед собой меч и им клялись.

Повесть о победоносном походе русов на греков Нестор завершает словами, в которых очень мало от исторической реальности, но много от народных легенд (возможно, и от дружинных песен): «И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок^{*}, а словенам шелковые». И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а словены шелковые, и разодрал их ветер. И сказали словены: «Возьмем свои простые паруса, не дались словенам паруса из паволок. И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными».

Параллели к рассказу Нестора о прикреплении Олегом щита к вратам Царьграда ученые-скандинависты находят

* Драгоценных тканей.

в исландской саге о норвежском конунге X в. Олаве, сыне Трюггви (в молодости связанном с Русью), и в древней датской легенде о богатыре Гуно, известной в записи XVII в. Но естественнее видеть происхождение поступка Олега в восточнославянских обычаях. Представление о щите как символе победы прочно вошло в древнерусский язык: «взять на щит» означает овладеть городом приступом.

В народной памяти восточных славян предание о щите Олега на воротах Царьграда жило еще в конце XVI в. Его приурочивали, вероятно, к гербу святого Георгия на Галатских воротах Константинополя. Надо думать, под впечатлением этого предания польский историк Мацей Стрыйковский в своей «Хронике» уверял, что собственными глазами видел щит Олега в 1575 г. Немецкий историк XVIII в. А. Л. Шлецер свидетельствует, что в одних летописных вариантах Олег вешает на воротах собственный щит, а в других — Игорев.

После удачного похода на Константинополь, вспоминает Нестор, «прозвали Олега Вещим», но к этому летописец прибавляет, что так случилось по причине язычества и непросвещенности основной массы населения Киевской Руси. Летописец-христианин (а Нестор к тому же был монахом Киево-Печерского монастыря) пренебрежительно относился к язычникам, видевшим в поступках Олега нечто сверхъестественное. Ведь в древнерусском языке слово «вещий» было синонимом понятий «волхв» и «кудесник», т. е. колдун, волшебник. Следовательно, в народном представлении Олег обладал какими-то нечеловеческими знаниями и сверхобычной силой.

Возможно, считают историки, в языческие времена князья на Руси (как и у других славян) были одновременно верховными жрецами языческих культов, что делало их в глазах народа магами и волшебниками. Киевский монах-летописец не верит в «вещесть» Олега, хотя и отдает должное его полководческим и государственным талантам. Здесь мы вплотную подходим к интересному вопросу: об отношении современников, творцов и сказителей исторических преданий, легенд и воинских песен к личности князя Олега.

В памятниках народного творчества, воспевающих походы Руси на Византию, Олег выступает как удачливый и хитроумный военачальник. Но это вовсе не означает, что в народе к нему вообще относились доброжелательно. Все намного сложнее. Безусловно, отчаянно смелое нападение древнерусского воинства под водительством Олега на Византию не могло оставить безразличной какую-то часть

народных масс. Естественным образом через воинский эпос князь сделался героем ряда народных преданий и легенд. Но сказанное не означает, что Олег как личность был любимцем народа — как раз наоборот. Это доказывает самая, наверное, знаменитая из тех, что попали в «Повесть временных лет», легенда — о смерти Олега от своего коня.

В 911 г. в Константинополе были торжественно подтверждены условия византийско-русского договора, закрывшего дружественные отношения между двумя странами более чем на 30 лет и подтвердившего важные привилегии русских купцов в Византии. Однако после изложения текста договора 911 г. «Повесть временных лет» как-то внезапно теряет интерес к дальнейшим деяниям Олега и не сообщает о нем больше ничего — вплоть до самой его смерти. Б. А. Рыбаков пишет по этому поводу: «Поразительна неосведомленность русских людей о судьбе Олега сразу после обогатившего его похода... «Великий князь Русский», как было написано в договоре 911 г., исчезает не только из столицы Руси, но и вообще с русского горизонта»⁹.

Историки уже давно занимает судьба Олега после похода на Константинополь. Имеется глухое известие Новгородской летописи, что незадолго до смерти «ходил он за море», но за какое? Естественно считать, что за Черное и что речь в этом источнике идет о новом походе на Византию.

Между тем имеется свидетельство хазарского документа X в., согласно которому Олег совершил еще один поход на Константинополь, окончившийся для него поражением. Греки взяли верх над его войском при помощи «огня», т. е. огнеметов. По-видимому, с этим походом следует связывать известие Новгородской летописи под 920 г. (здесь поход предшествует другой экспедиции 922 г., но это не должно нас смущать, поскольку хронология правления Олега в летописях весьма и весьма неточна) о нападении Руси на греков под водительством Игоря. Тогда по велению императора Романа военачальник Феофан «огненным устройством сжег русские корабли». Возможно, что историческое предание, отразившееся в Новгородской летописи, приписало Игорю неудачу Олега: ведь «вещий» князь до конца жизни был в народном представлении во всем удачлив.

Далее хазарский документ повествует, что потерпев поражение от греков, Олег устыдился возвращаться домой

⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв., с. 311—312.

и пошел морем в Персию*, где сложил голову. Этот источник связывает имя Олега с именем византийского императора Романа Лекапина (царствовал с 919 по 944 г.). По мнению В. В. Мавродина, хазарский документ отражает знаменитый поход русских дружин на богатейший город Закавказья Бердаа в 943—944 гг., описанный восточными источниками, в первую очередь арабским историком Ибн-Мискавейхом. Этот город расположен недалеко от Персии, а народное представление могло их и вовсе сблизить.

Недостаток предположения В. В. Мавродина не только в том, что в хазарском источнике X в. Олег и его войско гибнут, а от Бердаа русская рать благополучно возвращается с добычей. К слишком позднему времени относит историк «персидскую» экспедицию Олега — 943—944 гг. Пусть хронология древнейших частей летописей и приблизительно, но все же не до такой степени, чтобы можно было растянуть правление Олега на 60 с лишним лет. Кроме того, 943—944 гг. были завершающими годами княжения Игоря в Киеве.

Но в истории русского проникновения на побережье Каспийского моря был другой поход, как нельзя лучше отвечающий свидетельствам хазарского документа. Он состоялся приблизительно в 912—913 гг.**, вскоре после второго русско-византийского договора 911 г. Но не только приемлемость хронологии говорит в пользу такого предположения. Дело в том, что, по свидетельству Масуди и некоторых других арабских источников, тогда состоялся набег Тмутараканской Руси на Каспийское побережье. А хазарский документ упоминает, что Олег-Хельгу перед походом в Персию как раз завладел Тмутараканью. В каспийском походе русы потерпели сокрушительное поражение и были едва ли не все перебиты.

Конечно, и это только гипотеза: ведь свидетельства восточных источников скупы, не очень определенны и часто поддаются различным толкованиям. Но все же можно предположить, что Олег сложил голову в Прикаспии, и это согласуется с древнейшим из исторических преданий, сохранившихся в наших летописях, — тем, что содержится в Новгородском своде.

Новгородская первая летопись младшего извода, в которой отразился Древнейший киевский свод 1039 г., сообщает, что после победы над греками князь не остался в

* Paraz — некоторые ученые считают, что это искаженное Tiras, как иногда называли в средневековье Фракию.

** Не так давно А. П. Новосельцев поставил под сомнение эту дату, отнеся поход к 909—910 гг.

Киеве, а «пошел Олег к Новгороду и оттуда в Ладогу. Другие же сказывают, что пошел он за море и клюнула его змея в ногу и от того он умер; есть могила его в Ладоге».

Перед нами — довольно скупо сохранившееся в летописи историческое предание, да еще имеющее два варианта. Из него следует, что уже летописцу времен Ярослава Мудрого не были известны в точности ни обстоятельства смерти Олега, ни само место его кончины. Еще меньше они могли быть ведомы Нестору, но зато автор «Повести временных лет» знал поэтическую легенду о смерти Олега, помещенную без даты в ее тексте после изложения условий русско-греческого договора 911 г.

«И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами, — неспешно начинает свой рассказ Нестор. — И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «Отчего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногой на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица*. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было все лет княжения его тридцать и три».

Тридцатка и тройка — излюбленные числа фольклора, поэтому было бы наивным определять дату смерти Олега,

* «Установка на достоверность» явилась причиной того, что в новгородском предании могила Олега указывается на севере, в Ладоге, а в киевской легенде — в Киеве, на горе Щековице. Впрочем, иной вариант южной легенды знает могилу Олега в другой части Киева — у Львовских ворот.

Нарѣ. сѣмъ глѣтъ ѿ фѣвѣнца. Ѣже мѣгнла ѣи до бѣдѣи ѣи
вѣмѣмѣмѣи ѣи гѣвѣи ѣи бѣмѣмѣи ѣи жѣнѣи ѣи лѣи.

Смерть Олега от коня. Миниатюра Радзивилловской летописи.

прибавив 33 к 882 г.— началу его княжения в Киеве. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что, в соответствии с летописной легендой, князь умер на пятый год после похода на Византию, т. е. в 916 г. Возможно, это и есть год смерти Олега. В пользу своего мнения ученый приводит наблюдение, что именно с 916 г. в «Повести временных лет» начинается длинный ряд «пустых» годов.

Мотив сбывающегося предсказания о смерти от того или иного животного, несмотря на все предосторожности, широко распространен в фольклоре разных народов. В Сербии записана легенда о султани и его коне, чрезвычайно близкая к только что изложенной. Подобного рода легенды существуют в английском и германском устном народном творчестве. Но исследовавшие легенду «Повести временных лет» о смерти Олега от своего коня возводят ее к древнеисландской саге об Орвар-Одде. Герою этой знаменитой саги норвежцу Одду вещунья напроорочила гибель от укуса змеи, которая поселится в черепе его боевого коня по имени Факси. Одд собственноручно убивает коня, чтобы воспрепятствовать судьбе. По происшествии очень многих лет (сага отмерила герою триста лет жизни) Одд, уже в старости, решил посетить родные места, уверив себя, что пророчество о гибели на родине не сбудется. Но герой споткнулся о конский череп и в досаде ударил по нему копьем. То был череп Факси, из него выползла змея и умертвила Одда.

В одной из поздних версий русской летописной легенды Олег, подобно Одду, убивает своего коня: «И повелел отрокам своим, пусть отведут его далече в поле и отсекут голову его, а самого повергнут зверям земным и птицам небесным». Это еще одно доказательство зависимости летописной легенды от саги об Орвар-Одде.

Таким образом, варяжская сага легла в основу легенды о смерти Олега, попавшей в русскую летопись. Возможно, толчком к изображению Олега ее главным действующим лицом послужил действительный факт его кончины от укуса змеи. Главное же, эта легенда связана с его «веществом», сверхъестественными умом, хитростью и силой.

Только на первый взгляд характер смерти Олега противоречит его воспетым в воинском эпосе хитроумию и проныцательности. Потому что волхв, кудесник в легенде представляет высшую неумолимую силу, которая в народном представлении способна сокрушить и особую сверхъестественную силу богатыря. О вещем полоцком князе Всеславе, «которого мать родила с помощью волхвовования», как отмечает Нестор, в «Слове о Полку Игореве» сказано: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия ни минути».

Довольно близкую параллель к легенде о гибели Олега от выползшей из конского черепа змеи можно усмотреть в былине «Смерть Василия Буслаева». Прославленному новгородскому богатырю захотелось побывать на «высокой горе Сорочинской». Подымаясь на гору, Василий видит:

На пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василий ту голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!»

Тут бы богатырю задуматься, но он не внял предсказанию, исходявшему от черепа, «плюнул» и «прочь пошел». Далее в былине поется:

Взошел (Василий) на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокий камень.
В вышину три сажени печатные,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавляться,
Вдоль скакать по камню,
Сломит свою буйну голову».

И к этому предостережению Буслаев не прислушался, вступив в последнюю схватку с судьбой:

Василий тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавляться,
Поперек камня проскакивати,
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю
И не доскочил только четверти
И тут убился под каменем,
Где лежит пуста голова,
и Василья схоронили там.

В былине о Садко, Вольге (т. е. Олеге) и Микуле подобная смерть в борьбе с роком постигает самого Олега. Едучи путем-дорогой, герои, не доезжая города Орехова, встретили огромный камень с «подписью великой», предостерегающей прыгать «вдоль камня»:

Отправляется дружина хоробрая,
Скакала она впоперек сего камня,
Направляется Вольга Всеславьевич *
Через всю длину сего камня,
Задевает конь подковами —
Тут Олегу и смерть пришла.

Некоторые фольклористы усматривали в легенде о смерти Олега отражение древнего мифа. Смысл его заключается в том, что человеку предвещают будущее, но он не может воспользоваться предсказанием, поскольку оно выражено в неясной ему форме. Можно вспомнить подобные прорицания греческих оракулов, носящие загадочный и двусмысленный характер. Эти ученые указывают на прославленный в трагедии Софокла фиванский миф об Эдипе: страшное предсказание при рождении Эдипа сбывается, несмотря на то, что было сделано все, дабы оно не исполнилось.

В легенде о смерти Олега нет мотива мести или проклятия со стороны волхва, хотя ее недружелюбный характер несомненен (недаром в осмысление ее летописцем XVII в. введен мотив повешения волхвов Олегом за несправедливое предсказание). Историки справедливо писали об отражении в этой легенде враждебного отношения русских людей к князю-завоевателю, незаконно усевшемуся на киевский престол. Хорошо сказал об этом Б. А. Рыбаков:

* Характерно, что эта былина делает Вольгу-Олега сыном «вещего» Всеслава Полоцкого. В других былинах Вольга носит отчество Святославич.

«Замысел и изобразительные средства сказания выбраны с таким расчетом, чтобы показать смерть Олега как возмездие Русской земли варягу-находнику, вина которого не могла быть искуплена даже щитом на вратах Царграда»¹⁰.

Особого рассмотрения заслуживает мотив конского черепа, послужившего орудием исполнения колдовского предсказания. Думается, творцы этого фольклорного произведения не случайно избрали инструментом выполнения «приговора» волхвов над Олегом именно коня.

Ведь в восточнославянском фольклоре конь издавна был символом добра, искренности, верности, доброжелательного отношения к человеку. Конь — первый друг воина, не раз спасавший ему жизнь в бою. А погубивший Олега конский череп в устном народном творчестве обыкновенно выступает в качестве источника мудрых советов, различных благ, как защитник детей, вдов и сирот. Очевидно, гибель князя от подобного в целом благоприятного людям предмета должна была, по мысли безымянных творцов легенды, выглядеть как отплата коварному убийце Аскольда и Дира, варяжскому конунгу, навсегда оставшемуся чужим древнерусскому народу.

Есть весомые основания полагать, что положительные черты в характеристике деятельности Олега почерпнуты летописцем из дружинной поэзии. Воины, прославившиеся и обогатившиеся в победоносных походах, были, понятно, довольны своим предводителем. Иное дело — народные массы, отрицательно и недоверчиво относившиеся к жестокому и хитрому пришельцу.

После смерти Олега в Киеве начал княжить Игорь, прозванный Старым. Первая половина X в. — время становления Древнерусского государства. Нарастала феодализация общества, а княжеская власть, суд и соби́рание дани продолжали распространяться на земли все новых союзов племен. Верхушка этих объединений упорно сопротивлялась центральной власти складывавшегося государства, стремясь сохранить свои привилегии и богатства. С этим и пришлось столкнуться Игорю Старому.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, Былины, Летописи, с. 179.

«И СТАЛ ОН ЗАМЫШЛЯТЬ ПОХОД НА ДРЕВЛЯН ...»

Не следует представлять образование территории Древнерусской державы как гладкое и неуклонное движение восточнославянского общества по восходящей. Процессы экономического, общественного, политического и культурного развития носили тогда противоречивый характер. Племенная знать противилась объединительным мерам киевского правительства. Последовавшая после смерти Олега смена княжеской власти сразу же обнаружила политическую непрочность складывавшегося государства.

В едва мерцающем свете источников фольклорного, в основном, происхождения Древняя Русь и ее столичный град Киев слабо различимы. У нас нет сведений о том, как началось и протекало более чем тридцатилетнее (если верить «Повести временных лет») княжение Игоря в Киеве. Лишь о последних четырех-пяти годах его жизни мы имеем хоть сколько-нибудь конкретные свидетельства летописей.

Рассказ о правлении Игоря Нестор начинает словами: «По смерти Олега стал княжить Игорь... И затворились от Игоря древляне по смерти Олега». Затворились — закрыли ворота своих градов и крепостей и отказались подчиняться киевскому князю. Мы упоминали о том, что под 883 г. «Повесть временных лет» отметила покорение древлян Олегом и обложение их данью «по черной куне». Вот каким непрочным оказалось пребывание древлянского союза племен в составе Киевского государства — достаточно было умереть князю-покорителю, чтобы племенная верхушка древлян открыто выказала неповиновение его преемнику.

Но это, по всей вероятности, стихийное, мало подготовленное выступление древлян киевскому князю удалось сравнительно легко подавить. В следующем году, как записал в своем труде Нестор, «Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней». Это был недальновидный и неразумный поступок. Но последствия его сказались лишь через много лет.

Новгородская первая летопись младшего извода также кратко свидетельствует, что Игорь начал княжить в Киеве, «воюя на Древляны», но добавляет к общему упоминанию «Повести временных лет» о возложении дани на древлян более конкретное указание: «И дал же (Игорь) дань де-

ревскую Свенельду, и брали по черной куне от дыма. И сказала дружина Игорю: «Ты дал одному мужу слишком много».

Отсюда следует, что древлянская дань была отдана в «кормление» варяжскому военачальнику Свенельду, одному из могущественнейших людей в окружении киевского князя. Это одно из первых свидетельств того, как князья подкармливали крупных феодалов, платя им за службу и поддержку.

Под 945 г.* «Повесть временных лет», подводя итоги успешной внешнеполитической деятельности Игоря, сообщает: «Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой,** а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилie над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьет его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня, в Деревской земле, и до сего времени».

Эта история обладает всеми признаками народного исторического предания. Указание на могилу князя в Древлянской земле — реализация «установки на достоверность». Уже само начало этого предания совпадает со всецело основанном на фольклоре рассказе «Повести временных лет» о кончине Олега: «И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень...»

Это предание зиждется на прочной исторической основе. Оно повествует о выезде князя с дружиной для сбора

* Поход Игоря в землю древлян современная наука датирует ноябрем 944 г.

** Подтверждает свидетельство Новгородской летописи о передаче Игорем древлянской дани Свенельду.

полюдья в Древлянскую землю. Историки отмечают, что полюдье было наиболее примитивной, откровенной формой феодальной эксплуатации, основывавшейся на княжеской собственности на землю и внеэкономическом принуждении зависимого населения. Некоторые ученые полагают, что, в отличие от обычной дани, взимавшейся в пользу князя, полюдье собиралось для расплаты князя с наемной дружиной. Заметная роль дружины в рассказе Нестора о смерти Игоря склоняет к мысли, что именно за полюдьем отправился в свой последний поход киевский князь.

Сохранилось подробное описание системы сбора полюдья на Руси в упоминавшемся уже трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). Пользовавшийся свидетельствами очевидцев византийский император пишет: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья. — *Авт.*) выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии (славянских землях. — *Авт.*) вервианов (древлян. — *Авт.*), другупитов (дреговичей. — *Авт.*), кривичей, севериев (северян. — *Авт.*) и прочих славян, которые являются практиотами (данниками. — *Авт.*) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются к Киеву. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы (лодки-однодревки. — *Авт.*), они оснащают (их) и отправляются в Романию» (Византию. — *Авт.*)». ¹

Как видим, часть полюдья сбывалась на византийских рынках, прежде всего в Константинополе. В этой личной заинтересованности князей и их дружинников кроется одна из причин настойчивого включения в русско-византийские договоры статей, обеспечивавших благоприятные условия для русской торговли.

По всей вероятности, размеры полюдья были каким-то образом упорядочены. Ведь когда Игорь первый раз приехал за ним в Древлянскую землю, никто не протестовал против этого. Князь был убит лишь тогда, когда нарушил установленный им и его предшественниками порядок. Важно отметить, что, согласно народному преданию, древлянская верхушка считала убийство Игоря законным актом возмездия за это нарушение. Поэтому уже через несколько месяцев после убийства Игоря, весной следующего, 945 г., древляне стремятся восстановить дружеские отношения с

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей (перевод Г. Г. Литаврина). — В кн. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья, М., 1982, с. 273.

Ольгой, правившей в Киеве от имени малолетнего сына Святослава.

Далее Нестор продолжает свой рассказ, также построенный на фольклорном материале. К Ольге приходят древлянские послы и смело заявляют ей: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, словно волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя за нашего за Мала». Чем закончилось это сватовство, мы расскажем чуть позже. Здесь же отметим, что народное предание зафиксировало социальное устройство древлянского союза племен на последнем этапе его существования. Оказывается, древлянами управляло несколько князей (их число могло составлять не один десяток). То были недавние старейшины племен. Во главе их стоял князь Мал, ощущавший себя могущественным властелином, чуть ли не равным киевскому князю. Археологи даже открыли его собственное, наследственное владение в Древлянской земле — город Малин.

Нестор описывает прибытие древлянских послов в Киев следующим образом: «И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым (подъемом), ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордаты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне...»

Невозможно переоценить важность для исторической науки этого относительно краткого известия киевской летописи. Перед нами — первое в отечественной письменности историко-топографическое описание центральной части Киева первой половины X в. — «Горы», как ее называют летописцы. Но вместе с тем это сообщение Нестора поставило перед историками и археологами массу загадок, которые постепенно удалось решить.

Начнем рассмотрение этой своеобразной историко-топографической характеристики стольного града Руси со слов: «И пристали (послы) в ладье под Боричевым (подъемом), ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе». Длительное время эти слова «Повести временных лет» ученые-киевоведы считали

доказательством позднего (после середины X в.) заселения Подола: ведь летописец прямо свидетельствует, что там «не сидели люди». Но подобному истолкованию процитированного отрывка противоречат свидетельства археологических раскопок, согласно которым главный торгово-ремесленный посад Киева на Подоле начал складываться в IX в. и процесс его формирования к началу X в. в основном завершился (само же заселение Подола начинается в VII—VIII вв.)².

Как же тогда понимать приведенное свидетельство летописи Нестора? Ведь уровень Днепра за последнюю тысячу лет заметно не изменился. Оказывается, народное историческое предание (бывшее источником печерского летописца) отметило первое из известных науке больших половодий Днепра, когда воды великой реки, разлившись, покрыли почти всю территорию Подола, вплоть до подножья «Горы». Подольским «людям» пришлось на время перебраться наверх. Археологам посчастливилось обнаружить следы этого «потопа» — прослойку песка, разделившую два археологических слоя X в.

«Повесть временных лет» засвидетельствовала также, что к середине X в. растущему стольному граду сделалось тесно в валах маленького древнего «городка Кия». Ведь один из княжеских дворцов довелось уже построить вне «города» как по традиции звали еще в начале XII в. этот городок. Археологи приложили немало усилий, чтобы обнаружить княжеские дворы, названные в описании «Повести», и, главное, — расположенные в них дворцы.

Пусть это и выглядит парадоксальным, первым был найден дворец, расположенный не в тесных валах «городка» Кия, а за его пределами. Этому способствовало указание Нестора на его местонахождение: «позади церкви святой Богородицы Десятинной». Его фундаменты были открыты еще в 1857 г., а раскопаны и интерпретированы знаменитым киевским археологом В. В. Хвойкой в начале XX в. Он установил, что это сооружение длиной 21 м было возведено намного ранее Десятинной церкви (построенной в 989—996 гг.) и принадлежало, наверное, княгине Ольге. Раскопки «Теремного дворца» Ольги вызвали тогда в Киеве огромный интерес и послужили толчком к регулярным исследованиям древнейшей части города.

Зато поиски княжеского дворца в «городке Кия» долгое время были безуспешными. Кое-кто из ученых разуверился в самом существовании этого дворца и подводил под

² Толочко П. П. Древний Киев. — К., 1983, с. 58.

свои сомнения теоретический фундамент: мол, в пределах древнейших киевских укреплений обитали жрецы языческих культов, а князь вынужден был жить вне города. Эта гипотеза была опровергнута открытиями Киевской археологической экспедиции 1970—1971 гг.

Тогда археологи обнаружили остатки фундамента большого круглого в плане сооружения. Были найдены фрагменты фресковой росписи, архитектурные детали из мрамора и шифера, поливные керамические плитки. Здание было богато украшено, как и подобало княжескому дворцу. П. П. Толочко высказал предположение, что этот дворец был двухэтажным. Нижний этаж был каменным, верхний — деревянным. Не исключено, впрочем, что дворец целиком сложили из бревен, и он лишь опирался на каменный фундамент. Имеются веские основания датировать это сооружение IX — первой половиной X в. и считать, что именно оно упомянуто в летописи под 945 г.³

Обе найденные археологами постройки в науке принято называть «дворцами княгини Ольги», поскольку летопись вспоминает о них при описании приема ею древлянских послов. Однако княгиня, лишь несколько месяцев просидевшая на киевском столе и сразу же погрузившаяся в государственные дела, просто не могла успеть соорудить за столь короткое время два дворца. Да и зачем ей два? Скорее всего, оба достались ей в наследство от Игоря и, возможно, еще от Олега. Точно датировать сооружения не удалось. Нам представляется, что дворец в «городке Кия» был построен Олегом, а вне града — Игорем. Ведь, как явствует из «Повести временных лет», едва ли не каждый киевский князь, начиная с Владимира Святославича, строил себе собственный дворец, невзирая на то, что обладал несколькими, доставшимися от предшественников. Открытие древнейших дворцов позволяет отодвинуть начало каменного строительства в Киеве (а это первый признак большого средневекового города) в первые десятилетия X, а, возможно, и в последние годы IX в.

В высшей мере присущая преданиям как фольклорному жанру любовь к топографическим реалиям — указания на то, какие именно боярские дворы расположены на месте древних княжеских дворцов, — помогла представить в динамике стремительное разрастание Киева в X—XI вв. (напомним, что Нестор писал свою «Повесть» в начале XII в.). Сначала застраивали пустоши, могильник, расположенный недалеко от «городка Кия». Далее в самом

³ Толочко П. П., Древний Киев, с. 34—36.

«городке» с осились усадьбы незнатных горожан, потом феодальной верхушки, наконец, наступила очередь старых, возможно, обветшавших княжеских дворцов.

Но — время вновь обратиться к повествованию Нестора о прибытии древлянских послов к Ольге с призывом выйти замуж за их князя. Странное, на взгляд современного человека, предложение княгине стать женой убийцы ее мужа объясняется живучестью пережитков матриархата. Согласно матриархатным представлениям, тот, кому удалось убить главу рода, может унаследовать его власть лишь тогда, когда женится на его вдове. Характерно, что подобное представление сохранялось именно в среде древлян, чье общественное развитие тогда отставало от полянского.

Ольга задумала жестоко отомстить убийцам мужа, который к тому же погиб страшной смертью. Византийский историк Лев Диакон сообщает, что Игорь «был взят ими (врагами. — *Авт.*) в плен, привязан к стволам деревьев и разорван на две части» — когда наклоненные верхушки с привязанным к ним князем отпустили. По мнению некоторых фольклористов, Лев Диакон воспользовался забредшим в Византию древнерусским преданием. А. А. Шахматов полагал, что это сказание было известно составителю Древнейшего свода.

Подобный способ казни довольно распространен в мировом фольклоре. Вспомним, что подобным манером расправлялся со своими жертвами древнегреческий разбойник Синис, за что и был точно так же казнен Тезеем. Особенно интересен рассказ средневекового датского хрониста Саксона Грамматика, где к этому жестокому действию прибегает какой-то «русский пират» (возможна реминисценция предания о смерти Игоря.)

О том, что Игорь погиб в мучениях, свидетельствуют слова казнимых Ольгой древлянских послов: «Пуще нам Игоревой смерти». И хотя Нестор сообщает, что убийцы похоронили Игоря и даже указывает на его могилу, вряд ли тогда состоялось настоящее погребение: убитого, вероятно, кое-как зарыли в землю. Могила же была насыпана Ольгой, да и вообще ссылка Нестора на ее существование — скорее традиционная принадлежность предания, чем реальный факт.

Согласно языческим поверьям, не погребенный подобающим его общественному положению покойник блуждал и тревожил других людей, прежде всего своих близких. Под 1092 г. Нестор помещает легенду, как «мертвецы были полочан», т. е. жителей Полоцка. Христианин-дето-

писец объясняет это кознями дьявола, но в народном мнении это не меняло существа дела. Поэтому варварское убийство должно было быть отомщенным. И мстить должны были близкие родственники покойного. В языческие времена это считалось их священным долгом. Даже по «Правде Ярослава», составленной в 1016 г., когда феодализм вошел в силу, вводились нормы христианской морали, а родовой быт значительно ослабел, брат должен был мстить за брата, а отец за сына, и наоборот. В роли мстителя могла выступить только Ольга, поскольку Святослав был еще младенцем. Но прежде, чем перейти к знаменитому повествованию «Повести временных лет» о трех местах Ольги древлянам, следует сказать несколько слов о самой княгине, бывшей, вне сомнения, крупным государственным деятелем своего времени.

Родословная Ольги явилась предметом разысканий многих поколений отечественных историков. Но результаты этой работы до сих пор остаются незначительными. Известный исследователь летописи Нестора А. Л. Шлецер (вторая половина XVIII в.) откровенно писал: «О происхождении этой бессмертной жены, о месте ее рождения, возрасте, образовании и многих других небольших обстоятельствах, которые так хотелось бы знать,— никто ничего не знает». А один из родоначальников буржуазной историографии М. П. Погодин вынужден был заметить: «О роде супруги Игоря, великой княгини Ольги... до сих пор не было сказано ничего утешительного»⁴. Причина этого всецело кроется в неудовлетворительном состоянии источников.

Почти все памятники древнерусской письменности считают Ольгу уроженкой Псковской земли. Как известно, православная церковь причислила Ольгу к лику святых за принятие ею христианства. Сохранились сочиненные церковниками Краткое и Пространное жития Ольги, построенные не только на книжных рассказах о ее добродетелях и благочестии, но и впитавшие отголоски народных преданий. Оба варианта жития называют ее родиной «весь (село. — Авт.) Выбуто в Псковской стране» (стороне) и считают княгиню дочерью незнатных родителей. Поздняя Иоакимовская летопись, известная нам в изложении В. Н. Татищева, производит Ольгу от легендарного новгородского князя Гостомысла (которому этот источник приписывает сомнительную честь призвания Рюрика

⁴ Погодин М. П. Исследования и замечания по русской истории. — М., 1846, т. 3, с. 88.

и прочих варягов), считая ее русской, уроженкой «Изборской области». В девичестве она якобы носила сугубо славянское имя Прекраса, но Вещий Олег дал ей свое имя.

Особняком стоит известие «Владимирского летописца» (XV в.) о болгарском происхождении Ольги: «Игоря же женил (Олег) в Болгарах, взял за него княжну именем Ольгу. И была вельми мудра». Это сообщение основано, вероятно, на том, что в одних летописях Псков выступает под этим именем, в других — как «Плесков». А в Болгарии существует древний город Плесков, близ Преславы. Было время, когда ученые старались каким-либо образом обосновать болгарское происхождение Ольги. Например, издатель «Летописца Переяславля Суздальского» К. М. Оболенский доказывал, будто бы священник Григорий, находившийся в свите княгини при ее посещении Константинополя, был болгаринном. Но мнение о болгарском происхождении Ольги не разделяется современной наукой.

Причина подобных разногласий источников состоит как в использовании ими различных фольклорных произведений, так и в попытке осмыслить приведение Олегом жены Игорю (факт, единогласно сообщаемый преданиями). Это относится как к отразившимся в житии Ольги и летописях, так и к записанным фольклористами на Псковщине в XIX — первой половине XX в. сказаниях.

В различных версиях изображается в памятниках устного народного творчества и встреча Ольги с будущим супругом. Остановимся лишь на одной из них, наиболее распространенной. Включенное в «Степенную книгу» житие Ольги рисует ее удалым гребцом, которого Игорь сначала принял за мужчину, и лишь при ближайшем рассмотрении увидел, что в лодке сидит красивая, сильная и мужественная девушка. Судя по всему, составителю жития был известен былинный мотив встречи богатыря с богатыршей. В одной из былин о Добрыне Никитиче поется:

Наезжал он (Добрыня) богатыря в чистом поле —
А сидит богатырь на добром кони,
А сидит богатырь в платьях женских;
Говорит Добрыня сын Никитич:
Еже не богатырь на добром кони,
Есть же поляница знать удалая,
А кака ни тут девица либо женщина.

Образ «удалой полянницы», смелой воительницы и предстает в построенном на фольклорной основе повествовании «Повести временных лет» о местах Ольги древлянам за варварски умерщвленного мужа.

Прошел не один десяток лет, прежде чем историки начали серьезно относиться к рассказу Нестора о расправах Ольги над древлянами. Одни из столпов дворянской историографии Н. М. Карамзин смотрел на эту повесть как на обычную народную сказку, «несогласную ни с вероятностями рассудка, ни с важностью истории». Но уже в последней четверти XIX в. ученые пришли к убеждению, что народные предания о мести Ольги древлянам — вовсе не сказка, невзирая на все их легендарные и распространенные в фольклоре многих народов мотивы.

Священной обязанностью Ольги было отомстить за убитого, словно простого разбойника, мужа (заметим, что Игорь немногим отличался от обычного грабителя, разве что княжеским достоинством) и справить тризну о нем. Сама Ольга в «Повести временных лет» неоднократно напоминает древлянам, что хочет устроить тризну.

Нестор повествует, что когда древлянские послы предложили киевской княгине выйти замуж за их князя Мала, «сказала им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — муже моего мне уже не воскресить, но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града* яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах**. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, прикинув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игровой смерти»***.

Эта, на первый взгляд, непритязательная история в действительности исполнена глубокого смысла, понять

* Речь идет о тереме-дворце, открытом В. В. Хвойкой.

** В «Летописце Переяславля Суздальского» ради усиления драматического эффекта добавлено, что древлянские послы сели в ладью «пьяны и веселы» — ясно, что и эта деталь имеет фольклорное происхождение.

*** Вот тот намек на мучительность кончины Игоря, о котором упоминалось выше.

Первая месть Ольги дrevлянам. Миниатюра Радзивилловской летописи.

который можно, лишь познакомившись с древними народными верованиями и представлениями. Дело в том, что в передвижение в лодке по суше в старину вкладывали двойное значение. В одном случае это — знак могущества и гордости (вспомним корабли Олега, двинувшиеся на колесах к константинопольским твердыням), в другом — знак смерти, составная часть языческого обряда похорои (наряду с ладьей использовались и сани).

Важно подчеркнуть, что древлянские послы, как обыкновенно бывает в сказках, не поняли потаенного смысла предложения Ольги и поэтому, по фольклорным канонам, должны были умереть. Реальное происшествие — убийство Ольгой дrevлян — приобрело таким образом в народном предании легендарную окраску.

То же самое можно сказать о бросании дrevлянских послов вместе с ладьей в яму — при всем внешнем неправдоподобии этого эпизода, он отражает реальные черты древнерусского погребального обряда. Археологи не раз открывали погребения в ладьях, а «Житие Бориса и Глеба» вспоминает, что Глеба, сына Владимира Святославича, схоронили в «кораблеце». Иногда ладью с покойником сжигали. Арабский путешественник Ибн-Фадлан, в 20-х годах X в. побывавший в Волжской Болгарии и встретив-

шийся там с русами, описывает обряд сожжения знатного руса в корабле.

В свете известия Ибн-Фадлана понятен рассказ Нестора о второй мести киевской княгини убийцам ее мужа: «И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если виравду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за нашего князя, иначе не пустят меня киевские мужи». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться, и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все».

Как видим, летопись последовательно описывает следующую фазу погребального обряда: сожжение. В «Летописце Переяславля Суздальского» вслед за словами «древляне избрали лучших мужей» вставлено описание вешего сна древлянского князя Мала: «Вот пришла Ольга и дала ему порты драгоценные красные, и одеяла черные с зелеными узорами, и лады просмоленные, в них же несенному быть». Сон предвещал смерть, поскольку драгоценные уборы и жемчуг — к слезам, черный цвет — цвет траура, лады — принадлежность погребального обряда. Своей образной системой сон Мала близок знаменитому сну Святослава Киевского из «Слова о полку Игореве»:

В Киеве далеком на горах,
Смутный сон приснился Святославу...
— С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия

(Перевод Н. А. Заболоцкого).

Точно так же, как и в первый раз, древлянские лучшие мужи не поняли смысла предложения Ольги. Согласно прадревным народным обычаям, для умерших разжигали печь, ставили воду и пр. А в слове неизвестного древнерусского автора «О том, как вначале поганые (язычники. — Авт.) веровали в идолов» повествуется об обычае топить бани для мертвецов. Можно добавить к этому, что одним из распространенных в дохристианской Руси обычаев было сжигание умершего в небольшом домике. Параллели к преданию о сожжении Ольгой древлянских сватов

в бане отмечены в скандинавском фольклоре. Сага о Сигриде Гордой* рассказывает о ее расправе с незадачливыми женихами, которых она сожгла в доме, устроив для них сначала пир. Не исключено, что предание о второй мести Ольги попало в Швецию и отразилось в саге о Сигриде.

Третья месть киевской княгини убийцам Игоря, как, вероятно, уже догадался читатель, также связана с древнерусским погребальным обрядом языческих времен и представляет собой его заключительную часть — тризну. Впрочем, все это повествование настолько овеяно легендарным духом, имеет столь выразительные признаки фольклорного происхождения, что вновь трудно удержаться от искушения признать его народной выдумкой. Уже само количество актов мести Ольги (три) вызывает недоверие. Ведь тройка — любимое в фольклоре «магическое» число. В сказках обыкновенно герой решает три загадки, стоит на развилке перед тремя дорогами, осуществляет подвиг с третьего раза, борется со змеем о трех головах и пр.

И все же не стоит отбрасывать самой возможности жестокой мести Ольги древлянам. Иное дело, что реальные факты густо увиты флером легендарного или вовсе искажены.

Итак, Ольга решила править тризну по убитому мужу. «Повесть временных лет» так описывает ее дальнейшие действия: «И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устройю ему тризну». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершить тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян».

В языческой древности тризна по умершему — не только пир, но и воинские игры, состязания в его честь и па-

* Согласно одной из саг, она была бабушкой Ингигерд, жены Ярослава Мудрого.

мать. Можно допустить, что на тризне по Игорю военные игры перешли в настоящую битву, во время которой погибло множество древлян. Как отмечает Д. С. Лихачев, «метафору пир — смерть в бою знает и «Слово о полку Игореве» («ту кровавого вина не доста»).

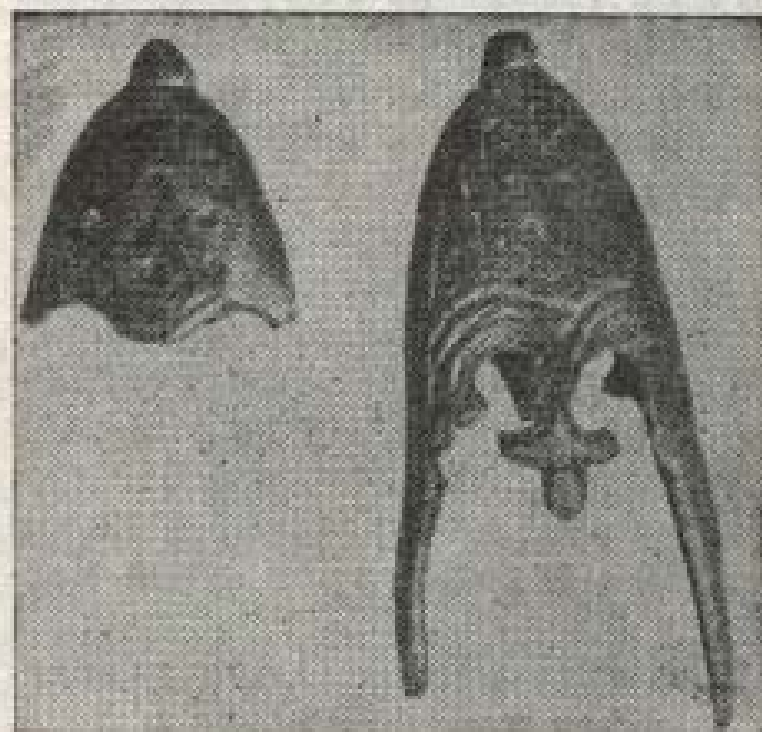
Вопреки канонизированному церковью образу христоролюбивой и милосердной правительницы (частично отразившемуся в летописях), языческие предания рисуют Ольгу жестокой и коварной, безжалостно избивающей доверившихся ей древлян. Народ сурово судил Ольгу за убийства и жестокости, и его оценку внес в свою летопись Нестор. Последнее объясним тем, что народное предание в целом отражало могущество киевской монархии, громадный масштаб власти общерусских князей.

Если народные предания о трех местах Ольги древлянам отличаются явно легендарным характером, то в летописном повествовании об осаде киевским войском древлянского города Искоростеня реальное все же преобладает над легендарным: «Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмус*: «Князь уже начал: последуем, дружино, за князем»; и победили древлян».

Хотя главной героиней фольклорных преданий и легенд о подчинении Киеву древлянского союза племен и выступает Ольга, народный певец (возможно, кто-то из дружинников Святослава более позднего времени) воспекает ее малолетнего сына. Святослав, которому тогда едва минуло пять лет, изображается им как истинный полководец — он начинает битву, бросая копье (метательный дротик — сулицу), и посевшие в сражениях воеводы с почтением говорят: «Князь уже начал» и призывают войско следовать его примеру. Этот еле заметный ручеек воинской поэзии (отраженный в летописи в прозаическом пересказе) широко разольется в дальнейшем летописном рассказе о победоносных походах Святослава.

...Целый год осаждала Ольга главный град древлян Искоростень, но те храбро дрались и отражали все попытки штурма, «ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи». Тогда очередной раз княгиня прибегла к коварству и хитрости. «Послала она к городу со

* Воеводы Ольги.

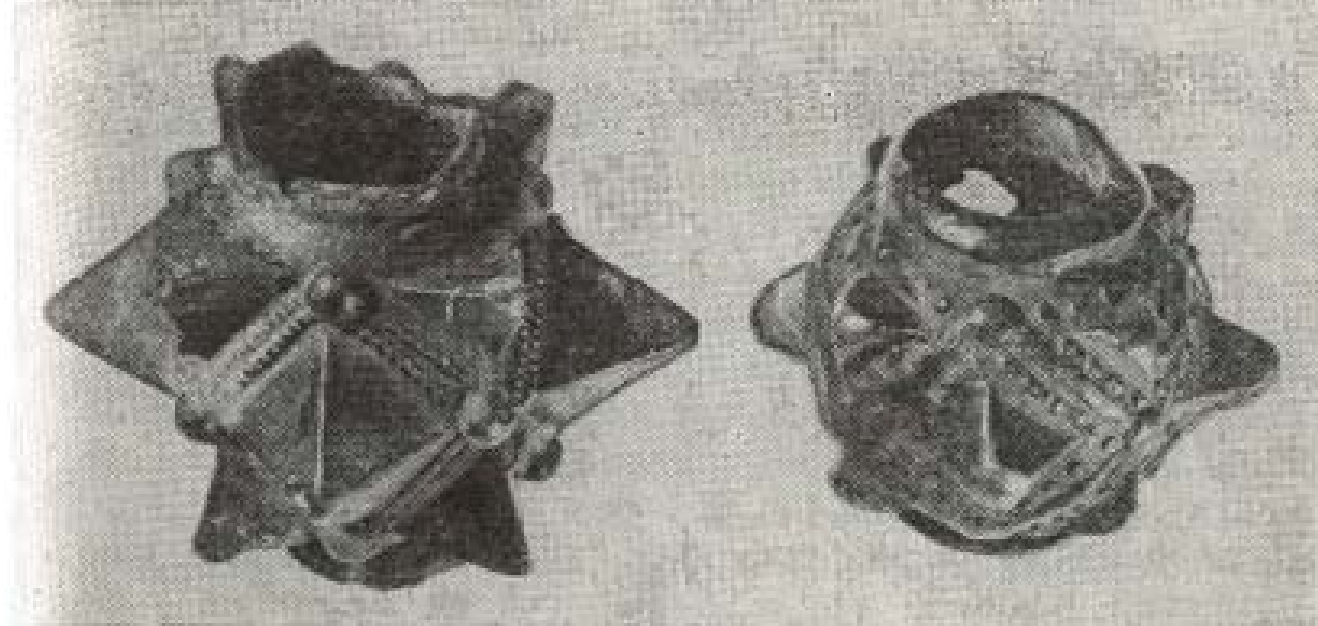
Наконечники ножен
древнерусских мечей. Из
раскопок М. К. Каргера
в Изяславле.

Взятие киевским войском
древлянского города
Искоростенья. Миниатюра
Радзивилловской летописи.

Древнерусские боевые
будавы. Из раскопок
М. К. Каргера в
Изяславле.

словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода. Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что де «Я уже мстила за обиду своего мужа... Больше уже не хочу мстить,— хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она

же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три (опять три! — *Авт.*) голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали со двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном... Ольга же раздав воинам, — кому по голубю, кому по воробью, — приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, заворачивая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись где голубятни, где клетки, где саран и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных заставила платить дань».

Нет сомнений в том, что киевское войско овладело Искоростенем и подавило сопротивление древлян, после чего их союз племен накрепко был включен в состав формировавшегося Древнерусского государства. Зато вызывает сомнения правдоподобность самого способа взятия города при помощи голубей и воробьев. Мотив использования с подобной целью животных с прикрепленными к ним зажигательными приспособлениями издавна распространен в мировом фольклоре.

Еще легендарный библейский герой Самсон боролся таким способом со своими врагами филистимлянами. В «Книге судей» Ветхого завета читаем: «И пошел Самсон, и поймал триста лисиц, и взял факелы, и связал хвост с хвостом, и привязал по факелу между двумя хвостами и зажег факелы, и пустил их на жатву филистимскую, и выжег и копны, и нежатый хлеб, и виноградные сады, и масличные». Древняя легенда приписывала сожжение вражеского города тучей птиц с горящей смолой на хвостах вполне реальному греческому полководцу Александру Македонскому. А в скандинавской саге о Харальде Смелом поется, как он подобным образом добыл город в Сицилии. Неоднократно упоминавшийся нами Саксон Грамматик поместил в своем труде два рассказа о взятии городов «искоростенским» методом. Первый повествует о датском эпическом герое Хаддинге, действовавшем в Восточной Европе, где-то на Западной Двине, второй — в Ирландии. Изучавшая этот мотив в скандинавских источниках Е. А. Рыдзевская заключает: «Для сказания о Хаддинге и для саги о Харальде характерна их русская ориентация; в саге — даже прямая связь с Русью в лице Харальда, который жил некоторое время на Руси, ушел оттуда в начале 30-х годов XI в. в Византию, а лет через десять вернулся и женился на дочери Ярослава Мудрого Елизавете»⁵.

По всей вероятности, предание о взятии войском Ольги древлянского города использовало древний фольклорный мотив. Он мог быть навеян в описанном летописью эпизоде и реальным использованием специальных зажигательных стрел, о которых упоминают древнерусские источники. В Чехии записано предание об овладении Киевом ордами Батыя в конце 1240 г. с помощью пылавших голубей — а ведь именно его воины широко применяли зажигательные стрелы.

Отрицательное в целом отношение к Ольге древнерусских преданий о мести княгини древлянам послужило причиной того, что в доживших до XIX в. в окрестностях летописного Искоростеня устных эпических сказаниях она предстает и вовсе лишенной романтического ореола верной жены и героической мстительницы за мужа. Ольга враждует с Игорем и сама (!) убивает его. Сказанное может свидетельствовать о том, что первоначально предания о мести Ольги сложились в Древлянских лесах.

⁵ Рыдзевская Е. А. Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. — М., 1978, с. 200.

Превратив в пепелище богатый город Искоростень, завершает свой рассказ о действиях Ольги в Древлянской земле Нестор, княгиня «возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор». В следующем году, сообщает «Повесть временных лет», «отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле и свидетельства о ней, и места ее, и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви».

Древлянская земля была полностью подчинена киевскому правительству и была вынуждена нести феодальные повинности и платить тяжкую дань. Устанавливается определенный порядок сбора даней, судебных пошлин и прочих поборов. Чтобы обезопасить от народного гнева тех, кто проводил в жизнь феодальную эксплуатацию и вершил суд, устроили стоянки — опорные пункты полюдья и дани. Были строго определены границы княжеских охотничьих угодий — «ловищ».

Следует отдать должное княгине Ольге, которая при всех отрицательных свойствах ее натуры и неблагоприятности поступков, была все же незаурядным государственным деятелем. Она первой среди древнерусских властителей поняла необходимость регламентации даней и повинностей, распространения суда и системы управления на все подвластные Киеву земли. Это объективно способствовало укреплению складывавшегося Древнерусского государства.

Читатель уже заметил, что повествование о феодальном освоении Древлянской, Новгородской и Псковской земель написано Нестором на фольклорном материале. На это указывает хотя бы попытка опереться на материальные реалии: «а сани ее стоят во Пскове и поныне».

Не может не броситься в глаза, что рассказ о походе Ольги в Новгородскую и Псковскую земли совершенно не связан и не согласуется с предыдущим (пусть они и поставлены под разными, но смежными годами). Мероприятия по «окняжению» только что жившей родоплеменным строем Древлянской земли, подавление сопротивления ее населения на местах (продолжавшегося, без сомнения, еще долгие годы), введение новых законодательной, адми-

инструктивной и даннической систем требовали больших усилий, немалого времени и, главное, присутствия княгини если не в самой Древлянской волости, то в Киеве. Поэтому ее поездка на далекий северо-запад Руси, которая должна была занять много месяцев, кажется странной. Она никак не мотивируется летописью.

Более ста лет назад Н. И. Костомаров выразил сомнения в том, что Новгородский край во времена Ольги вообще подчинялся киевским князьям. Он заметил, что когда через четверть века, в 970 г., новгородцы просили князя у Святослава, то пригрозили ему: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». На этом основании Костомаров сделал вывод о неподвластности в ту эпоху Новгорода Киеву и полагал, что народное предание измыслило поход Ольги в Новгородскую и Псковскую земли лишь потому, что она была родом из Пскова или его окрестностей. Сегодня мы не можем согласиться с тезисом о полной независимости в ту пору Новгорода от Киева, но нужно признать правоту Костомарова в вопросе о вымышленности северной экспедиции Ольги.

А. А. Шахматов, специально изучивший рассказ о походе Ольги к Новгороду и Пскову, пришел к мнению, что еще Новгородский летописный свод 1050 г. (лежавший в основу «Повести временных лет») считал, будто Деревская земля, упомянутая в Древнейшем киевском своде 1039 г., находится недалеко от Новгородской земли и поэтому Ольга, «устанавливая» землю древлян, не могла не побывать по соседству, на землях Новгорода по Мсте и Луге.

Дело в том, что возле Новгорода в древнерусское время существовала своя Деревская земля, Деревский погост. В начале XI в. Деревской землей называлась область Новоторжская, возле Торжка, а сам город Торжок звался в древности... Искоростенем!⁶ Это может свидетельствовать об основании его колонистами с юга, выходцами из Древлянской земли.

Следовательно, Ольга не совершала дальнего похода на север. Но это ничего не меняет в оценке ее деятельности по феодальному освоению восточнославянских земель и укреплению государственности. Следует согласиться со словами В. В. Мавродина, подытожившими внутривосточные свершения княгини: «Мероприятия, проведенные Ольгой, способствовали, с одной стороны, дальнейшему объединению восточнославянских земель под властью

⁶ Шахматов О. О. До питання про північні перекази за княгиню Ольгу. — Зап. Укр. наук. тов-ва в Києві, 1908, кн. 2, с. 84—93.

невского князя, а с другой — новым успехам русского оружия в войне с противником и повышению удельного веса Руси в международных отношениях». Мы и переходим к рассмотрению преданий и легенд, отразивших деяния Руси на международной арене в 40-х годах X в.

ВНОВЬ НА ПУТЯХ К ЦАРЬГРАДУ

В начале лета 941 г. внезапно разразилась война Руси с Византией. О ней сообщают и русские летописи, и византийские исторические сочинения, и хроника кремонского * епископа Лиупранда. «Повесть временных лет» поместила пространный рассказ об экспедиции русского флота к малоазийским берегам Черного моря:

«Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли... И с обеих сторон Суда захватили богатств немало».

Кремонский епископ Лиупранд, побывавший в Константинополе в 949 г., узнал там, что русский князь избрал для нападения благоприятный момент, когда греческий флот ушел на борьбу с арабами. Как пишет А. Н. Сахаров, «русские успешно овладевали практикой политической разведки и общего учета военно-политической ситуации на границах империи».

Причина войны ни одним из источников не сообщается. Можно думать, что укрепившаяся в 20-х—30-х годах X в. Византия начала тяготиться уплатой дани Русь, которая обосновалась на берегах Черного моря, пытаясь использовать днепровское устье для нападения на империю. В борьбе против стремительно усиливавшегося северного соседа византийская дипломатия силится натравить на Русь печенежских ханов, чьи орды появились в причерноморских степях в VIII в. Непосредственным поводом к войне послужило, по-видимому, прекращение выплаты регулярной дани Руси византийским правительством. Возможно, усилились притеснения русских купцов в византийских городах.

* Кремона — город в Северной Италии.

Греческие источники, прежде всего использованные Нестором «Житие Василия Нового» и хроника продолжателя Георгия Амартола, извещают, что на Византию одновременно напали русская сухопутная рать и флот. «Повесть временных лет» рассказывает только о морском походе, когда приблизившиеся к берегу корабли высадили десант. Лишь через несколько месяцев, в сентябре 941 г., подоспевшие с востока греческие войска ударили на русов. Вот как описывает это Нестор: «Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан (командующий греческим флотом.— Авт.) же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских *. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись. И так остаток их возвратился домой». Византийские источники добавляют к этому, что взятые в плен воины Игоря были обезглавлены.

Ученые отмечают, что этот рассказ Нестора имеет почти целиком книжное происхождение и что из народных преданий в него вставлено лишь имя Игоря (отсутствующее в греческих сочинениях). Но хочется обратить внимание читателя на заключительные слова известия «Повести временных лет» о возвращении ратников Игоря на Русь: «И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас, оттого и не одолели их». Думается, это живой отголосок народного исторического предания, непосредственное свидетельство очевидцев.

Впечатлениями другого очевидца, но греческого, воспользовался Лиупранд, Кремонский хронист с его слов ярко описывает плачевное состояние византийского флота, поспешное оборудование старых, отживших свой век судов огнеметами, решившими исход сражения. Лиупранд уменьшает число русских кораблей с десяти до одной тысячи, но и в этом случае Игорь обладал громадным по тем временам войском в несколько десятков тысяч человек.

Правящая верхушка Киевской Руси не смирилась с поражением. Под 944 г. Нестор эпически повествует: «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян,

* Речь идет о знаменитом «греческом огне» — зажигательной смеси, под давлением выбрасывавшейся из медных труб, которые устанавливались на византийских судах. Состав смеси точно неизвестен.

и словен, и кривичей и тиверцев — и нанял печенегов и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы* послали к Роману (императору) со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли».

Трудно сомневаться в фольклорном происхождении этого рассказа Нестора, как и его продолжения: «Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани... Сказала же дружина Игоревая: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем нам общая смерть». И послушал их Игорь... Взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси».

Дружинный эпос, вне сомнения, был главным, если не единственным источником этого места «Повести временных лет». Дружина мудро советует Игорю мириться с греками — ведь можно без боя взять добычу, и князь слушается совета, прекращая военные действия. Летопись особенно подчеркивает, что Игорь «взял у греков золото и ткани на всех воинов», т. е. поступил, следуя древним традициям заботящегося о дружинниках князя.

После этого был заключен новый русско-византийский договор, несколько менее выгодный для Руси, чем договор 911 г. Русские купцы лишались права беспошлинной торговли в Константинополе. Киевские князья обязывались защищать от врагов византийские владения в Крыму. С этого времени русские воинские контингенты регулярно прибывают в Константинополь на службу к императору. Но все же Византия продолжала выплачивать дань киевскому государству. Изучавшие договор 944 г. историки пришли к выводу, что он был равноправным соглашением о мире, дружбе и военном сотрудничестве между двумя странами. Он обеспечил дружественные отношения между Русью и Византией на ближайшее столетие.

В свете сказанного делается понятной та смелость, с которой предприняла поездку в Царьград вдова Игоря Ольга вскоре после насильственной смерти мужа. Мы написали «вскоре» потому, что недавно советский ученый Г. Г. Литаврин убедительно доказал, что путешествие

* Жители греческой колонии в Крыму Корсуня (Херсона).

Ольги в греческую столицу состоялось не в 957 г., как считалось раньше, а в 946 г.¹ Г. Г. Литаврин видит непосредственную связь между заключением договора 944 г., смертью Игоря в ноябре того же года и поездкой Ольги в Византию.

Не входя в рассмотрение сложной аргументации этого историка, отметим, что сама логика летописного повествования позволяет принять его датировку. Игорь был убит в конце 944 г., Ольга овладела Искоростенем через год, а далее в летописи помещено вымышленное сообщение о ее походе в Новгородскую и Псковскую земли и затем следует ряд «пустых» (не заполненных записями) лет, вплоть до 955 г., когда рассказывается о поездке княгини в Царьград.

Сохранилось чрезвычайно важное сообщение древнерусского источника «Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира» о том, что «по смерти мужа своего Игоря, князя Русского», Ольга отправилась в «землю Греческую», из чего следует, что ее посольство в Константинополь было предпринято вскоре после печального события, вероятно, сразу же после покорения Древлянского союза племен.

«Повесть временных лет» поместила подробный рассказ о визите Ольги в греческую столицу и ее встрече с императором Константином VII Багрянородным. А. А. Шахматов установил (а позднейшие исследователи подтвердили его мнение), что этот рассказ восходит к двум разным источникам: церковному преданию о крещении Ольги в Константинополе и фольклорному повествованию о ее встречах и вообще отношениях с императором. Вот отрывок «Повести»: «Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва (Философа), и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести сам — иначе не крещусь». И крестили ее царь с патриархом...»

Историки издавна скептически относятся к известию Нестора о предложении Константином VII руки и сердца Ольге. Н. М. Карамзин писал об этом: «К сим достоверным известиям о бытии Ольги в Константинополе народное

¹ Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. — История СССР, 1981, № 5.

баснословие прибавило в нашей древней летописи невероятную сказку, что император, плененный ее разумом и красотой, предлагал ей руку свою и корону... Во-первых, Константин имел супругу, во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет».

М. П. Погодин также не верил ни единому слову летописи и считал, что весь сюжет с крещением и сватовством выдуман древнерусским книжником. Из крупных историков прошлого, пожалуй, лишь М. В. Ломоносов с доверием отнесся к этому и пришел к выводу, что нелепое сватовство императора оскорбило Ольгу и обусловило нелюбезный прием ответного греческого посольства в Киеве, о чем сообщает Нестор.

Мы не знаем и, по-видимому, никогда уже не узнаем, сколько лет было Ольге в 946 г., но вряд ли ей было «не менее шестидесяти лет» — тогда Святослав пребывал в возрасте 6—7 лет и не могла Ольга родить его много позже 30-летнего возраста. Но не следует буквально принимать на веру слова народного предания о сватовстве Багрянородного к киевской княгине. Фольклорный источник уловил существо русско-византийских переговоров, а одним из главных сюжетов их был династический брак между греческим императорским и русским княжеским домами. Правда, инициатива исходила не от византийской стороны.

Киевское посольство во главе с Ольгой прибыло в Константинополь во времена, когда внешне дружественные византийско-русские отношения приобрели черты взаимной настороженности и даже некоторой враждебности. Империя не могла простить Руси двух походов войска Игоря и продолжала видеть в ней главного потенциального врага на севере. Константин VII вел переговоры с печенежскими ханами, стремясь побудить их напасть на древнерусские земли.

В то же время, ввиду приближавшегося столкновения между Византией и Хазарией и постоянных нападений арабов на южные и восточные границы империи, ее правительство было заинтересовано как в военной помощи, так и в политической поддержке могущественного северного соседа.

О целях посольства Ольги в науке существуют противоречивые мнения. Одни историки думали, что Ольга тогда колебалась в выборе политической ориентации между Византией и Германским королевством, и ее поездка в Царьград была предпринята ради зондажа обстановки и уточнения обеспечивавших русскую торговлю в Византии

ИМАЮЩЕГО СЫСЬЮ СОБТЬ : +

Упа хата фидомовъ . и прѣиде кпавтрн лрху . блго слово

Причина расхождения во взглядах ученых на задачи, которые ставило русское правительство, предпринимая поездку главы государства в Царьград, кроется в неполноте, противоречивости и тенденциозности источников. Надо сказать, что наиболее подробное описание внешней стороны пребывания Ольги в Константинополе, ее приемов императором принадлежит самому Константину Багрянородному. Но его книга «О церемониях» ни словом не упоминает о существовании русско-византийских переговоров.

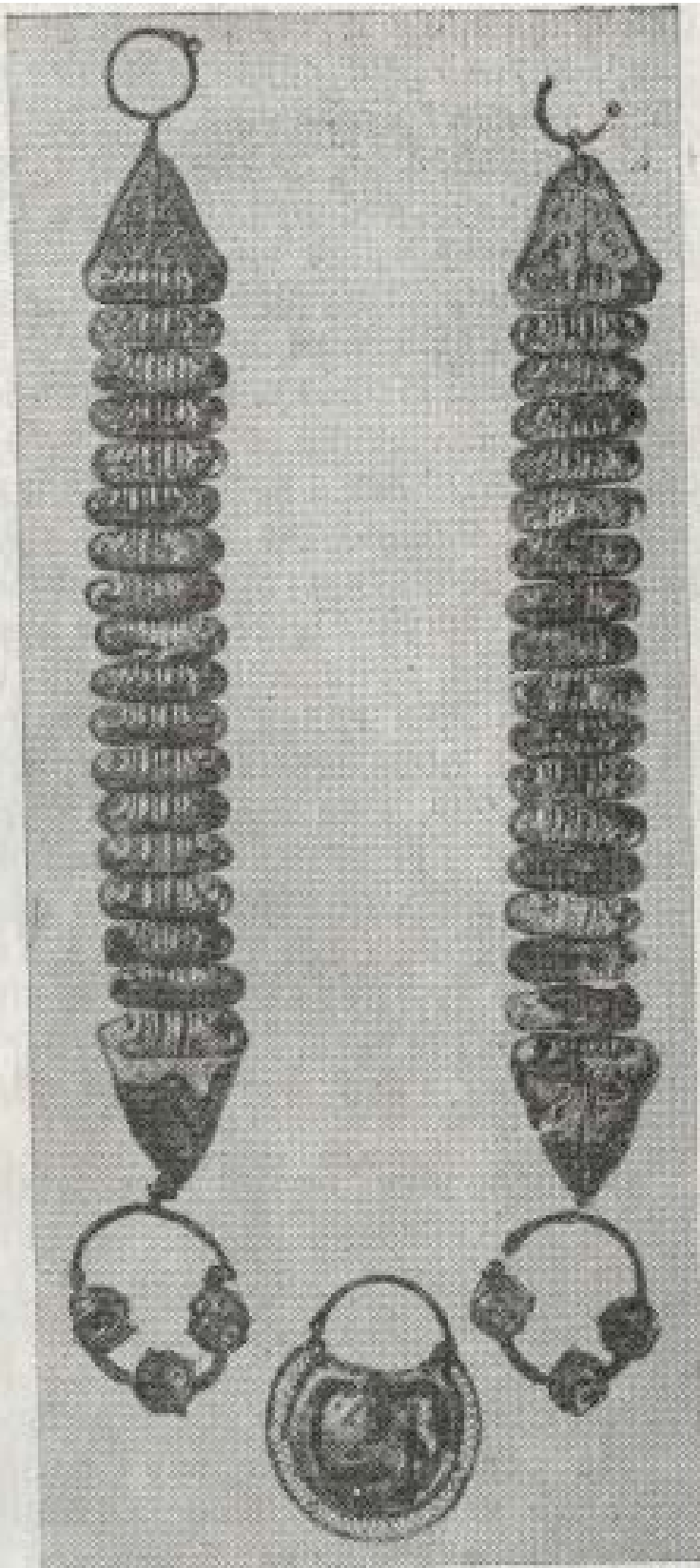
«Повесть временных лет» и другие летописи, в частности добавляющие важные детали Новгородская летопись и «Летописец Переяславля Суздальского», уделяют основное внимание крещению Ольги. И в этом нет ничего удивительного: для летописцев, христиан и монахов оно было главным деянием княгини. Но современная наука установила, что Ольга добивалась и других политических целей.

Не называя прямо Ольгу, Константин в книге «Об управлении империей» свидетельствует, что русы были среди тех языческих северных народов, которые домогались от него инсигний императорской власти и стремились к родству с его семейством. Багрянородный рекомендовал своему наследнику ни в коем случае не идти на это. По мнению одного из советских ученых, Ольга предложила обручить 6—7-летнего Святослава с

Прием Ольги византийским императором Константином Багрянородным. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Височные подвески (золото), серьги киевского типа (золото, скань), колт (серебро, чернь). Из раскопок М. К. Каргера в Изяславле.

Древнерусский браслет киевского производства. Серебро, литье, гравировка, чернь.

одной из пяти дочерей императора. Существует несколько завуалированное свидетельство одного греческого документа о том, что мальчик Святослав был привезен матерью в Царьград. Вот, оказывается, как своеобразно отразилось дипломатическое предприятие Ольги в предании летописи о сватовстве к ней византийского императора!

Общезвестно, что в средневековые династические браки были средством достижения мирных договоров и военных союзов. В эпоху, когда дипломатия как орудие ведения внешней политики еще только складывалась, подобные союзы считались наиболее надежными. Несмотря на высокомерное отношение византийских василевсов к «варварам» * и теоретическое неприятие браков с ними (и нехристианами вообще), верхушке империи не раз приходилось поступаться принципами ради политических выгод.

Так, в 20-х годах VII в., когда Византия терпела одно за другим поражения в изнурительной борьбе против персов и арабов, уже известный читателю император Ираклий самочинно предложил хазарскому кагану в жены свою дочь Евдокию, подкрепив это предложение богатыми дарами. Ради союза все с той же Хазарией император Лев IV (775—780 гг. правления) женил на хазарской царевне сына Константина. За это его сурово осудил Багрянородный, сочтя, что тот подорвал престиж императорской власти.

В последнее время историки пришли к выводу, что одним из сюжетов русско-византийских переговоров 946 г. было уточнение ряда статей союзного договора 944 г. и обсуждение вопросов, связанных с его реализацией, в частности — особенно важной для греческой стороны статьи о русской военной помощи.

На основании сведений византийских источников пребывание Ольги в Константинополе можно представить следующим образом. Киевское посольство прибыло туда летом и долго, до 9 сентября (более двух месяцев), дождалось приема во дворце. Современным историкам посчастливилось: случайно сохранилась часть денежной ведомости на содержание русского посольства. Из этого документа узнаем, что в окружении княгини насчитывалось более ста человек, среди которых была и ее многочисленная родня. Но в свите состояло 20 послов, трое переводчиков и священник. Таким образом, посольство Ольги отличалось не только представительским, но и деловым характером.

* Так греки называли всех, кто не говорил на их языке.

Обычно торжественные приемы иностранных владетелей и полномочных послов крупных держав обставлялись в Константинополе с большой пышностью. Их целью было поразить, ошеломить принимаемого, что облегчало византийской стороне достижение поставленных целей на последующих переговорах. Уже упоминавшийся кремонец Лиупранд, бывший послом итальянского короля при дворе Багрянородного, описывает подобный прием, которого он удостоился в 949 г.

«В Константинополе, — начинает повествование Лиупранд, — к императорскому дворцу непосредственно примыкает зала изумительного великолепия и красоты, у греков называемая Магнавра или Золотая палата. Император Константин велел привести ее в порядок для приема прибывших одновременно со мной послов испанского халифа и Лиутфреда, богатого купца из Майнца, который тогда был послан германским императором. Перед троним императора стояло медное, но позолоченное дерево, ветви которого наполняли разного рода птицы, сделанные из бронзы и также позолоченные. Птицы издавали каждая свою особую мелодию, а сиденье императора было устроено так искусно, что сначала оно казалось низким, почти на уровне земли, затем несколько более высоким и, наконец, висящим в воздухе. Колоссальный трон окружали в виде стражи медные или деревянные, но, во всяком случае, позолоченные львы, которые бешено били своими хвостами землю, открывали пасть, двигали языком и издавали громкий рев... При моем появлении заревели львы и птицы запели каждая свою мелодию. Я же не испытал ни страха, ни удивления, так как еще раньше был осведомлен некоторыми знаатоками о всех этих вещах. После того, как я, согласно обычаю, в третий раз преклонился перед императором, приветствуя его, я поднял голову и увидел императора в совершенно другой одежде почти у потолка залы, в то время, как только что видел его на троне на небольшой высоте от земли. Я не мог понять, как это произошло: должно быть, он был поднят наверх посредством машины. Он не произнес ни слова, а если бы и хотел произнести, то такой перерыв церемониала считался бы в высшей степени неприличным»².

Подобная психологическая атака была предпринята и на Сльгу. Прием происходил в парадном Золотом зале, на нем присутствовал весь греческий двор. Как и в случае

² Цитируем по кн.: *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1956, с. 213—219.

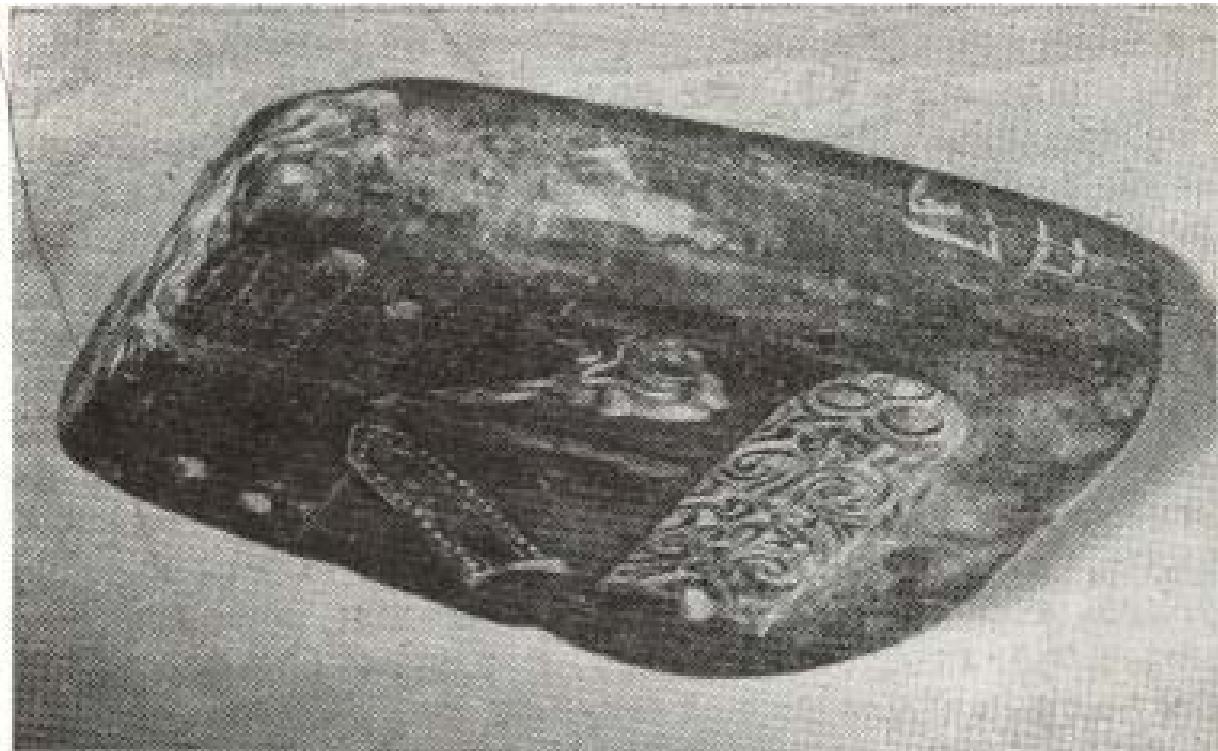
с Лиупрандом, император продемонстрировал Ольге свое величие и диковинных механических животных и птиц. Но русской княгини оказали более высокие знаки внимания. Если послу итальянского короля пришлось упасть ниц перед Константином, то Ольга беседовала с ним стоя. Княгиню также приняла императрица, в ее честь устроили торжественный выход придворных дам. Константин вместе со всей семьей принял Ольгу, а это было особой привилегией, не предоставляемой даже послам великих держав.

В сочинении Константина «О церемониях» читаем: «Когда император воссел с августою (императрицей. — *Авт.*) и своими багрянородными детьми, княгиня была приглашена из триклина Кентурия (одного из залов дворца. — *Авт.*) и, сев по приглашению императора, высказала ему то, что желала». Право сидеть в присутствии императора было честью, которой удостаивались лишь коронованные особы, а ведь Ольга была и не коронована и даже еще не христианка.

Во время этой встречи с Константином VII и его семейством и начались русско-византийские переговоры, где Ольга высказала свои предложения. Они, по всей вероятности, были неожиданными для императора, быть может, озадачили его, потребовав длительного раздумья. Вот почему следующая деловая встреча состоялась более чем через месяц. А после интимного приема княгиню пригласили на парадный обед, во время которого она сидела за одним столом с членами императорской семьи, а за десертом — даже рядом с самим Багрянородным. Подобные привилегии предоставлялись лишь самым почетным гостям, князьям и королям христианских стран.

За десертом, который был устроен императорской четой специально для Ольги, ей поднесли золотое блюдо, отделанное драгоценными камнями и жемчугом, и другие золотые вещи *. Были одарены ее родня и свита.

* Императорский подарок не исчез бесследно в пучине истории, как это обыкновенно случалось с реликвиями такого рода. В 1252 г. Константинополь посетил русский паломник Добрыня. В своих путевых записках он отметил, что в храме св. Софии видел «блюдо велико злато служебное Ольги Руской, когда взяла дань, ходивше к Царю-городу. В блюде же Олжине камень драгий, ... у того же блюда все по верхови жемчугом учинено». Историки предполагают, что императорский подарок Ольга вложила в ризницу Софийского храма, где она приняла крещение между первой и второй аудиенциями у Константина VII. Впрочем, недавно Г. Г. Литаврин выдвинул гипотезу, что Ольга крестилась во второй свой приезд в Царьград в 954 г. и тогда подарила Софийскому храму привезенное ею из Киева блюдо.

Литейная форма X в. для поясных украшений с арабской надписью. Найдена в Киеве.

О заинтересованности византийской стороны в переговорах с Русью может свидетельствовать то обстоятельство, что Ольгу и ее свиту принимали персонально, тогда как обыкновенно прием устраивался сразу для нескольких посольств. Вспомним свидетельство Лиупранда, что вместе с ним в Золотой зал вошли испанский и германский послы.

В средневековом мире вообще, а в Византии в особенности, вопросам церемониала придавали исключительно важное значение. Известно, что даже в XVII—XVIII вв., на пороге нового времени, за мелкую ошибку в титуле иностранного государя, которую рассматривали как преднамеренную, вспыхивали кровопролитные войны. Смысл вкладывали в малейшие оттенки поведения государя и принимаемых им людей: стоя или сидя должен беседовать с ним гость, спросит ли государь о здоровье, в какой последовательности будут поставлены другие вопросы и пр.

Описанные нами (и другие, более мелкие) особенности приема Ольги Константином VII свидетельствуют о том, что русской дипломатии удалось добиться немалых выгод: высокой госте были предоставлены большие привилегии и оказаны почести, которых обычно удостоивались коронованные особы христианского мира. Это было важно и само по себе, и, кроме того, уравнивало позиции сторон при переговорах.

Не исключено, что русские и византийские дипломаты постоянно пребывали в контакте в дни между двумя

официальными встречами глав государств, обсуждая условия нового договора. Они скрупулезно обдумывали условия церемониала, прежде чем дело дошло до приема Ольги Багрянородным. Этим можно объяснить длительное пребывание кораблей княгини в Золотом Роге, пока она удостоилась аудиенции.

Однако продолжительная стоянка заронила горечь в сердце Ольги и неминуемо наложила отпечаток на весь ход русско-византийских переговоров. Следующая и последняя встреча русской княгини с греческим императором 18 октября уже была просто торжественным прощальным приемом. Как упоминает Багрянородный в книге «О церемониях», Ольге вновь были поднесены богатые дары. Летопись сообщает, что перед отъездом она побывала у патриарха, беседовала с ним, получила благословение и после этого отплыла на родину.

Следовательно, пребывание Ольги в Константинополе ознаменовалось двумя встречами с императором, причем первая длилась почти весь день. Во время визита Ольга приняла крещение в главном храме Византии — Софийском, ее дважды принимал и патриарх, глава греческой церкви.

Записанное Нестором народное предание не могло отказать себе в удовольствии еще раз продемонстрировать умственное превосходство Ольги над императором: «После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары, золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные, и отпустил ее». Конечно, всего этого не было в действительности. Вместе с тем отметим, что фольклорное сказание было осведомлено и о ходе переговоров, и об униженно долгом (по мнению княгини и ее окружения) стоянии русских ладей в Золотом Роге. В этом убеждает завершение летописного повествования о посольстве Ольги в Царьград: «Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда де возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами».

Итак, одним из основных сюжетов русско-византийских переговоров в дни визита Ольги в Константинополь было

желание императора получить военную помощь, столь необходимую Византии в непрерывных и изматывающих войнах, которые это агрессивное государство вело на различных фронтах. Хотя народное предание и сообщает об отказе Ольги дать воинов Константину, в действительности в его правление русские ратники сражались в греческом войске. Статьи договора 944 г. о русской помощи были приведены в действие в 949 г., когда источники отметили присутствие в напавшем на Крит флоте Багрянородного 629 русских воинов на 9 кораблях. По тому времени это была крупная военная сила. Но предприятие императора окончилось неудачей.

Правительство Древней Руси не было заинтересовано в средиземноморских делах. Зато Ольга и ее окружение охотно поддерживали действия Византии в Закавказье, издавна составлявшем предмет русских военных и экономических устремлений. Египетскому историку конца XII—начала XIII в. Ибн Зафиру стало известно, что русы вместе с венграми и армянами, также состоявшими на византийской службе, встретились в битве с сирийским войском у крепости ал-Хадас в 954 г. Вне сомнения, это была присланная Ольгой помощь. Арабский же хронист ал-Масуди в «Книге предупреждения» (956 г.) записал, что греческое правительство создало гарнизоны своих крепостей на сирийской границе из тех же русов, армян и болгар.

Все же крещение Ольги не принесло ей желаемых результатов: она не была коронована в Царьграде, ей не удалось породниться с императором. Но и Константин VII не добился желаемого: договор 944 г. остался в силе и сделался еще более выгодным для Руси, а о подчинении последней, как политическом, так и идеологическом (церковном), не могло быть и речи. Греки крестили правительницу, но не ее страну. На восточнославянских землях еще не сложились условия для введения христианского вероучения в качестве господствующей идеологии.

О том, что русское общество не было готово для восприятия христианства, свидетельствует любопытный рассказ «Повести временных лет» о неудачной попытке Ольги склонить к новой религии сына Святослава. В основе его лежит предание, родившееся, вероятно, в дружинной среде: «Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом, и учила его мать принять крещение, но он и не думал и не прислушивался к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем...» Когда Ольга, продолжает свой рассказ Нестор, уговаривала Святослава креститься, «он же не внимал тому, говоря: «Как

мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». И вновь, как и много лет назад, мнение дружины, ее желания были для князя важным, если не решающим аргументом, в данном случае — в вопросе идеологической ориентации.

Путешествие Ольги в Константинополь, ее исполненные достоинства беседы с императором, подтверждение равноправного союзного договора произвели громадное впечатление во всем мире. Предания о посещении княгиней Царьграда долго жили в древнерусском народе. В его воображении по истечении долгого времени этот визит приобрел черты, роднившие его с победоносными походами на Царьград воинства Аскольда и Олега, Игоря и его сына Святослава.

Забавное народное предание родилось намного позже X в., во времена, когда реальные факты и хронология забылись, но хранилась память об успешном походе Ольги в Византию. В двух поздних летописях, сохранившихся в рукописях XVII в., помещено сказание об... овладении Ольгой Царьградом!

После взятия древлянского города Кольца *, убийства князя Мала, похода за Дон и разгрома печенегов ** Ольга возвращается в Киев. Передохнув, она идет на Царьград. Семь лет (вновь магическое число! — *Авт.*) осаждают княгиня Царьград, лишь на восьмой год греки запрашивают мира. Ольга возлагает на них ежегодную дань, добивается льгот купцам ***, а затем просит разовую дань, по три голубя и три воробья от дома, которыми и зажигает Царьград, после чего ей навстречу выходят цари Михаил и Константин с повинной головой и «со всем вселенским собором и клиросом». Лишь тогда Ольга заключает мир, торжественно принимает крещение и возвращается в Киев, перед тем отказав Михаилу в своей руке как крестному отцу.

В этом позднем, возможно, литературно обработанном предании контаминировались, причудливо переплелись реальные и легендарные мотивы преданий об Олеге, Игоре и самой Ольге. Несмотря на всю его внешнюю несообразность, предание верно отразило народное представление о дипломатической победе, одержанной Ольгой в Царьграде, — первой мирной миссии руководителя Древне-

* Вероятно, имеется в виду древний волынский город Кореш.

** В действительности Подонье — места обитания половцев (с середины XI в.), а печенеги кочевали в Поднепровье.

*** Отражение реальных достижений Руси в договорах 911 и 944 гг.

русского государства в столицу могущественной империи. Миссии, возвестившей всему миру, что Русь твердо встала в первый ряд ведущих государств Востока и Запада.

«И ПОСЫЛАЛ В ИНЫЕ ЗЕМЛИ
СО СЛОВАМИ:
«ХОЧУ НА ВАС ИДТИ»

В «Повести временных лет» произведения воинского эпоса особенно ярко отразились на страницах, повествующих о событиях 60-х — начала 70-х годов X в. Их героем стал киевский князь Святослав, сын Ольги и Игоря. Как отмечал Д. С. Лихачев, «дружинная поэзия дописменной Руси была поэзией высоко патриотического пафоса. Именно это делало поэзию дружинников одновременно поэзией народной». Несмотря на различное социальное происхождение и положение, дружинники по своему патриотическому сознанию были глубоко русскими людьми.

Короткое, менее чем десятилетнее, княжение Святослава (он самостоятельно, без материнской опеки, правил с 964 по 972 г.) наполнено шумом походов и звоном битв. В те бурные годы Древнерусское государство было, словно в тисках, зажато агрессивными соседями, нападавшими на его города и села, убивавшими и уводившими в плен многие тысячи людей, препятствовавшими экономическим и культурным отношениям Руси со странами Запада и Востока. Хазарский каганат продолжал угрожать восточным русским землям, захватил устья главных русских рек Дона и Волги, грабя купеческие караваны. Волжская Болгария тормозила восточную торговлю Киевской Руси, а Византия стремилась оттеснить ее от жизненно необходимого ей Черного моря, которое арабские географы называли Русским...

Сложный узел международной политики, неблагоприятно затянувшейся для Руси, мог быть лишь разрублен, как поступил Александр Македонский с Гордиевым узлом. Это оказалось под силу Святославу Киевскому. Недаром его действия ученые сравнивают с могучим ударом режущего оружия. История княжения Святослава, писал известный русский историк А. Е. Пресняков, представляла собой «последний взмах меча, создавшего основу Киевского государства. Потому «последний», что в то время уже работали другие исторические силы над созданием новых условий для концентрации восточного славянства как основы новой исторической народности». Ученый имел в виду

нарастание объективных закономерностей развития древнерусской государственности.

Еще образнее и конкретнее охарактеризовал военнополитическую деятельность Святослава Игоревича Б. А. Рыбаков: «Походы Святослава 965—968 гг. представляли собою как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии... Замки, запиравшие торговые пути русов, были сбиты»¹.

Основанную на воинском эпосе характеристику Святослава поместил в «Повести» Нестор: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах как пардус*, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такому же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас итти».

Эта возвышенная ода рисует сурового воина, пренебрегающего личным комфортом ради дела — быстроты передвижения своей дружины, — своеобразного древнерусского спартамца. Сильный и стремительный, как барс, Святослав к тому же и благороден — всегда предупреждает врагов о намерении напасть на них.

В воинском эпосе Святослав предстает идеальным князем, он действует в нем зачастую не как реальная историческая личность, а как фольклорный образ, сложившийся в угоду певцу из дружинной среды. Это необходимо учитывать историкам при использовании отрадившихся в летописях преданий и песен об этом князе.

Но далеко не всегда народное творчество восхваляло Святослава, одобряло его действия. Встречаются предания, в которых осуждается страсть князя к дальним походам, отрыв от родной земли. Это свидетельствует о том, что, наряду с воинским эпосом, существовали и фольклорные произведения о Святославе, рожденные в иной, недружинной среде. Обогащавшиеся и прославлявшиеся в походах дружинники восхищались мужеством и удалью князя, готовы были за него в огонь и воду. Ясно, что в их среде должны были родиться только восхвалявшие Святослава песни и сказания.

¹ Рыбаков Б. А. Первые века Русской истории. — М., 1964, с. 44.

* Барс или гепард.

Совсем иначе относились к князю-завоевателю простые люди Русской земли, которым дальние походы не приносили ничего, кроме гибели родственников, а постоянное отсутствие Святослава в родном краю делало Русь уязвимой для врагов. Вот в широких народных массах и возникли предания, осуждающие деятельность этого князя.

Согласно мнению ряда фольклористов, использованные в летописях сказания о Святославе принадлежат в основном к жанру «слав». Они разделяются на прижизненные хвалебные песни, звучавшие после побед, и посмертные «славы» — плачи. Подобный фольклорный жанр родился в эпоху военной демократии, и его существование во времена Святослава следует считать пережиточным.

Как считает Р. С. Липец, отголоски бытования подобных песен-«слав» (певшихся в честь Святослава и его сына Владимира) звучат в знаменитом «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона: «Похвалим же и мы... Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже, в свои лета владычествующа, мужеством же и храбрством прослуша в странах многих, и *победами и крепостию поминаются ныне и словут*». Эти славы облекались в песенную форму и пелись, надо думать, на пирах. Ученые отмечают отзвуки подобных песен с их ритмикой даже в прозаических переложениях летописцев.

Естественно, что отношение использовавших фольклорные источники летописцев к Святославу было неоднозначным и противоречивым. И не только потому, что различен взгляд на князя эпических произведений и имевшихся в распоряжении Нестора и других книжников документальных свидетельств. Летописцы-монахи изображают Святослава закоренелым язычником, погрязшим в грехах и заблуждениях и обуянным гордыней*, но они же невольно восхищаются народными преданиями о нем и, следовательно, воспетым в них князем. «Повесть временных лет» отразила как одобрительную, так и отрицательную оценку Святослава, и поэтому цельного его образа у Нестора не получилось. Да, по-видимому, наш первый историк и не заботился об этом.

Киевский монах-летописец Нестор в целом неодобрительно отнесся к дальним военным походам Святослава, объясняя их его беспокойным нравом и нежеланием жить в одном месте. С легкой руки автора «Повести» многие историки обвиняли Святослава в чрезмерной воинствен-

* Составитель Иоакимовской летописи со злорадством откликнулся на героическую гибель Святослава в бою: «Тако приат казнь от бога».

ности, драчливости, называя его кочевым предводителем дружины, стремившимся все к новым и новым завоеваниям. На самом деле в своей внешней политике Святослав придерживался традиционных направлений, проложенных предшественниками, начиная с Аскольда. Это были восточное (Хазария) и южное (Византия) направления.

На страницах «Повести временных лет» Святослав появляется в качестве героя дружинного эпоса в возрасте 5—6 лет. Он бросает сулицу в сторону древлянского войска, подавая тем самым знак к началу битвы. Так оно действительно могло быть, но ведь излюбленный фольклорный прием — подчеркивание младенческого возраста героя, в котором проявляются его будущие богатырские качества. Этот мотив отмечен в устном творчестве различных народов: Михайло Игнатьевич и Саур в древнерусских былинах, Манас в киргизском эпосе, Джангар — в калмыцком, Алпамыш — в узбекском и др.

У многих народов обрядовое посвящение малыша в воины-всадники производилось в раннем возрасте, а в 12 лет его уже считали взрослым. Вообще же в эпоху военной демократии мальчиков с детства воспитывали как воинов. Разумеется, сражаться они начинали, подрастая и окрепнув. Но фольклор гиперболизировал этот обычай, вложив метательное копьё в руку младенца Святослава.

Под 964 г., после описания походного быта Святослава, «Повесть временных лет» продолжает: «И пошел (он) на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу от рала даем». Статья следующего, 965 г. описывает первый большой поход киевского князя: «Пошел Святослав на хазар. Услышав же*, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов». Наконец, статья завершающего этот сюжет 966 г. коротко сообщает: «Вятичей победил Святослав и дань на них возложил».

Лаконичное известие о победе Святослава над Хазарским каганатом как бы охвачено с двух сторон известиями о его встречах с вятичами и обложении их данью. Эти упоминания о вятичском союзе племен, тогда независимом от киевских князей, издавна интересовали исследователей «Повести временных лет». Многие в них неясно. Вероятно, Святослав первый раз наткнулся на одно из вятичских

* Наверное, Святослав послал к ним гонца со словами: «Хочу

племен случайно. Лишь разгромив хазар, он возвращается во Вятичскую землю и покоряет ее.

Некоторым ученым казалось странным направление самого пути Святослава, ведь вятичи обитали на Оке, их поселения не доходили до нижнего течения Волги. А. А. Шахматов решил, что беседа Святослава с вятичами вставлена впоследствии в рассказ о его походе на хазар в качестве мотивировки последнего. На самом же деле, думал ученый, Святослав, не отклоняясь далеко на север, сразу же двинулся в низовья Волги, где находился Хазарский каганат. Но Б. А. Рыбаков считает естественным описанный в летописи маршрут дружин Святослава. Просто последовательность военных действий в летописи нарушена. Русские ратники вошли в Волжскую Болгарию, землю Буртасов, затем спустились вдоль Волги в Хазарию, нанеся поражение войску кагата. Потом, продвигаясь к Азовскому морю, Святослав подчинил народы Северного Кавказа: ясов (осетинов) и касогов (адыгов). В дальнейшем Северный Кавказ был связан с Киевской Русью вплоть до нашествия орд Батыя. Победоносная экспедиция дружин Святослава завершилась на Тамани, с тех пор ставшей русской Тмутараканью. На обратном пути русы овладели хазарским городом Саркелом (Белой Вежей), откуда возвратились в Киев, но, вероятно, не напрямик, а круглым путем, через землю вятичей, дабы избежать столкновения с печенежскими ордами, кочевавшими в нижнем Поднепровье,— по-видимому, дружина князя была потрепана в боях.

Более полное представление о походе Святослава в Хазарию можно составить из восточных, прежде всего арабских источников. Они дают основания полагать, что Святославу не удалось в 965 г. нанести решительное поражение Хазарскому каганату. Арабский историк Ибн-ал-Асир свидетельствует, что хазары получили помощь у Хорезма, не остановившись перед принятием ислама. Еще несколько лет хазарский каган распространял власть на Поволжье и Северный Кавказ.

Хазария продолжала нести угрозу для Руси, и не столько военной силой, сколько союзом с печенегами, которых она науськивала на восточнославянские земли. Поэтому Святослав, прежде чем отправиться в свой последний поход на Балканы, решил сокрушить Хазарский каганат. «Повесть временных лет» и другие летописи не сохранили сведений о втором походе русских дружин в низовья Волги, но, как думает В. Т. Пашуто, только потому, что сам киевский князь в нем не участвовал.

Второй хазарский поход был предпринят древнерусским правительством, вероятно, в 968 г. Арабский географ Ибн Хаукаль в 368 г. по мусульманскому летоисчислению хиджре, что соответствует 968/969 г. нашей эры, побывал в городе Джурджане на южном побережье Каспийского моря и встретил там беженцев из Хазарии. Те рассказали арабскому путешественнику о том, что недавно русы разрушили древнюю хазарскую столицу Семендер и тогдашнюю — Итиль. А в последние годы X в. еще один арабский географ ал-Мукаддаси на основании полученных из Хорезма известий записал в своем труде: «Слышал я, что войско (пришедшее) из Рума (Византии), называемое Русь, завоевало их (хазар) и овладело страной их».

Последнее известие содержит важное указание на то, что русская дружина прибыла из Византии. Наверное, ее увел оттуда Святослав, вернувшийся в Киев в 968 г. Ибн Хаукаль после повествования об уничтожении русами хазарских городов сообщает, что они ушли вновь в Рум². Это совпадает с известиями русских летописей и византийских хроник о втором болгарском походе Святослава 969 г.

Следствием восточных походов русского войска было сокрушение огромного и некогда могущественного Хазарского каганата. Были расчищены торговые пути в страны Востока, а в сферу русского влияния попали Северный Кавказ и Крым. Это не могло не обеспокоить Византию, издавна бдительно следившую за действиями могучего и бесстрашного северного соседа.

Вскоре после первой экспедиции дружин Святослава в Хазарию разразилась русско-византийская война. Причина вспыхнувшего в 967 г. конфликта осталась науке неизвестной вследствие крайней лаконичности известий летописей о начальном этапе войны и откровенной тенденциозности византийских историков, изображавших Святослава и его войско в самых черных тонах, искажавших мотивы и характер их действий.

«Повесть временных лет» рассказывает под 967 г.: «Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков». В этом кратком сообщении немало загадок. Первое, что бросается в глаза: Святослав побил болгар, а дань взимает с греков, т. е. Византии. Историки установили, что как раз в 965—967 гг. Византия находилась

² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, с. 94—95.

во враждебных отношениях с Болгарией и решила столкнуть последнюю с Русью, дабы ослабить их обенх.

Противоречивые свидетельства летописи о походе Святослава Б. А. Рыбаков интерпретирует следующим образом. Греческий император Никифор стремился использовать русских против болгар, но Святослав заключил с ними союз и выступил вместе с ними против Византии. В 967 г. Святослав воевал не с Болгарским царством вообще, а с отдельными феодальными владетелями этой страны, ему враждебными.

Упоминание в «Повести» и предшествовавших ей летописных сводах о захваченных Святославом 80 городах по Дунаю — не выдумка летописца и не простительное для фольклорного произведения (которым мог воспользоваться летописец) преувеличение. Оказывается, еще Прокопий из Кессарии, историк времен Юстиниана I (скорее всего, бывший тем императором, с которым встречался Кий), сообщил о постройке византийскими фортификаторами 80 крепостей в Подунавье. Протокольная точность летописей в этом месте (а также ряд других особенностей их рассказов) навела ученых на мысль, что древнерусские книжники воспользовались какой-то не сохранившейся до настоящего времени болгарской хроникой.

Утверждение, пусть и временное, Святослава на Дунае не входило в планы византийской дипломатии. Князь сделал свое дело — нанес поражение Болгарскому царству — и, по мнению греков, должен был уйти. Для того чтобы заставить Святослава покинуть Подунавье, Византия напустила на Русь печенежских ханов. Этот набег кочевников на Киев подробно освещен «Повестью временных лет»: «Пришли впервые * печенеги на Рускую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди с той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним».

Рассказ летописца ведется на основании древнего народного предания (записанного еще в летописных сводах XI в.) и пока в нем нет ничего легендарного или даже просто вымышленного. Но вот повествование меняет то-

* На самом деле первый приход печенегов на Русскую землю отмечен летописями под 915 г. Здесь, по-видимому, имеется в виду первый их набег на стольный град Киев.

Послака грикогъа, хачюмавы нтн, нвзати грабашь.
 йасей, йрскоша трупн; мымдѣу проши во вѣстатн.

Поход русских дружин во главе со Святославом на Балканы.
 Миниатюра Радзивилловской летописи.

нальность, опираясь на легенду о чудесном спасении киевлян благодаря смелости и хитроумию юного героя: «И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать».

Реальный, по всей вероятности, факт — смелый проход лазутчика по тылам врага — оброс вымышленными, типичными для фольклорной легенды подробностями. Вряд ли юноша-киевлянин мог столь безукоризненно говорить по-печенежски. Вряд ли столь беспечными были печенеги, проворонившие выход среди бела дня человека из осажденного города.

Как издавна отмечают фольклористы, подвиг хитрости-мудрости принадлежит к числу наиболее распространенных мотивов преданий, легенд и дружинных песен, в чем мы убедились на примере сказаний о местах Ольги древлянам. Один из дореволюционных ученых видел в истории о хитроумном отроке «рассказ, принадлежащий к разряду народных рассказов анекдотического свойства. Главная цель его — изобразить глуповатость печенегов». С этими словами нельзя согласиться, ведь основное в этой истории — прославление ума и изобретательности храброго

юного киевлянина. Впрочем, фольклорные произведения древнерусского времени не раз изображают печенегов доверчивыми простаками, что мы покажем в следующей главе на примере осады кочевниками Белгорода.

Переплыв реку, юноша сообщил воеводе Святослава Претичу об отчаянном положении осажденных: «Если не подойдете завтра, то люди сдадутся печенегам»... И на следующее утро,— повествует летописец,— близко к рассвету, сели (русские воины) в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную». Вновь печенеги оказались обманутыми одними лишь «шумовыми эффектами», придуманными хитроумными русами.

Но враги не ушли далеко: «И нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди* (у самого города.— *Авт.*). И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчизны, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир».

Как не похожи эти полные упрека слова киевлян на безудержное восхваление Святослава в воинском эпосе! Простому народу, людям труда, пахарям и ремесленникам, были чужды воинственные

Фрагмент костяной шкатулки с изображением древнерусского воина. Найден в галицком городе Плиснеске.

* Гипербола, характерная для народного сказания: ясно, что в богатом водой Киеве существовали и другие водопой, кроме маловодной Лыбеди.

устремления Святослава, далекие стратегические планы князя оставались для них непонятными.

Ученые, фольклористы и историки, отмечают, что народный эпос вообще не одобрял завоевательных действий. Не случайно, вероятно, что походы в чужие страны сына Святослава Владимира вовсе не отражены в былинах, при том, что Владимир — излюбленный герой эпических произведений этого жанра.

Неприятие патетики завоевательных походов, пишет Р. С. Липец, присуще эпосу, и не только древнерусскому. Былинные богатыри, например, храбро и самоотверженно защищают родину, предотвращают вражеские нашествия, отбивают у врага «полон», попавших в плен русских людей. Если даже богатыри и вторгаются в чужую землю, то только для того, чтобы отвоевать пленных или нанести врагу ответный удар. В фольклоре и в эпосе, в частности, захватчики, завоеватели всегда принадлежат к числу отрицательных персонажей³.

Глубокий знаток летописания А. Н. Насонов отмечал, что упрек киевлян брошен Святославу в связи с тем, что походы за пределы родной страны не соответствовали представлениям (бытовавшим на Руси того времени) о главном долге князя: блюсти свою землю, свою «отчину» и не посягать на чужую.

Между тем Святослав после кратковременного пребывания дома заявил матери и боярам: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — больна, куда хочешь уйти от меня? — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте».

После кончины Ольги Святослав стал полновластным правителем. И он, неудовлетворенный результатами первого дунайского похода, тщательно готовится к решающей схватке с Византией.

Много споров в науке вызвали слова Святослава о том, что он предпочитает Переяславец Киеву. Некоторые ученые полагали, что князь стремился перенести свою столи-

³ Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.). — В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 247—248.

пу на Дунай, сделав ее средоточием грандиозной империи. Так ли это?

Долгое время историки отождествляли названный Святославом Переяславец с позднейшим Систовым на Дунае. Подобное приурочение не имело достаточных оснований, да и местоположение Систова не отличалось особыми экономическими или стратегическими выгодами. Но недавно болгарские историки установили, что упомянутый в летописи Переяславец — болгарский Малый Преслав, стоявший на острове Балта в дельте Дуная и бывший тогда крупным торговым центром. В свете этой локализации понятны слова Святослава об экономическом значении Переяславца.

Академик М. Н. Тихомиров полагал, что Святослав вовсе не стремился покорить всю Болгарию, ему нужна была лишь Добруджа. Киевский князь вступил в дружественные отношения с частью болгарской знати и опирался на нее в своих планах. Вряд ли Святослав собирался навсегда оставить Киев. Он избрал Переяславец местом временного пребывания лишь потому, что тонко ощутил его торговое и военное значение. Там скрещивались пути, ведущие в разные страны мира. Древнерусские летописи описывают события русско-византийской войны 970—971 гг. в обобщенном виде, с нарушениями последовательности. И в этом нет ничего удивительного, поскольку Нестор и его предшественники пользовались народными преданиями и дружинным эпосом, от которых не приходится ожидать точных дат и конкретности деталей. Зато эти предания и песни великолепно передают аромат той суровой эпохи, беззаветное мужество русских воинов, раскрывают сильный дух и рыцарство самого Святослава.

«Повесть временных лет» рассказывает, что, оставив старшего сына Ярополка в Киеве, Святослав вернулся в Переяславец. Византия не дала князю обещанной дани. «И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их,— сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим,— должны сражаться. Так не посрамят земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же побегим — позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали».

Эти слова Святослава одно время считали продуктом народной фантазии, вложенным в его уста трафаретом героической речи вождя перед сражением, издавна бывавшим в фольклоре. Но византийский историк Лев Диакон цитирует одно из обращений Святослава к войску, по духу и настроению близкое к отраженному в «Повести временных лет»: «Погибнет слава, спутница оружия россов, без труда побеждавшего соседственные народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим ромеям (грекам.— Авт.). Итак, с храбростью предков наших и с той мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»⁴. По всей вероятности, источником речи Святослава к воинам как в летописи Нестора, так и в «Истории» Льва Диакона было народное предание или дружинная песня.

«Повесть временных лет» изображает русско-византийскую войну 970—971 гг. односторонне: рассказывает о победах Святослава и умалчивает о поражениях. Таков был характер послуживших ей основой народных преданий и песен. Византийские же хроники крайне тенденциозно, сверх всякой меры, превозносят успехи греческого оружия и «не замечают» его поражений. Вот почему и сегодня затруднительно восстановить подлинную картину этой войны.

Согласно византийским источникам, весной или летом 970 г. войско Святослава форсировало Балканский хребет и ворвалось во Фракию. «И пошел Святослав к столице,— повествует Нестор,— воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты». Русские воины овладели Великой Преславой, Доростолом, Филиппополем и Адрианополем. Но возле Адрианополя Святослав натолкнулся на упорное сопротивление византийского войска под водительством Варды Склира. Битва у стен города не принесла никому перевеса, и вскоре русское войско ушло за Балканы. Историки-византинисты думают, что отход Святослава явился следствием мирных переговоров с новым императором Византии Иоанном Цимисхием и каких-то заверений (может быть, и обещания дани) со стороны последнего. Русская летопись определенно говорит о переговорах, хотя ее рассказ и окрашен легендарными подробностями: «И соз-

⁴ Лев Диакон Калойский. История. Пер. с греч. Д. Пойлова.— СПб., 1820, с 94.

вал царь (византийский император.— Авт.) бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать — не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото и паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них,— приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он (Святослав) же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все как было». И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда».

Не приходится доказывать фольклорное происхождение этого места летописи. Бросается в глаза мотив даров в виде меча: вновь, как и в случае с предложением полянами дани хазарам мечами, этим подчеркивается непреклонное мужество предводителя русских, равнодушного к жизненным благам и полагающегося лишь на силу оружия.

Украинская новогодняя колядка описывает осаду Царьграда гордым русским князем, снисходительно и равнодушно относящимся к подаркам от греков:

Вивели йому коня в наряді,
Він коня-то взяв і не подякував.
Ой як б'є та й б'є на Царів город,
Цар ся дивує, хто то воює,
А міщани всі раду радять,
Що тому вояці за дари дати?
Винесли ж йому полумисок злата,
Він золото узяв — не подякував.

Б. А. Рыбаков замечает по поводу сходства летописного рассказа и колядки: «Этот единственный пример совпадения устной и книжной традиции для предвладимирова

Придоша ѿ грѣкъ и поспѣша имъ сабыиша.
 Пришла бо грѣкъ ѿмѣжа сѣху и бысть имъ кони и
 не брѣжа ѿмѣжа сѣху и не подала и поспѣху
 имъ не бысть бо имъ новаго ала и неху ѿ грѣкъ

Греки дарят меч Святославу. Миниатюра Радзивилловской летописи.

времени * может быть объяснен тем, что в сказании о Святославе прославлялось то редкое у князей качество, которое так ценил народ, — пренебрежение к золоту, к материальным ценностям»⁵.

Вряд ли византийский император подобным образом испытывал русского князя. Но эта легендарная история наилучшим образом отражает высокий боевой дух Святослава и его воинов, которых было ни подкупить, ни запугать.

Выполняя, по всей вероятности, условия мирного договора с Византией, Святослав отошел на север Болгарии и расположился в городе Доростоле. Весной 971 г. император Иоанн Цимисхий вероломно нарушил соглашение и вторгся в пределы Болгарского царства. На исходе апреля византийское войско осадило Доростол, а греческий флот блокировал город с Дуная. Лев Диакон картинно описывает, как из осажденного города навстречу грекам вышли храбрые русы, «сомкнув щиты и копья наподобие стены». Битва не принесла успеха ни одной из сторон, чевзирая на более чем пятикратный численный перевес византийского войска. Началась трехмесячная оборона

* До начала княжения Владимира Святославовича (около 978 г.).

⁵ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, с. 51.

Доростола, во время которой русы совершали многочисленные вылазки. Плечом к плечу с ними сражались болгары.

К середине июля в Доростоле начался голод, а император стягивал к городу все новые и новые силы. 21 июля Святослав попытался вырваться из сжавшего его войскового кольца. Стремительный натиск русских ратников опрокинул греков, но Цимисхий ввел в сражение тяжеловооруженную конницу, чем и решил его исход в свою пользу. Русы вновь укрылись в Доростоле, и Святослав выразил согласие начать мирные переговоры. Император охотно пошел на них, изверившись в возможности штурмом овладеть городом. «Повесть временных лет» так описывает начало переговоров: «И послал (Святослав) послов к царю,... говоря так: «Хочу иметь с тобою твердый мир и любовь». Царь же услышав это, обрадовался и прислал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам тогда поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград».

Дружинный певец или сказитель сильно приукрасил картину. Свои условия Святославу продиктовал победитель — император Иоанн Цимисхий. В конце июля 971 г. оба властелина встретились на берегу Дуная. Древнерусским источникам это свидание осталось неизвестным, зато его подробно, по крайней мере, с внешней стороны, описал Лев Диакон. Его описание имеет исключительную ценность — перед нами, по существу, единственный в мировой литературе нарисованный очевидцем портрет государственного деятеля Древней Руси:

«Государь (Цимисхий), покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра (Дуная), ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Святослав, переплывающий реку на скифской* ладье. Он сидел на веслах и греб вместе с остальными, ничем не отличаясь от них.

Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми

* Заносчивые греки часто называли всех без исключения жителей северного побережья Черного моря (бывшей Скифии), среди них и славян, сборным именем скифов.

бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой (усаами.— Авт.). Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода. Крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные. Выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга: она была украшена карбункулом*, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды других только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Какой контраст между спесивым, закованным в позолоченный панцирь и окруженным отборной гвардией (так называемыми бессмертными) императором — и простым в поведении и скромным в быту русским князем! Как отмечает тот же Лев Днакон, эта демонстрация силы и богатства не произвела на Святослава никакого впечатления, более того, император «с радостью принял условия россов». Ему вторит «Повесть временных лет»: «Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию (пергамент.— Авт.). И стал посол говорить все речи, и стал писец писать». Так якобы родился текст договора. На самом деле, он явился результатом переговоров, на которых тщательно обсуждался каждый параграф, каждая строчка.

И все же Святослав потерпел поражение, пусть и обеспечил себе относительно выгодные условия мира. По заключенному в Доростоле договору ему пришлось покинуть Болгарию и обязаться никогда больше не вторгаться в эту страну. Князя вынудили дать обещание присылать Цимеихю военную помощь. Конечно, о продолжении уплаты дани Руси Византией в договоре не было и речи. Зато византийцы предоставили беспрепятственный выход из осажденного Доростола и вообще из Болгарии 22 тысячам воинов Святослава и даже снабдили их продовольствием. Формально отношения между двумя сторонами остались дружественными.

Коварный греческий император, побаивавшийся воинственного и бесстрашного Святослава, послал к печенежским ханам своего полномочного представителя Феофила с тайным поручением... «Повесть», чей источник — народное предание — был недостаточно осведомлен о причинах

* Старинное название драгоценных камней из семейства гранатов.

случившегося со Святославом на днепровских порогах приписывает инициативу в деле натравливания на него печенегов жителям Переславца: «Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам... А переславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти... И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них (русов) еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав».

Следующая статья «Повести временных лет» под 972 г. отразила народное предание о трагическом финале яркой жизни киевского князя: «Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него».

Обычай изготовления чаши из черепа поверженного врага был достаточно распространен в исторической действительности и в эпосе. Еще В. Н. Татищев сопоставлял его с мировым культом черепов, ссылаясь при этом на античных писателей: «Сосуды же из голов неприятельских делать есть... обычай древний у многих народов». За полтора столетия до кончины Святослава Игоревича, в 811 г. болгарский военачальник Крум победил жестокого угнетателя Болгарии византийского императора Никифора и приказал оправить череп убитого врага в серебро, после чего пользовался на пиршествах этим своеобразным кубком.

Несколько поздних русских летописей даже указывают надпись, сделанную на золотой оковке черепа Святослава. В Уваровской летописи (XVI в.) — «чужого желая, свое погуби», в Ермолинской (XV в.) — «чужого ища, свое погубил», во Львовской (XVI в.) к этому прибавлено: «За премногую ненасытность». В одной из летописей XVI в. (неизданной и хранящейся в рукописи в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) после приведения надписи читается: «И есть чаша сия и доныне хранима в казнах князей печенежских, пьют из нее князь со княгинею в чертоге... говоря: «Каков был сей человек, его же лоб есть, таков будет и родившийся от нас». Как видим, печенеги вкладывали в питье из чаши-черепа магический смысл.

Осуждающая деятельность Святослава надпись на его черепе-чаше явно перекликается с упреком, брошенным

Древнерусская
керамическая
плитка с
изображением
грифона из
Галича.

киевлянами своему князю после избавления от печенежской осады: «Ты, князь, ищешь чужой земли, ... а свою покинул». Это — отражение не одобряющей зарубежные походы фольклорной тенденции. Исходя из распространенности этого обычая в те времена, можно считать вероятным изготовление кубка из черепа Святослава. Другое дело — надпись на нем, явно имеющая русское фольклорное происхождение и неуместная в устах печенегов.

...Отгремели, отшумели походы Святослава, осталась о них громкая и долгая память в народе. Как удачно заметил один из советских фольклористов, «образ Святослава — апогей дружинной идеологии. Дальнейшие князья уже не вызывают таких симпатий и восторгов составителя Начального свода». Добавим к этому, что все свои симпатии отдавали Святославу не монахи-летописцы, а дружинные сказители, что отразилось в древнейших летописях.

Действительно, сменивший Святослава на киевском престоле после недолгой борьбы за власть с братьями его сын Владимир не принадлежал к числу излюбленных героев дружинного эпоса. Зато ему посвящено множество былин.

БОГАТЫРСКОЕ ВРЕМЯ РУСИ

Апогеем, высшей точкой расцвета, «готической» — в значении раннесредневековой — Руси называл К. Маркс времена правления в Киеве Владимира

Святославича (980—1015). Невозможно дать более точную и лаконичную оценку этого периода.

Последнее двадцатилетие X — начало XI в. были поистине богатырской эпохой в истории древнерусской народности, когда завершилось объединение восточнославянских земель в общее государство, а русское оружие вновь прославило себя на весь мир. То были годы бурного развития земледелия, промыслов, ремесел на Русской земле, яркого и самобытного расцвета ее культуры, интенсивного строительства городов, укрепления границ и возведения на них крепостей — «богатырских застав».

В. В. Мавродину принадлежит яркая и поэтическая характеристика Руси этого времени, написанная с учетом фольклорных источников, прежде всего былии: «Богатыри «боронят» землю Русскую... Их подвиги сказочны, как сказочен и прекрасен сам Киев, как сказочен и прекрасен в представлении народа киевский, героический период его истории; их дела — гордость народа, они — бессмертны, как бессмертен породивший образы своих витязей сам народ. Все окутано дымкой оптимизма, ... той жизнерадостности, которая характерна для идеологии Руси конца X в. и начала XI в., Руси событий, послуживших сюжетом для красочного, необыкновенно богатого русского эпоса»¹.

Древняя Русь и ее стольный град Киев того времени освещены в многочисленных исторических преданиях, легендах и былинах. Большинство из них объединено именем князя Владимира Святославича, «Владимира Красно Солнышко», как зовут его былинные сказители. Это объясняется спецификой фольклора и условиями времени.

Владимир и в былинах, и в преданиях — один из символов Руси, он лишен индивидуальных черт, каких-то особенностей поведения, характера. Как пишет современный исследователь В. Г. Мирзоев, образ Владимира, «несомненно, обобщен... В эпосе от действительно существовавшего исторического лица остались только имя, титул и высокое положение главы государства». Народное сознание переделало его образ в соответствии со своими представлениями о мудром правителе, добром радетеле за свою землю. Не только былины, в которых не следует искать сколько-нибудь точного отражения действительности, но и большинство преданий рисуют идеальный образ Владимира, ревностного защитника Отчизны. В противоположность своему отцу, он не совершает дальних походов (те, что

¹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 289—290.

случились в действительности, не отразились в дошедших до нас фольклорных произведениях), а укрепляет рубежи Руси, возводит крепости и прочие оборонительные сооружения.

Мы не коснемся занимающего немалое место в «Повести временных лет» цикла преданий и легенд о духовном прозрении Владимира, выборе им веры, крещении его самого и введении христианства на Руси. Ведь тема нашего рассказа — *народные* предания и легенды, дружинные песни и былины, а названный цикл имеет сугубо церковное и литературное происхождение. Эти легенды и предания родились в кругу ученых книжников-монахов и не имеют ничего общего с подлинным народным творчеством.

Зато истинно народными являются предания о реформе Владимиром языческого культа и возведении им пантеона богов в Киеве. Вот как описывает Нестор на фольклорном материале начало его правления: «И стал Владимир княжить в Киеве один*, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокош. И приносили им жертвы, называя их богами... И осквернилась кровью земля Русская и холм тот». Владимир не удовлетворился содеянным в Киеве и «посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира ** над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу».

Современная наука усматривает в устройстве Владимиром пантеона языческих богов попытку правящей верхушки Руси привести идеологию в соответствие общественному устройству. Нарастание феодализации Руси, развитие и упрочение государственности, возникновение и эволюция феодальных правовых норм обусловили значительные сдвиги в области идеологической жизни. А в феодальную эпоху, по выражению Ф. Энгельса, господствовала одна форма идеологии: религия и теология. Поэтому изменения в древнерусском обществе неизбежно должны были вылиться в религиозную реформу. Вместе с тем реформа диктовалась окончательным сплочением всех восточных славян в общее государство. Вот почему на смену многим племенным культам и многочисленным богам, религиозной мозаичности правительство решило ввести единый

* Единовластно, устранив соперника, брата Ярополка.

** Из новгородских источников известно, что этим кумиром также был Перун.

Устройство пантеона языческих богов в Киеве. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Вначале восточные славяне поклонялись силам природы, злым («упырям») и добрым («берегыням») духам. Заметим, что подобные верования, одухотворяющие природные явления, восходят ко временам каменного века. Затем, продолжает древнерусский книжник, они почитали «Рода и Рожаниц», т. е. божеств природы. Этот культ, несомненно, связан с земледелием и соответствует

последующим стадиям развития человеческого общества. И, наконец, в предшествующую принятию христианства эпоху русы принялись молиться Перуну, Хорсу, Мокоши и другим богам.

Главным богом среди поставленных Владимиром в Киеве «на холме за теремным двором» был Перун. Он — бог грома и молнии, по первостепенному положению в пантеоне Владимира и функциям аналогичен греческому богу Зевсу и римскому — Юпитеру. Перуна неоднократно называет «Повесть временных лет» и другие древнейшие летописные своды. Им клянутся дружинники Игоря, Олега и Святослава («да будет проклят... от Перуна за то, что нарушил свою клятву»).

Летописцы свидетельствуют, что Перуну придавали человеческий облик. К серебряной голове и золотым усам «Повести» поздняя (XVII в.) Густынская летопись прибавляет живописные подробности: идол имел железные ноги, в глазницы были вставлены драгоценные камни. В руку его была вложена каменная стрела-молния, осыпанная яхонтами. В Новгороде вокруг изваяния Перуна днём и ночью пылало восемь костров, о чем жила память в народе до XVII в. Жрецы под страхом смерти должны были поддерживать эти огни.

Перун считался также покровителем земледелия, от него зависели урожаи, поскольку он посылал дожди. Известный дореволюционный фольклорист Е. В. Аничков выразил мнение, что Перун был княжеско-дружинным богом, которому поклонялись в Киеве и Поднепровье. На это его навела мысль, что Перуном в летописи клялись князья и дружина, а остальное войско — Волосом, «скотным богом». Мнение Аничкова разделяется современной наукой.

Идол Волоса тоже стоял в Киеве, но не на холме возле княжеских дворцов, а в торгово-ремесленном районе — на Подоле, близ устья реки Почайны. Об этом узнаем из «Жития Владимира»: после введения христианства князь «Волоса идола, его же называли скотным богом, повелев в Почайну реку сбросить». Волос почитался как покровитель и скотоводства, и торговли. Ведь скот — символ богатства и синоним денег в те времена («скотница» по-древнерусски — казна, сокровищница).

Интересно отметить, что воины-дружинники видели в Волосе родоначальника песенного творчества, бога музыки и песен. А видный учёный XIX в. И. И. Срезневский трактовал Волоса как бога Солнца, своеобразного Аполлона древнерусского времени. Ведь Аполлон почитал-

ся греками как покровитель искусств. Но вернемся к Перуну.

Вероятно, идол Перуна стоял сначала на княжеском дворе. Самим действием перенесения его на холм для общественного обозрения и поклонения Владимир попытался превратить его во всенародного бога, распространить его культ сначала на Киев, а затем и на всю Русь, отголоском чего может быть водружение статуи Перуна в Новгороде, которому он был и вовсе чужд. Таков был первый шаг на пути реформы язычества, предпринятой древнерусским правительством на рубеже 70-х и 80-х годов X в.

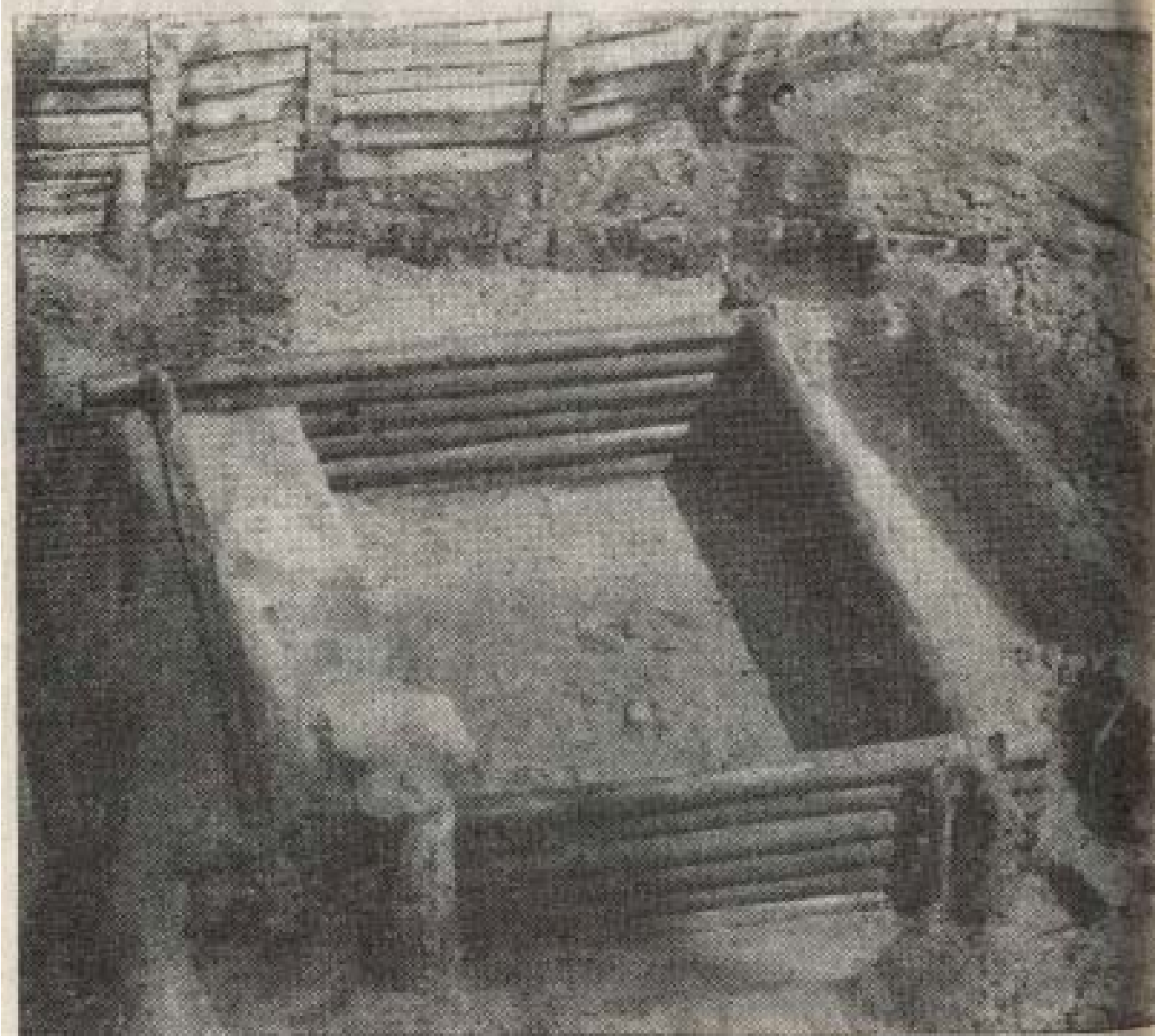
Вторым шагом явилось сосредоточение на холме вокруг Перуна других богов, которые, по всей вероятности, были не местными, а принадлежавшими различным племенным союзам восточных славян и их соседям. Специалисты в большинстве сходятся на том, что и Дажьбог, и Хорс были богами солнца. По-видимому, Дажьбог был славянским божеством, а Хорс принадлежал каким-то южным племенам, по мнению ряда ученых, — торкам, в этносе которых была ощутима скифо-аланская примесь*. Из источников второй половины XI — первой трети XIII в. известно, что союз племен торков был подчинен Руси, помогал ей в борьбе против других кочевников, поэтому русское правительство сочло целесообразным ввести их главного бога в государственный пантеон. Некоторые историки полагают, что Дажьбог принадлежал одному из недавно присоединенных к Киевскому государству восточнославянских племенных объединений.

Впрочем, высказывалось мнение, что Хорс был славянским богом, и вовсе не солнца, а месяца, луны. Оно исходит из поэтического рассказа «Слова о полку Игореве» о князе-волшебнике Всеславе: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее петухов Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перерыскивал» (здесь и ниже — объяснительный перевод Д. С. Лихачева). Ясно, что ночью Всеслав не мог пересечь путь солнцу. Культ месяца был распространен у восточных славян. Его выражение следует видеть в изобилии находимых на территории Древней Руси подвесках-лунницах (в виде полумесяца). Много их обнаружено в самом Киеве.

* Имя Хорс производится от персидского слова «корш» (коршид), означающего солнце.

Характер божества по имени Стрибог разъясняет все то же «Слово о полку Игореве»: «Вот ветры, внуки Стрибога, веют со стороны моря стрелами на храбрые полки Игоря». Следовательно, это бог ветра. Но он же — и бог войны, поскольку мечет стрелы. Лингвисты производят имя этого бога от древнеславянского «стрити» — уничтожать, отсюда Стрибог — уничтожающий, разящий бог. Это своеобразный антипод несущего людям благо Дажьбога.

Совсем мало можно сказать о Симаргле и Мокоши. Некоторые исследователи видят в Симаргле божество подземного мира, того, где пребывают кости предков и откуда вырастают деревья и кустарники. Иногда его представляют в виде крылатого пса. А Мокошь — единственная женское божество в пантеоне Владимира, и уже этим интересна. Одно время считали ее богиней подвластных Руси угро-финских племен, но в последние годы языковеды склоняются к ее славянскому происхождению и сущности, на что указывают наименования славянских поселений и местностей, в частности Макошино в Чернигово-Северской земле, Мокошин в Чехии и др. Вероятно, Мо-

Древнерусский браслет. Серебро, литье, гравировка, чернь.

Срубное жилище X в.
на Подоле в Киеве,
Раскопки
П. П. Толочко,

Языческое капище X в.
в Киеве Раскопки
П. П. Толочко
и Я. Е. Боровского,

кошь — богиня воды и дождя, следовательно, плодородия, аналогичная позднейшей украинской Марене, богине воды и весны². Впрочем, пока это еще только гипотеза.

Хоть это и выглядит невероятным, археологам удалось найти остатки пантеона богов, устроенного по повелению Владимира. Раскопки Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР 1975 г. выявили в центральной части «города Владимира», вблизи упомянутого в летописи «теремного двора», реликты древнерусского святилища.

Исследование очертаний фундамента этого своеобразного языческого храма привело археологов к выводу, что в плане это был прямоугольник размером $7 \times 1,75$ м, снабженный шестью округленными симметричными выступами, по два с каждой стороны, на которых, вероятнее всего, и стояли шесть названных в народном предании богов, начиная с Перуна и кончая Мокошью*. На юг от пантеона богов ученые нашли большое чашеобразное углубление в земле с немалым количеством угля, золы и костей животных. Это был жертвенник, в котором горело огромное кострище, — вспомним неугасимые огни, пылавшие у капища Перуна. Так была «документально» (археологически источники дают информацию, не уступающую по достоверности источникам письменным) установлена правдивость народного предания о пантеоне богов Владимира и даже точность отдельных деталей этого фольклорного произведения³.

Однако проведенная реформа язычества не могла удовлетворить быстро прогрессирующие идеологические потребности классового общества и феодального государства. В новой религии нуждался крепнувший класс феодалов с князьями во главе. Ею и стало христианство, объявленное государственной религией Киевской Руси в 988 г. «Повесть временных лет» поместила под этим годом колоритное описание свержения языческих кумиров новообращенным христианином Владимиром: «Повелел (он) опрокинуть идолов, — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью... Ког-

² См.: Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. — К., 1982, с. 13—20.

* В 1909 г. известный киевский археолог В. В. Хвойка открыл в центре древнейшего киевского городища каменное святилище эллипсоидной формы, также имевшие с четырех сторон выступы. Можно предположить, что это святилище принадлежало Перуну.

³ Толочко П. П. Древний Киев, с. 40—42.

да влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как и до сих пор зовется».

Это, несомненно, народное предание с его наивным стремлением ссылкой на название местности доказать достоверность повествуемого. Вероятнее всего, широко известное киевское предание о свержении Перуна «привязали» позднее к местности, дабы объяснить ее название: «Перунья отмель». Между тем как раз в районе днепровских порогов в начале XX в. нашли так называемый Перунов дуб — священное дерево славян-язычников с вбитыми в него кабаньими челюстями. Возможно, подобный дуб стоял некогда и на «Перуньей отмели» и дал ей наименование.

Вряд ли идол Перуна мог уплыть так далеко. В Киеве долгое время сохранялось предание, указывающее совсем другое место «высадки» сброшенного со священного холма Перуна. Это предание вписал в созданную им в 1672 г. «Хронику» игумен Киевского Михайловского монастыря Феодосий Сафонович: «И гды того болвана утопили, плынул вниз, а невернии, идучи берегом, плакали и звали, мовлячи: «Выдыбай, наш Господару, Боже, выдыбай», то есть выплыви. А той болван выдыбал албо выплыл аж там на берег, где теперь моиастыр Выдубицкий; и названо тое местце тым урочищем от выдубаня Выдыбичи албо Выдубичи». И в этом варианте предания указывается «точное» место, где выплыл Перун, и объясняется подобным образом название древнего урочища.

В том и другом случаях отмечается сожаление киевлян о свергнутом Перуне — часть их издавна верила в этого бога. Не то случилось в Новгороде, где культ Перуна был чужим. Новгородская первая летопись младшего извода повествует, что когда сброшенного в реку Волхов Перуна прибило к берегу, один из новгородцев оттолкнул его шестом, молвив: «Ты, Перун, досыта поел и попил, а теперь плыви прочь».

Идеологическая реформа была важной, но не единственной заботой древнерусского правительства последней четверти X в. Завершение государственного строительства требовало включения в его состав тех союзов племен,

которые либо еще оставались независимыми, либо сумели на время освободиться из-под власти Киева. У многих ученых вызывали недоумение свидетельства «Повести временных лет» о подчинении Владимиром племенных объединений, которые, по сведениям того же источника, были покорены его предшественниками, например, радимичей, присоединенных к Руси еще Олегом. А. А. Шахматов писал: «Народное предание приписывало ему покорение вятичей, радимичей, хорватов... Все эти походы воспевались, по-видимому, в былинах, которые стали рано переносить на Владимира подвиги предшествовавших ему князей. Так, о покорении вятичей другие народные предания говорили как о деле Святослава»¹.

Подобное мнение представляется недостаточно обоснованным. Процессы включения объединений восточных славян в Древнерусское государство были длительными и протекали с переменным успехом, что мы показали на примере древлян: покоренные еще Олегом, они восстали против Игоря, и их сопротивление было окончательно сломлено лишь войском Ольги. То же самое можно сказать о вятичах. Этот отдаленный от Киева десятками дней конного пути, затерянный в лесах могучий племенной союз долгое время сопротивлялся подчинению центральной власти.

Народные предания (а именно они, а не былины послужили источником Нестору и другим летописцам) о включении восточнославянских объединений в государство с центром в Киеве при Владимире сохранились плохо: лишь в форме глухих и лаконичных упоминаний. Под 981 г. читаем в «Повести временных лет»: «Победил Владимир и вятичей, и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал» — подтверждение сказанного в свое время летописью о подчинении вятичского союза Святославом. Но, как и в случае со Святославом, эта победа оказалась непрочной. В следующем 982 г. «поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично». После этого в летописях нет упоминаний о том, что вятичи продолжали сопротивляться централизаторским устремлениям киевских князей. Но это не значит, что они смирились. В «Поучении» Владимира Мономаха читаем: «А в Вятческую землю ходили две зимы на Ходоту и на сына его». Вероятно, Ходота был вятичским князьком из местной племенной знати, и понадобилось две зимних

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 484.

кампании, чтобы усмирить его, — и это в конце XI в., в годы большого могущества киевских великих князей!

Лишь предание о покорении радимичей наполнено живыми подробностями. В 984 г., сообщает Нестор, «пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают».

Отголосок этого предания вплоть до второй половины XIX в. жил в украинском фольклоре. Н. И. Костомаров записал поразительную весеннюю песню со следующими словами:

Пищано, Пищаніно,
По березі ходило...
Ішов вовк мимо дівок,
Усім дівкам шапку зняв...

Во времена Костомарова первоначальный смысл предания о покорении радимичей был, как видим, утерян, остались лишь волк да название реки Пищаны. Но их народная память хранила в течение тысячелетия.

Подлинно народные предания, как отмечалось выше, не приемлют завоевательных походов. Лишь одна из военных экспедиций Владимира в чужие земли отразилась в них, да и то народный рассказчик иронизирует над оставшимися в дураках князем и его сподвижником-дядей: «В год 985. Пошел Владимир на болгар с дядею своим Добрынею, а торков (союзников-кочевников. — Авт.) привел берегом на конях;... Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать, — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть». И вернулся Владимир в Киев». Предание откровенно насмехается над князем и дружиной, не способными удержать в повиновении и обложить данью воинственных (сапоги — один из признаков воина) и зажиточных людей, их привычное дело, по мнению сказителя, — обирать забитых и миролюбивых бедняков.

Фольклористы указывают, что самым способом выражения клятвы передается идея невозможности нарушения русско-болгарской дружбы. Подобный мотив часто встречается в украинских исторических песнях. Прощаясь с семьей, идущий на войну казак говорит сестре, что вернется домой, когда мельничный жернов поплывет, а перо

(в одном из вариантов даже: «хмелевое») потонет, т. е. что быть ему убитым. Все, о чем шла речь, воссоздано в «Повести временных лет» и иных летописях на материале исторических народных преданий. Но в летописные тексты, отражающие события конца X — начала XI в., влилась и струя воинского эпоса. Неизмеримо более слабая, чем во времена Святослава, она все же рисует Владимира традиционным дружинным князем.

В летописи Нестора читаем, как берег и лелеял Владимир дружину. Однажды дружинники принялись «роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра».

Вероятно, в действительности Владимир не снабжал своих ратников серебряными ложками. Но идеальный князь, герой воинского эпоса, должен был превыше всего ценить свою дружину. Заканчивая рассказ о ложках, сказитель назидательно замечает: «Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны». На самом деле, времена, когда князь во всем советовался с дружинниками, уже миновали. У него появились новые советники: возвышающаяся и в будущем обросшая земельными владениями знать.

Интересно отметить, что безвестный певец подчеркивает равнодушие Владимира к золоту и серебру, что являлось неременной добродетелью подлинно дружинного князя, — вспомним Святослава, с пренебрежением глядящего на поднесенные греками драгоценные подарки.

В представлении многих любителей отечественных древностей Владимир Святославич знаменит едва ли не главным образом своими пирами. Пир — неременная принадлежность былии так называемого киевского цикла, героем которых выступает Владимир Красно Солнышко. Изучавшие этот эпический жанр ученые полагают, что подобное обилие пиров в былинах вовсе не случайно. Былины, вероятно, исполнялись главным образом на пирах. Вот картина пира, открывающая одну из былин:

У ласкова князя Володимира
Было столованье — почестной пир,
На многих князей и бояров.
На всю поленицу* удалую,

* Поленица — богатырь (реже — богатырша), едущий по полю и охраняющий рубежи родной земли.

На всю дружину храбрую.
Он всех поит, всех чествует,
Сам по гридне* похаживат,
Белыми руками помахиват,
Могучими плечами поворачиват⁵.

Владимировы пиры отразились и в «Повести временных лет», и в других летописях. Нестор пишет: «Каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам и гридям, и соцким, и десятикам, и лучшим мужам». Однажды, победив лютых врагов Руси, печенежских ханов, Владимир «устроил великое празднование, наварив меду 300 провар^{**}. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов, и всяких людей много, и роздал бедным 300 гривен. И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев... И здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа». У поздней Иоакимовской летописи, как видим, были основания описывать княжение Владимира «со многими пирами и веселием».

Народный, точнее, дружинный источник всех этих рассказов вряд ли может быть поставлен под сомнение. Но какова его достоверность? Фольклористы считают, что и Владимир, и предшествовавшие ему князья действительно устраивали пиры, на которые, наряду с дружинниками и знатными людьми, приглашалось и много простого народа. Еще действовали пережитки эпохи военной демократии, когда князь непременно пировал вместе с дружиной. Кроме того, пиры были ловким способом вовлечения людей из различных социальных слоев в дружину, всегда ощущавшую недостаток в квалифицированных воинах и просто сильных людях, могущих ими стать. Вспомним, что в те суровые времена князья вели почти постоянные войны, подавляли восстания не желавших подчиняться их власти племенных союзов, вследствие чего дружина редела.

Древнерусский народ видел главную заслугу Владимира в заботах о защите родной земли от хищных кочевников-печенегов. В неравной битве с ними сложил голову его отец Святослав и многие тысячи безвестных русских людей. Печенежские ханы почти ежегодно совершали набеги на южнорусские земли из причерноморских степей, где постоянно кочевали их орды. Они легко обходили не-

* Гридня, гридница — пиршественная палата.

⁵ Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск, 1939, с. 129.

^{**} Здесь в значении «бочек».

многочисленные крепости и укрепленные города, нанеся основной урон сельскому населению. Поэтому перед киевским правительством в первые годы княжения Владимира Святославича встала в качестве первоочередной задача возведения оборонительных линий вдоль рек, бывших природными рубежами со степью, в которой властвовали кочевники.

Под 988 г. Нестор пересказывает историческое предание о фортификационной деятельности древнерусского правительства: «И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города на Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их». Упоминание о том, что гарнизоны городов-крепостей составляли выходцы из различных земель, побуждает думать, что возведение оборонительных линий было общерусским делом. Это понятно, если учесть, что приходилось строить не только крепости, но и громадные земляные валы, и крепкие дубовые частоколы.

Сохранилось живое свидетельство очевидца, своими глазами видевшего грандиозную оборонительную систему, возведенную в те годы. В 1006 г. в Киеве побывал германский епископ Бруно, направлявшийся к печенегам, дабы склонить их к христианству. В письме к императору Генриху II он рассказал, что Владимир с дружиной проводил его «до последнего предела своего государства, который он, по причине скитающегося неприятеля (печенегов. Авт.), оградил отовсюду самым крепким частоколом на весьма большое пространство». За воротами, проделанными в частоколе, начиналась уже вражеская земля.

Из названных в летописи пяти рек, вдоль которых возводились порубежные крепости, четыре находились на более уязвимом для вторжений кочевников Левобережье Днепра. Здесь степь простиралась едва ли не до самого Чернигова. Вторгавшимся на Русь печенежским ордам сначала приходилось преодолевать рубеж на Суле. При впадении этой реки в Днепр ученые-археологи обнаружили укрепленную гавань Воинь, служившую убежищем для кораблей, плававших по великому водному пути «из Варяг и Греки». На следующем рубеже, реке Трубеж, путь кочевникам преграждал сильно укрепленный Переяслав, далее шли оборонительные линии по Остру и Десне. А в долине р. Стугны под Киевом стояла мощная крепость Витчев с валами, дубовыми стенами и сигнальной башней на

Золотые ворота в Киеве X в. Реконструкция С. А. Высоцкого.

холме. Зажженный на этой башне костер видно на киевских валах — он извещал о приближении врага.

На Стугне Б. А. Рыбаков открыл небольшую крепость с дубовыми стенами, засыпанными внутри землей. Ее окружали рвы, а ворота были надежно укреплены. Ученый отождествил эту крепость с упоминаемым в летописи Новгородом Малым и назвал ее «заставой богатырской». Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что крепость существовала всего несколько лет и была уничтожена печенегам во время большого похода на Киев в августе 996 г.

Под 991 г. «Повесть временных лет» сообщает, что «Владимир заложил город Белгород, и набрал для него

людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город этот». Любовь князя-полководца к Белгороду объясняется тем, что возведенный за Стугной на подступах к Киеву город был прекрасно укреплен и надежно защищал стольный град Руси, наряду с Витечевым и другими особенно сильными крепостями.

Но вернемся к Новгороду Малому. Для темы нашего рассказа важно указание историка: «Крепость находилась на крутом обрывистом холме, к которому подходила линия укреплений «Змиевых валов»⁶.

Земледельческие районы Среднего Поднепровья издавна окружали земляные валы, протянувшиеся более чем на 400 км. Остатки этих поистине циклопических сооружений сохранились до наших дней. Много лет среди ученых продолжаются жаркие споры относительно времени возведения укреплений, носящих название «Змиевых». Чтобы понять, как и почему родилось такое название, необходимо обратиться к древнему восточнославянскому фольклору.

Сказания о змеях и борьбе с ними принадлежат к наиболее распространенным в народном творчестве восточных славян. Зародились они еще на родоплеменном этапе их истории. На территории Украины фольклористами записано множество легенд о борьбе Кузьмы и Демьяна или Бориса и Глеба со змеем (драконом), пожиравшим людей.

Змееборческие мотивы нашли отражение и в тех былинах, рождение которых наука относит ко временам, предшествовавшим созданию Древнерусского государства. Одна из таких былин трансформировалась применительно к X в., когда ее героем стал богатырь Добрыня. Речь идет о былинне «Добрыня и змей», в которой поется:

А не темные ли темень затёмвели,
А не черные тут облаци попадали,
А летит ко Добрынюшке люта змея,
А лютая-то змея да печерская.

Затем в былинах появляется образ Тугарина Змеевича, сына страшного змея. В Тугарине ученые видят воспоминание о грозном половецком хане Тугоркане. Этот образ интересен потому, что является переходным от мифического змея в реальное историческое лицо.

Согласно народным поверьям, мифический герой «Кузьмодемьян» или «Борисоглеб» запрягал в плуг громадного змея и пропахивал грандиозные борозды в степи вплоть до моря. Так, по мнению народа, возникли «Змиевы валы».

⁶ Рыбников Б. А. «Застава богатырская» на Стугне. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 91.

Совсем недавно началось археологическое изучение «Змиевых валов». Они оказались разновременными, возводились славянами-земледельцами для защиты от кочевников, возможно, не одно столетие.

Вместе с тем археологи обнаружили, что часть «Змиевых валов» относится к древнерусскому времени. Например, раскопки экспедиции Института археологии АН УССР в 1974 г. под руководством М. П. Кучеры на левом берегу р. Стугны позволили датировать проходящие там валы концом X—началом XI в., т. е. временем княжения Владимира Святославича, когда особенно интенсивно строились оборонительные сооружения. Можно с большой долей уверенности предположить, что «Змиевы валы» у Новгорода Малого возводились во времена фортификационной деятельности правительства Владимира.

В эпоху становления Древнерусского государства борьба со змеями начала осмысляться в фольклоре как борьба с кочевниками, угрожавшими самому его существованию. Это был новый этап жизни древних мифов. Легендарного «Кузьмодемьяна» заменяет уже более реальный Кожемяка, отразившийся также в позднейших преданиях и сказках русских, украинцев и белорусов.

В связи со сказанным делается более понятным поэтическое и героическое предание, помещенное в летописи Нестора под 992 г.: «Пришли печенеги по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них, и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону».

Хотя летопись ни словом не упоминает о существовании в то время оборонительных линий, присутствие их слышится между строк ее рассказа: печенежские орды преодолели рубеж по Суле и остановились перед следующим, более мощным, по Трубежу, куда пришел Владимир с войском из Киева. Враг не осмеливался штурмовать укрепления, князь же, вероятно, обладал войском намного меньшей численности, чем печенежское.

«И подъехал князь печенежский к реке,— продолжает летописец,— вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего,— пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года, если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». Цена исхода поединка была высока, поэтому князь серьезно отнесся к выбору бойца. Но долгое

время в русском стане не находилось желающего сразиться с печенежским богатырем...

«И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь» — знакомый мотив героя-малолетка, известный нам по преданиям о Святославе.

«Однажды я бранил его,— продолжал свой рассказ старик,— а он мямлю, так он рассердился и разорвал кожу руками»,— судя из дальнейшего, речь шла о бычьей, необычайно крепкой и толстой шкуре. «Слышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок, и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться».

Эпические мотивы единоборства богатырей с вызовом добровольца и испытанием его силы распространены у многих народов. Фольклористы отмечают параллели и в европейских (старофранцузских, например), и в азиатских (монгольских, бурятских и др.) эпических сказаниях.

Настал решительный миг схватки, от которого зависел исход войны. «На следующее утро,— разворачивает эпическое полотно Нестор,— пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение*, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег, и посмеялся, ибо был он (русский воин.— Авт.) среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их (богатырей.— Авт.) друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил (русский) печенежина руками досмерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их».

Как остроумно заметила В. К. Соколова, «от змея в этом предании сохранилось разве только то, что печенег

* Обычно русские ратники надевали тяжелые доспехи непосредственно перед битвой. Таким образом князь подготовил войско к сражению.

ривши мѣжи ѿ бѣла по лѣсамъ . и стѣпаша и ѿстасѣ
и почастасѣ крѣпко рѣати . и оудавишѣ мѣжи сѣ
вѣи кѣ двѣмъ рѣи . и оудѣи мѣи зѣмлю . и сѣмъ поу
шати чѣмъ зѣмлю поустѣгоша : ~

и оудѣи мѣи зѣмлю . и сѣмъ поу
шати чѣмъ зѣмлю поустѣгоша : ~

Подпис юноши кожейтки Мипиатюра Радзивиловской летописи.

был «превелик зело и страшен». Но именно подобным образом древняя легенда об очищении земли от чудовищ переродилась в историческое предание об очищении родного края от смертельного врага — печенежских орд.

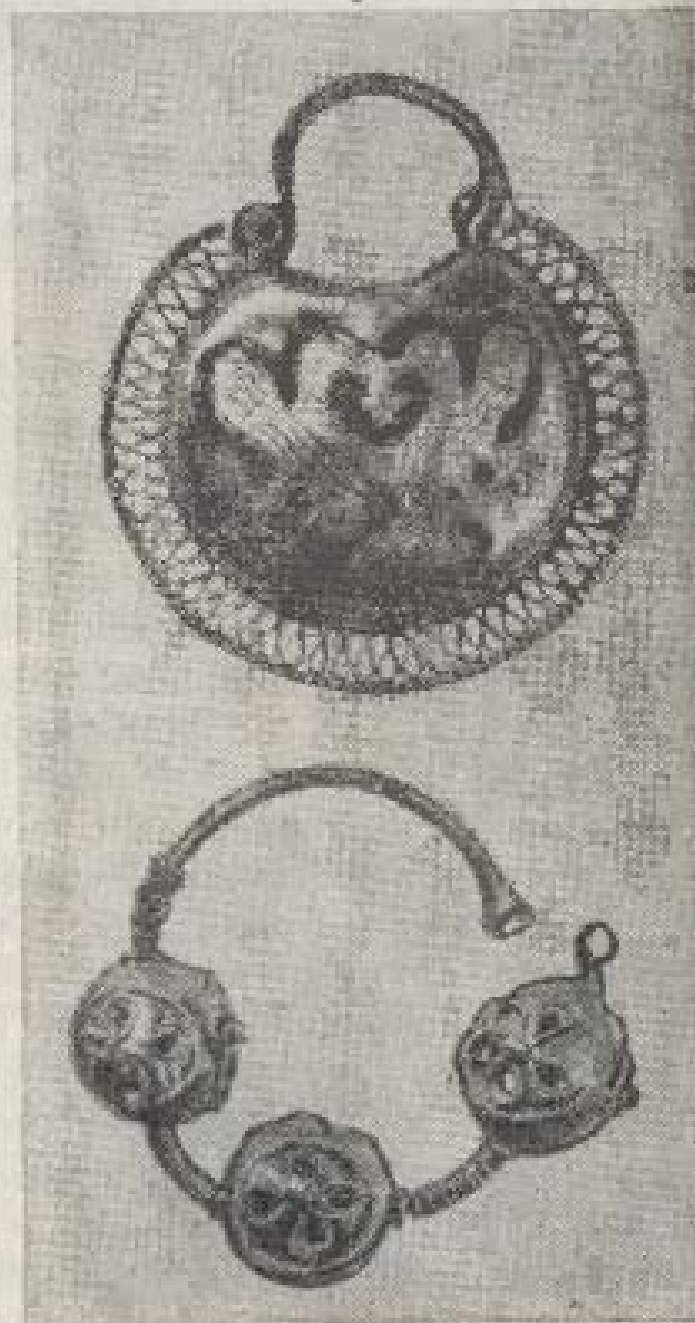
Легенды и сказки о победе русского вонна над печенегом долгое время жили на Украине. Безымянный в летописи, он носит в записанных в различных местностях Украины в XIX в. фольклорных сказаниях имя Кирилла или Никиты.

Летописный рассказ о победе русских над печенегами заканчивается словами: «Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот». Эти слова не раз вызывали недоумение исследователей летописания — ведь, если верить тексту соглашения Руси и Византии 907 г., этот город уже тогда существовал, и об этом знал Нестор. В «Повести временных лет» под 907 г. летописец упоминает русских купцов, приходивших в Константинополь «из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов».

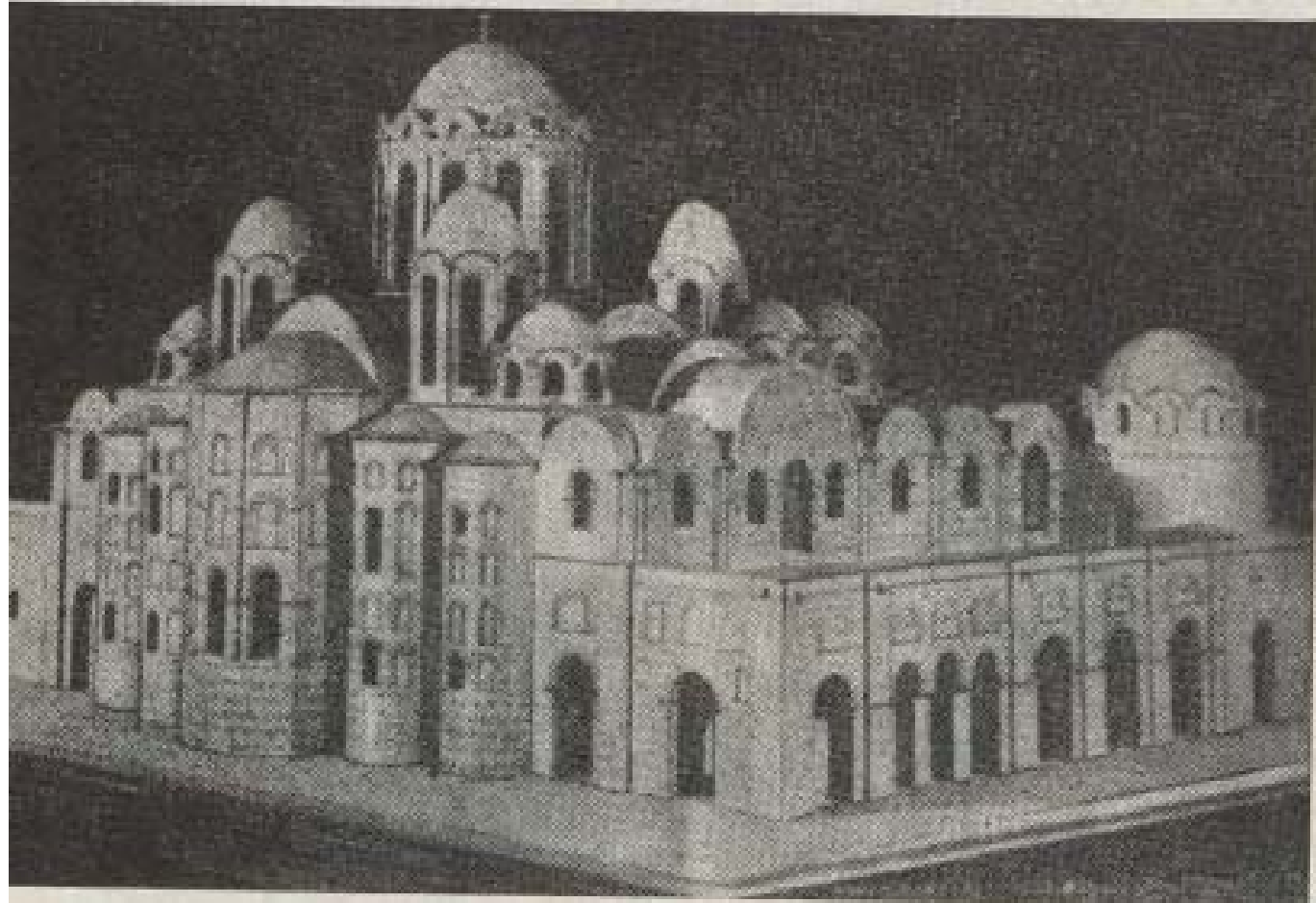
Некоторые историки полагают поэтому, что название Переяславля интерполировано (вставлено позднее) в текст русско-византийского соглашения 907 г. а на са-

мом деле город был заложен лишь после победы над печенегами в 993 г. Мы же думаем иначе. Свойственное народным преданиям стремление, опираясь на любые реалии, в том числе и на топонимические, обосновать достоверность рассказа сказалась и в рассматриваемом здесь произведении данного жанра. Образую наименование Переяславля от «перенимать славу», создатели предания сочли естественным вывести это название от известного им факта победы русского воина над печенегом, происшедшего недалеко от этого города, поскольку им было неизвестно (так же, как и нам) подлинное происхождение топонима.

Героическая тема борьбы народа с Печенежской степью отразилась и в другом предании из числа записанных в древнейших летописных сводах, — об осаде Белгорода несметным вражеским войском. Оно помещено Нестором под 907 г., после предания о поединке юноши-кожемяки

Древнерусские колты (серебро, чернь) и серьги (золото, скань).
Из раскопок М. К. Каргера в Изяславле.

Софийский собор. Реконструкции Ю. С. Асеева, Н. И. Кресального, В. П. Волкова.

с печенежским богатырем: «Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время непрерывная великая война,— узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество». Историками установлено, что эта печальная картина в целом соответствовала действительности. Победы русского войска чередовались с неудачами, ибо печенеги почти всегда имели большой численный перевес и хорошо использовали фактор неожиданности при набегах. Минет еще несколько десятилетий, прежде чем сын Владимира Ярослав нанесет решительное поражение печенежским ханам у врат Киева и отметит великую победу основанием прекрасного Софийского храма. Но это случится позднее, а мы вернемся к осажденным белгородцам.

Собралось городское вече, на котором менее сильные духом склонялись к тому, чтобы сдаться печенегам,— все равно, мол, помирать с голоду. Печенежские воины не шли на приступ — Белгород был сильно укреплен, а кочевники, и не только печенеги, но и сменившие их в причерномор-

ских степях половцы, не умели штурмовать мощных крепостей.

В критическую минуту подал голос мудрый старец: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня*, и сделайте то, что я вам велю». Они же (городские старейшины.— *Авт.*) с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце».

После этого приободрившись белгородцы послали за печенегами, и когда их послы вошли в город, «сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можно перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя...»

Пораженные печенежские посланцы вернулись к своим «князьям» (ханам), неся, в виде вещественного доказательства, «корчагу кисельного раствора и сыты из колодца... И, сварив, ели князья печенежские и подивились». Затем печенеги «поднялись и пошли от города восвояси».

Ушли в прошлое славные былинные времена, закатилось «Красно Солнышко», кончилось княжение Владимира, миновала свой пик эпоха древнерусского эпоса. Настали новые времена. В княжение Ярослава Мудрого составляется первый отечественный летописный свод (1039 г.), названный А. А. Шахматовым Древнейшим, затем создаются другие летописи, и народные предания и легенды, былины и дружинные песни постепенно отходят на второй план, уступая место исторически конкретным, хотя порой и протокольно суховатым сведениям летописей. Но фольклорный источник летописания не иссяк.

* И вновь магическая фольклорная цифра «три» — как и в предании о единоборстве Кожемеяки с печенегом: если победит русский, то не будет войны три года, если печенег — «будем разорять вас три года».

Начиная со времени княжения Владимира Святославича летописный рассказ ведется строго по годам, и это уже не прежняя, во многом условная, часто произвольно составленная хронологическая сетка княжений Олега и Игоря, Ольги и Святослава. Отмеченное обстоятельство побуждает ученых думать, что в последнем двадцатилетии X в. в Киеве велись уже погодные летописные записи, а Л. В. Черепнин и Б. А. Рыбаков уверены, что первый древнерусский свод был составлен при Десятинной церкви примерно в 997 г. во времена правления Владимира.

Но ежегодная фиксация событий не скоро вытеснила воссоздание их на материале фольклорных произведений. Хотя летописание быстро набирало силу (лишь в XI в. в Киеве составили целых три свода), летописцы еще долго щедро черпали из народных родников, и ярким примером тому является Нестор, взявший из преданий и легенд не меньше своих предшественников. В течение и XI, и XII, и части XIII вв. летописцы и народные сказители мирно сосуществовали. Покажем это на примере продолжавшего бытовать в летописи дружинного эпоса, который, казалось бы, должен быть безвозвратно утерян с отмиранием родоплеменного строя и быта.

Сам князь Ярослав Мудрый мало отражен в попавших в летописи памятниках народного творчества, в частности в воинском эпосе. Это можно объяснить тем, что он вовсе не соответствовал идеалу дружинного князя. В своей внутренней и внешней политике Ярослав опирался не на дружину, а на феодальные и городские верхи. Зато поистине дружинным князем был его родной брат Мстислав, воспетый в «Повести временных лет», вне сомнения, на материале воинского эпоса.

Богатырская фигура Мстислава поднимается во весь рост в летописи как бы внезапно. «Повесть временных лет» сообщает, что этот сидевший в далекой, отрезанной кочевниками от остальной Руси Тмутаракани, князь «по-

шел на касогов» (адыгов или черкесов). Исследователи установили, что открывающееся этими словами эпическое сказание попало еще в летописный свод 1073 г., составитель которого Никон побывал в Тмутаракани и записал там дружинные песни о Мстиславе. «Узнав же об этом,— продолжает летопись,— князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И вновь, как и в предании о Кожемяке, как во многочисленных былинах, исход войны или похода решается поединком богатырей, здесь — предводителей соперничавших войск. «И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя». Собрав все силы и мужество, Мстислав «ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю», после чего покорил касогов и обложил их данью.

Отголосок этой дружинной песни (попавшей в летопись в прозаическом пересказе) слышится в «Слове о полку Игореве»: вещий Боян пел песнь «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълкы касожьскими».

Древнерусский эпос определенно рисует Мстислава как образцового дружинного князя. Вот написанный на эпической основе его портрет в «Повести временных лет»: «Был же Мстислав дороден телом*, румян, с большими глазами**, храбр в бою, милостив, очень любил дружину, имущества для нее не жалел, ни в питье, ни в пище не ограничивал ее». Не правда ли, родной брат Святослава? А ведь разделяла этих князей целая эпоха древнерусской истории, в которую сложилось восточнославянское государство.

Нестор приводит характерную иллюстрацию «дружинолюбия» Мстислава, без сомнения, — также эпического происхождения. В 1024 г. вернувшийся из Тмутаракани Мстислав предпринял смелую попытку захватить Киев, но «не приняли его киевляне». Тогда он сел в Чернигове. Наскоро собрав войско, утвердившийся к тому времени на киевском престоле Ярослав Мудрый двинулся на Мстислава. Братья сошлись у Листвена, где и произошла жестокая битва. Мстислав вышел из нее победителем. И вот летописец отмечает его характерную черту: «Мстислав же рано утром, увидев лежащими (на поле битвы) убитыми

* В значении: мощного телосложения.

** Идеал мужской красоты того времени.

своих северян* и Ярославовых варягов, сказал: «Кто этому не порадуется? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». Всецело опирающийся на дружину (часть которой, вероятно, пришла с ним из Тмутаракани), Мстислав берег и холил ее, и дружинники платили ему преданностью и любовью. Но этот храбрый воитель оставил в истории неизмеримо меньший след, чем его менее заметный на поле брани, но великий в государственных делах брат Ярослав.

Дружинный эпос продолжал жить в летописях и других памятниках письменности и в последующие времена. Им буквально напоен шедевр древнерусской литературы конца XII в. «Слово о полку Игореве». А Галицко-Волынская летопись XIII в. донесла до нас прекрасную песнь о победах русского воинства под водительством Владимира Мономаха над половецкими захватчиками.

Владимир Всеволодович, прозванный Мономахом за родство с этой византийской императорской династией, «погубил поганных измаилтян, называемых половцами, отогнал Отрока до Обезов**, и за Железные ворота***, а Сырчан остался у Дона, питаясь рыбою****. Тогда Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон, захватил всю их землю и прогнал окаянных агарян (половцев.— Авт.). После смерти Владимира у Сырчана остался единственный гудец (певец.— Авт.) Орь, и послал его Сырчан к обезам, так сказав: «Владимир умер. Воротись, брат, пойдя в свою землю! Передай Отроку эти мои слова, пой ему песни половецкие; если же не захочет, дай ему понюхать траву, называемую емшан (полынь.— Авт.). Отрок не захотел ни возвращаться, ни слушать песни — и тогда Орь дал ему эту траву. И когда он ее понюхал, то заплакал и сказал: «Лучше в своей земле костыми лечь, чем на чужой быть прославленным». И пришел он в свою землю...»

Летописи и другие произведения древнерусской литературы последующего времени также наполнены и напоены фольклором. Мы не раз отмечали примеры живой жизни преданий и легенд в летописных сводах XVI и XVII вв. Еще в течение многих столетий воображение и летописцев, и простых людей на Руси волновали красочные народные произведения, воспевавшие героические подвиги предков, их ум, смекалку и любовь к Родине.

* Жителей Чернигово-Северской земли, где он княжил.

** Здесь: в Грузию.

*** Один из проходов в Кавказском хребте.

**** Насмешка над ханом, впавшим в ничтожество: богатые кочевники-половцы ели исключительно мясо.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор.— Л.: Наука, 1974.— 171 с.
- Азбелев С. Н. Историзм бытия и специфика фольклора.— Л.: Наука, 1982.— 327 с.
- Аничков Е. Ф. Язычество и Древняя Русь.— Спб., 1914.— 386 с.
- Гилларов Ф. Предания русской начальной летописи.— М., 1878.— 325 с.
- Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь.— М.: Наука, 1969.— 302 с.
- Лихачев Д. Великое наследие.— М.: Современник, 1980.— 412 с.
- Повесть временных лет.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— Ч. 1. 405 с.; Ч. 2. 556 с.
- Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв.— М.: Наука, 1980.— 336 с.
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 361 с.
- ✓Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв.— М.: Наука, 1978.— 239 с.
- Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции: Пробл. эволюции.— М.: Наука, 1974.— 263 с.
- Соколова В. К. Русские исторические предания.— М.: Наука, 1970.— 321 с.
- ✓Толочко П. П. Древний Киев.— К.: Наук. думка, 1983.— 327 с.
- ✓Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1902, ч. 342, № 8, с. 287—356; 1903, ч. 350, № 11, с. 1—40.
- Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях.— Киев, 1878.— 212 с.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет.— Пг., 1916.— LXXVII.— 403 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФОЛЬКЛОРЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ	5
«И БЫЛИ ТЕ МУЖИ МУДРЫ И СМЫСЛЕННЫ, И НАЗЫВАЛИСЬ ОНИ ПОЛЯНАМИ»	15
РУСЬ ИДЕТ ПОХОДОМ НА ЦАРЬГРАД	39
СЛЕДАМИ ОЛЕГА ВЕЩЕГО	55
«И СТАЛ ОН ЗАМЫШЛЯТЬ ПОХОД НА ДРЕВЛЯН...»	82
ВНОВЬ НА ПУТЯХ К ЦАРЬГРАДУ	101
«И ПОСЫЛАЛ ОН В ИНЫЕ ЗЕМЛИ СО СЛОВАМИ: «ХОЧУ НА ВАС ИДТИ»	115
БОГАТЫРСКОЕ ВРЕМЯ РУСИ	132
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	156
РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	158

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КОТЛЯР

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
И КИЕВ
В ЛЕТОПИСНЫХ
ПРЕДАНИЯХ
И ЛЕГЕНДАХ

Печатается по решению
Редакционной коллегии
научно-популярной литературы
АН УССР

Редактор *Н. Ф. Макивчук*

Оформление художника *Е. В. Попова*

Художественный редактор *И. В. Козы*

Технический редактор *Т. С. Березяк*

Корректоры *Т. А. Обора,*

Н. А. Луцкая, Ю. И. Бойко

ИБ № 7760

Сдано в набор 25.07.85. Подп. в печ. 14.01.86.
БФ 01006, Формат 84×106/32. Бум. тип. № 1. Вмс.
печ. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд.
л. 9,61. Тираж 70 000 экз. Зак. 5-312. Цена 30 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Книжная фабрика «Коммунист», 310012,
Харьков 12, Энгельса, 11.